

МХП

Рождение слова

Мастера
художественного
перевода

Рождение слова

Македонские
переводы
Ольги
ПАНЬКИНОЙ

Мастера художественного перевода

Как составитель Ольга Панькина внесла в книгу свой индивидуальный взгляд на македонскую литературу, а как переводчик продемонстрировала незаурядный дар языкотворчески передавать на русском языке все своеобразие македонского литературного слова.

Книга «Рождение слова» – очередной этап в постижении «македонского феномена».

Он многолик, оттого каждый найдет на страницах этой книги нечто близкое своей собственной душе.

И пустится в свое собственное путешествие...

Димитар Пандев

ISBN 978-5-00087-168-3

9 785000 871683

Мастера
художественного
ХДТ перевода

Рождение слова

Македонские переводы
Ольги
ПАНЬКИНОЙ

Центр книги Рудомино
Москва 2019

УДК 821.163.3

ББК 84(4)

P62

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры и туризма»

Издательство благодарит Министерство культуры Македонии и фонд «Трифун Костовски» при Македонской академии наук и искусств за финансовую поддержку книги

Наша отдельная благодарность македонским авторам за разрешение публикаций на безгонорарной основе

Автор предисловия: Димитар Пандев

Редакторы: И.Ю.Мельникова и Ю.Г.Фридштейн

Дизайн: С.А. Виноградова

В оформлении переплета использована картина О.Панькиной «Время, вперед».

P62 Рождение слова: македонские переводы Ольги Панькиной. – М.: Центр книги Рудомино, 2019. – 304 с. – (Серия «Мастера художественного перевода»).

ISBN 978-5-00087-168-3

Как составитель Ольга Панькина внесла в книгу свой индивидуальный взгляд на македонскую литературу, а как переводчик продемонстрировала незаурядный дар языкотворчески передавать на русском языке все своеобразие македонского литературного слова. Книга «Рождение слова» – очередной этап в постижении «македонского феномена». Он многолик, оттого каждый найдет на страницах этой книги нечто близкое своей собственной душе. (Д.Пандев).

УДК 821.163.3

ББК 84(4)

ISBN 978-5-00087-168-3

© О.Панькина, составление, перевод, 2019

© Д.Пандев, предисловие, 2019

© ООО «Центр книги Рудомино», издание на русском языке, оформление, 2019

Приглашение к путешествию

Перед нами новая книга произведений македонских писателей – творческий выбор Ольги Панькиной, известного знатока и переводчика македонской литературы. Филологическое и профессиональное становление Ольги, воспитанной русской литературой, к тому же наделенной врожденным чувством русского языка, происходило в атмосфере македонского языка и литературы. Она вжилась в македонскую словесность и сроднилась с македонской общественной и культурной средой так, как почти ни один русский филолог до нее. Лучшим подтверждением тому являются произведения, которые она превосходно перевела за последние десятилетия, приобщив к ним русских читателей и, что немаловажно, российских издателей. А число переведенных ею произведений македонских авторов огромно.

В этой книге представлены три литературных жанра: поэзия, «малая» проза, драматургия.

Как составитель Ольга Панькина внесла в книгу свой индивидуальный взгляд на македонскую литературу, а как переводчик продемонстрировала незаурядный дар языкотворчески передавать на русском языке все своеобразие македонского литературного слова.

Найденные ею в переводе стихотворения Ацо Шопова «Рождение слова», давшего название всему сборнику, чеканно-афористичные формулы: «слово выходит из

тмы настороженной» и «слово, взрывающееся в висках» – безусловное тому подтверждение.

Ольге Панькиной очень повезло: у нее были хорошие наставники. В пору учебы на филологическом факультете МГУ – профессор Рина Павловна Усикова, первой пробудившая в ней интерес к Македонии; замечательный македонский поэт, литературовед и переводчик Блаже Конеский, ставший руководителем ее дипломной работы; наконец – Гане Тодоровский, ученый и поэт, переводчик русской поэзии и исследователь русско-македонских культурных связей, открывший ей искуственную магию, скрытую в работе (и искусстве) переводчика, первый посол Македонии в России.

Первые переводы Ольги из македонской поэзии датируются 1995 и 1996 годами. С тех пор прошло более двадцати лет. В числе главных переводческих свершений Ольги Панькиной – пять книг серий «Македонский роман XXI века» и «Сто славянских романов» («Центр книги Рудомино»), там же – поэтический сборник Влады Урошевича «Поющий в башне»; три книги серии «Библиотека литературы Македонии» (издательство «Окоём»), представляющие современную македонскую прозу, поэзию, драматургию, и т.д. и т.д.

Сделано очень много. Книга, которую вы, читатель, держите сейчас в руках – очередной этап в постижении «македонского феномена». Он многолик, оттого каждый найдет на страницах этой книги нечто близкое своей собственной душе. И пустится в свое собственное путешествие...

А теперь – переверните страницу.

Димитар Пандев

Стихотворения

Славко Яневский

Мера

Неба пядь вершок межи
сна с ладошку
капля моря
горстка дикой ржи
беломгlistое окошко
бури какофония
ветра шквал
колодец старый
под скалой овец отара –
это Македония.

Глухие команды

Всем каски надеть. Смирно!
А где же моя голова?
На поле ищи, де́зертир, но
найдешь ее черта с два.

Ружье на плечо. Подравняться!
Отставить, нет плеч на теле!
Вы гляньте в окопах, братцы,
Не волки же их поели.

Ура! Что нам вражья сила!
Лишь черная кровь кругом.
Нас ждет впереди могила.
В шеренгу по двое! Бегом!

Молчать, вы не на привале!
В атаку, ряды сомкнуть.
Куда ваши ноги пропали?
Да к черту, видать, держат путь.

Солдаты, вам всем по медали
положено за удалство...
Ни звука. Пустынные дали.
Лишь пепел. И нет никого...

Зеленая ночь в апреле

Пришел ночью гость, он зеленый, ты слышишь,
зеленый до корня,
пришел он без здарсьте, без вот я пришел, я иду,
пришел он зеленый, как море,
с зеленою млечностью в жилах
и зудом зеленым в зубах,
как птица зеленая, к старым летящая стрехам,
пришелец зеленый, зеленым смеющийся смехом,
без пятнышка цвета другого зеленое тело,
пришел, слышишь, шепчет –
пришел я зеленый, он шепчет, зеленый пришел,
вот смерть, та, напротив, приходит вся в белом,
пришел я, как дождь, как апрель и как свет,
он шепчет – пришел, как олень, как погода, как сон.
Пришел я шепча, слышишь, вновь шепчет он,
так пусть этой ночью все будет зеленым – шепнул,
всех птиц щебетанье – шепнул,

всех трав трепетанье – шепнул,
всех вод колыханье – шепнул.
Зеленым, зеленым пусть будет вокруг
все то, что рождается, все, что рождается.
Зеленый, зеленый к нам гость появился,
и видел я: ветер – наездник зеленый,
бродяга нетрезвый с ногой деревянной,
бродяга веселый, дитя из детей,
зеленые девы с зеленой прической
и месяц зеленый, барашек двурогий
со свадебным флагом зеленым на рожках,
увидел я, слышишь, чего не видал никогда,
измученный жаждой и сухостью в горле,
зеленого гостя увидел я в городе,
вот, слышишь, что я увидел...

Блаже Конеский

Вышивальщица

1.

О, вышивальщица, как мне сложить
стих македонский, свободный и строгий,
сердцем вот этим, которое жить
в муках привыкло, в борьбе и тревоге?

– Вырви из сердца две нити, мой милый,
черную первой, а красную после,
черная нить – символ муки постылой,
красная – страсти, и сильной, и острой.

И вышивай ими попеременно
строчку любовную, строчку печальную,
как вышиваю я самозабвенно
девушке белое платье венчальное.

В судьбах людских сплетены неразрывною
связью две нити, как рифмы созвучие.
Первая нить – темнота неизбывная,
нитка вторая – заря неминуемая.

2.

О, вышивальщица, пристальным взором
в золото утра всмотрись – в высоте

небо сияет двуцветным узором,
тем, что ты вышила здесь на холсте.

Ты не глядишь вечерами закатными
глазом измученной серны покорной
в небо, где ярко сливаются пятнами
два твоих цвета – и красный, и черный.

Ты не боишься, что яркость чрезмерная
может затмить то, что памятью нижется?
Что ж себя губишь ты, строгая, верная,
жизнь коротка и к концу быстро движется.

Лучшие воспоминанья уныло
вянут пред вышивкой, будто цветы.
В этих узорах я душу раскрыла,
в стихотворенье раскрой ее ты.

Тоска

Стихи до последней корки
тоски затопила толща.
Сегодня тоскую горько,
тоскую сегодня молча.

И зреет неволью тоска
с дыханием осени ранней,
брожу я по кромке песка
походкой, тоскою израненной.

Тревожно мой голос дрожит,
и кажутся бредом слова.
Но учит тоска меня жить,
молчать, страдать, горевать.

Стихи до последней корки
тоски захлестнула толща.
Тоскую сегодня горько,
сегодня тоскую молча.

Урна

Я сжал за перстом перст,
да так, что бела кость,
как будто свою персть
держу я, собрав в горсть.

Одиночество

Два тела недужных.
Две фразы ненужных.
Два молчания.
И одно отчаяние.

Ангел Святой Софии

Ты столько лет пробыл в забвенье
под штукатуркой на стене
и вновь свободно в вышине
паришь, сын тихий вдохновенья,
опять сияет жизнью взгляд,
и фрески бирюзой горят.
Но лик, что с давних лет хранится
во мне под штукатуркой тела,
лик той, что красотой смело
могла с ним, с ангелом, сравниться,

его спасти никто не сможет,
умру я – он исчезнет тоже.

Пословица

Когда человек потеряет право
смеяться и умным быть,
судить, что есть правда,
держаться чинно,
любить детей и жену,
тогда
ему остается право
хандрить беспричинно
да ведать лишь муку одну
и чахнуть до веку – тому человеку.

Ars poetica

Стреляному воробью
говорили птенцы желторотые: «Эй,
Мы получше тебя песнопей!»
Слушай:
«Чик! Чиририк!»
Старый в ответ им:
«Эх, дети,
петь нужно сладко и гладко,
тихо, но лихо,
слезно, да грозно,
с горькою мукой,
чтобы сердце сжималось в кулак.
Чик... Чиририк...
Вы еще не умеете так».

Молитва заукойная

Неправедных мыслей раб,
раб озорства и злости,
молитву вершу, чтоб ослаб
голос, зовущий мне в гости
беды. Утрами хотя б
или ночами бросьте
мучить меня. Как краб
в панцире, я в коросте
боли. На тихом погосте
место найдите, куда б
вам схоронить мои кости.

Ацо Шопов

Озеро

Бей, волна. Вихрем вей. Гром ударов удвой.
Будто колокол ветра и света грохочет.
Набегаешь ты, озеро, и нетихнувший вой
берег хлещет и рушит, и топит, и точит.

Я уехал, и озеро скрылось средь гор,
свои тайны мне лишь приоткрыв на мгновенье,
и мне слышен неясный далекий укор,
что вдогонку ты шлешь, опасаясь забвенья.

Когда свидеться снова удастся, не знаю,
но все время мне кажется, будто на деле –
ты огонь потаенный, который пылает,
чтоб и сердце, и кровь, и душа пламенели.

Ты волну беспрестанно гонишь к берега кромке,
от тебя невозможно укрыться, и вот –
от всего, что ты точишь, остаются обломки
да прибрежный песок, что тебя жадно пьет.

Я провижу берег в запахе тленья,
край немой, где черна и враждебна трава,
где давно тебя нет, лишь потоков бурление,
что гремят, будто катятся слов жернова.

Набегаешь ты, озеро, берег ломая,
новый облик укрыв за красою своей.
И вода все поймет, и во сне все узнает.
Бей, волна. Гром ударов удвой. Вихрем вей.

Рождение слова

Узел на узел.
Камень на камень.
Каменный лес
промороженный.
Узел на узел.
Камень на камень,
из камня мы оба.
Чающаяся ночь.
Слово выходит из тьмы настороженной.
Пламенем пышет его утроба.
О, ты, кого нет, потому что ты есть,
ты неба качанье,
земли круговерть.
О, ты, кого нет, потому что ты есть,
земля эхом стонет, в брусчатки тисках.
Когда обреченно уходит на смерть
слово, взрывающееся в висках.
Узел на узел.
Камень на камень.
Себе я привычно могилу копаю.
Откройся,
проклятая
крепость из камня,
пусть я сгорю на словесном огне,
пускай я истаю.

Матей Матевский

Закат

Рдяное. Рдяное. Рдяное.
Песней, стихающей
в моря лазури,
за рощею
тонет
закат.
Травы, свирель,
стадо и облако
пламенем буйно
горят.
Сердце и песня,
путь и криница
нежностью чудно
томят.
Горное лето духмяное,
пенье свирели медвяное,
поле, зарей осиянное.
Рдяное. Рдяное. Рдяное.

Звоны

Где-то звонят. Где-то далекие звоны.
Звуки как волны, что ветер
над травами гонит.

Где-то звонят. Продолжительно, остро и нежно.
Замерло все. Только Благовей
бьется о берег в ритме железном.

Где-то звонят. Взвей меня в выси и бездны.
Неситесь сквозь звучные клетки
глухо и так безнадежно.

Где-то звонят. Я мал, я звоню и кричу.
Все скрыто. Я, очарованный,
в звуках лечу.

Где-то звонят. Бей. Я смел, но я робок.
Время, и ты бей по памяти
грубо и громко.

Где-то звонят. Очень давно и всю жизнь.
Все болит, небо. В траву
среди звуков знакомых меня положи.

Плавание

«Белеет парус одинокий...»
(Лермонтов)

Шапки бурунов срывая, ревет
ветер, над морем летая.

В бешеной сшибке небо он рвет,
а берег уходит и тает.
Вышли давно мы. По волнам летели
в челне, что порывом гоним
неведомо-страстным. Достигнет он цели
иль сгинет, и мы вместе с ним?
Есть ли там помнящий, есть ли там ждущий,
кто скажет *прощайте* иль *здравствуйте*?
Вокруг только буря все пуще и пуще
над моря свинцовостью властвует.
И мнится, что ты в заколдованном круге,
где лиц так предсмертны оскалы,
когда тебя время вздымает в натуге
и с силой бросает на скалы.

Скала

В черных водах камень темный
волны потаенно кружат
в камышах Как пес бездомный
бродит день по свету служит

кругу солнечному Стало
тихо все ни вздоха Птицы
звери скрылись И устало
око в мареве мутится

словно в лихорадке жаркой
Воды пенятся как в сказке
Мхи на мокром камне яркой
зеленью затмили краски

берегов Везде без края
безраздельно воды льются

Пустота лишь птичья стая
ветры над водою вьются

над травой и над осокой
День сильнее тьму стегает
гонит тени За высокий
камень полдень убегает

И стоит тот темный камень
в лучезарных водах света
а вокруг роится пламень
и потемки бродят где-то

Одиночество

вода растрескалась в ней потонуть
звезда стремится стынет меркнет гаснет
а солнце разрывая неба грудь
полет вершит над серостью неясной

а берег нем тут лет наверно тыщи
пласталась тишина молчание куя
сестра его змея по камню рыщет
а братья волчий глаз и тучи воронья

былая красота той местности унылой
с теченьем времени теряясь увядает
среди ветров снегов поземки и бурана

под пеплом очага немеющая рана
и сердца лед над головней остылой
отравой страх неведомый снедает

Камыш

Камыш устремляется выше Он тени бежит
От ветра клонится встает и сгибается в тряске
под ним ядовитые воды слизь зарослей ряски
и темная бездна там корни его сторожит

Бесплодно движение к небу что над головой
висит Раскаленную крышку печную откинув
Молотят кузнечики в панике веют мякину
и сыплют повсюду Как камень они межевой

восторгов неведомых мыслей знакомых Бескрайно
стремление давнее меж берегами глухими
Там тени гниют от жары и от боли меж ними

в их ранах свербящих трепещет какая-то тайна
Под солнечным прахом камыш умирает поныне
И камень там скоро угаснет и даже надежда остынет

Буря

Прилетел и пролился ливень, ветром гоним,
навалился шумно, с победным криком.
Буря неожиданную грозу в эти летние дни
принесла, запыхавшись в величии диком.

Пыль летит облаком, бурей взметенным.
Чуть утихнет гроза и опять крепче вдвое.
Гром гремит, блещут молнии в небе темном,
воют звери в лесу, и доли трепещут от воя.

В исступленьи безумном буря ветки ломает,
сеет панику, норы, гнезда, логова руша,
и в небо гонит птиц перепуганных стаи.

Мчит вода по оврагам, черногрязная туша,
ветви, камни, деревья – все током несется.
Мутно гаснет роса, что была так чиста, и
сердце страшно стучит и от ужаса рвется.

Дюны

В песчаных дюнах все одно и то же
однообразие песка в небесном ладе.
А солнце в выси над холмом похоже
на жаркий гвоздь в полуденном окладе.

Нет тени у песка, и у тебя нет тени,
пылает пламенным столбом зенит.
Над водной пустотой в смятеньи
блуждает взгляд, и некто говорит

с тем, кто неспешно по песку бредет.
Куда тропа, где им оставлен след,
бежит, в какой предел она придет

в текучих дюнах? Но ответа нет.
День истекает в воду, ветер жгучий
песок горячий гонит вниз по круче.

Черные корабли

Черные корабли, не ведающие берегов,
предназначены по самой сути своей
кружить среди бурь, ветров и снегов,
стоять около судеб, как около теней,

в отчаянии качаться под солнцем и тьмой,
не зная, где остановиться, у какого порога.
Им нет направления, они не знают – домой
вернуться или все же продолжить дорогу.

Как птицы черные они не меняют свой лик
перед грозой или молнией на темной воде.
Они одновременно и говор, и шепот, и крик
у дальних берегов в бесконечном нигде.

Черные корабли, не ведающие берегов,
теряются в тумане, как в темном прахе.
Не ждут их в жизни, длящейся много веков,
ни улыбки, ни приветственные рук взмахи.

Этим кораблям верный заказан путь,
горечи вечного скитания им не минуть.
Их судьба блуждать, в яде ада тонуть
и черными стаями в темноте сгинуть.

Черный лебедь

Черный лебедь сквозь пену на крыльях могучих
поднимается в небо над морем, под самые тучи,
в тот предел бесконечный, неохватно-великий,
где птицы молчат, а все камни исполнены крика.

В крылья собирает он небеса и дали полною мерою,
подступающие холода, моря голубые и горы серые.
В каждом взмахе слиты вместе тревожно и странно
крики бегства, морозы, кровь и отверстые раны.

Они капали и капают из глаза и клюва горящего
на тень, что летит над просторами вдаль уходящего
озера. Когда кличет черный лебедь над пеною белой,
то зима в волнах тонет, и весной тогда веет несмело

в камышах. Если голос крови на миг в нем проснется,
он в полете забьется и в чудном восторге взовьется,
вдруг учуяв весну, что грядет и свет провозвестит,
а пока он, чернея, по небу летит, и летит, и летит

в край, где не льет, не лилась и литься не смела
черная тень на черные крылья и черное тело.

Гане Тодоровский

Ночь без пунктуации

Мы,
сырые странники в море,
несемся к берегу птицей,
от качки смертельно устав!
Хотим мы в голые зори
еще раз
повторно родиться,
начать с пустого листа.
От мыслей отчаянных
стало трясти;
по коже полуночи
страшно грести.
Мы мчимся
в лодчонке надежды
к тебе,
о, ЗАРЯ,
что чуть брезжит
поверх неподъемности век.
И сил нет ни капли воистину,
хотя б запятой,
призамедлить наш бег!
А точки – они ненавистны нам.

Семь возвращений к мотиву осины

1.

Зеленых ресниц бессонница.
Смятением осененная,
среди поля не спит середьпольница,
красавица, сном обделенная.

2.

Что ее листья – уж не шелка ли
бабочек в вечном плену вертикали?

3.

Спокойствия перехотев, ворочается беспокойно,
трепещет, заглядываясь в облака,
следит за дорогой, печалась о пеших и конных,
и в летнем безветрии зябнет слегка.

4.

Что ее мучит – бессонница или обычный страх,
грешную эту бесплодницу, витающую в мечтах?

5.

Был бы я крестным, то дал бы ей имя *смятенье*,
этой пугливо трепещущей маковке поля.
Был бы я ветром, трепал бы ее каждый день я,
чтоб одиноко дрожала она поневоле.

6.

Какая она трусиха, и говорить нечего.
Все время дрожит.
Утром. Днем. И вечером.

7.

Она завидует птицам,
что стали на ней гнездиться,
их снам, их песням, и даже
родильницам и покойницам.
Неспящая. Неродящая.
Зеленая беспокойница.

Любовное

обычное, двух-трехсловное

Я желаю этой ночью
И желать и быть желанным.
Пожелай и ты, чтоб ночью
Я желал и ты желала.
Я желаю, чтоб желала,
Я желаю, я желаю,
Ночью чтоб меня желала,
Ты желала, ты желала.
Я желаю, чтоб желала
Ты меня, меня, меня.
Я желаю, чтоб желал я
Лишь тебя, тебя, тебя.
Я желал, и ты желала,
Пожелай же этой ночью,
Чтоб друг друга мы желали.
Вот желанное желанье.

О пользе зрелого возраста

(неслужебная записка)

Не ценит мой слух горлопанов орущих,
Их гвалт нынче шепота тише:
– Не слышу!

Без толку для зренья франтих пух и прах,
Что всё норовят встать поближе:
– Не вижу!

И трудно приесться докучным теперь,
Всё их надоедство впустую:
– Не чую!

А значит, прекрасен мой возраст болезный,
Казалось бы, столь бесполезный.

Самозни́тафия

Пил и пел, пылил, пылал,
Слово сеял, ветер жал.
Мот, гуляка, с буйной ширью
Весь себя я растранижил.

Влада Урошевич

Что поэт хочет сказать этим стихотворением

О чем же поэт поведать нам хочет?
Что стих – это вовсе не стих,
а лес. Что бумаги листок – это молния,
что грифель обычного карандаша
становится угольной шахтой
вечером ближе к ночи.

О чем же поэт поведать нам хочет?
Что вечер – совсем и не вечер,
скорей наводнение такое, что тонут дома.
Дома – это гнезда, а в них
становится женщина птицей,
и в каждом – гомон сорочий.

О чем же поэт поведать нам хочет?
Что птица – это не птица,
а просто цветок, подброшенный в небо.
Что небо есть капля воды,
река – это зверь, которому течь
больше уже нет мочи.

О чем же поэт поведать нам хочет?
Что зверь – это вовсе не зверь,
а туча, над морем плывущая.

Моря – горизонты уснувшие,
и их разбудить может только
глетчер, что гору точит.

О чем же поэт поведать нам хочет?
Что глетчер – совсем и не глетчер,
скорее окно, из которого видно вселенную.
Вселенная – просто ребенок,
горячим каштаном земной шар в руке,
он держит его и хохочет.

О чем же поэт поведать нам хочет?
Что каштан есть земля.
Земля – это зверь. Зверь – это дом.
Дом – это шахта. Шахта есть грифель.
Грифель есть слово, а слово – мудрец,
который значенья пророчит...

Всадники

Они скажут по мрачным враждебным местам
к судьбе, улыбающейся смертным оскалом.
Вдали цветет солеными розами море, там,
где серое небо прикасается к черным скалам.

Барабаном под ними гулко грохочет земля.
Ветер вздымает пыль и смерчем ее вертит.
Через одичавшие сады и непаханные поля
скачут всадники навстречу своей смерти.

Они теряются вдали, их видно едва-едва,
на коре нацарапаны планы сражения.
Прекрасны всадники, верящие в слова
и безудержно стремящиеся к поражению!

Южная звезда

Где ты, страна, что прекрасней всех стран,
детских картинок киношный экран,
тень, и дорога, и эта звезда,
место, которого нет и следа,
город Альдебаран.

Где ты, тот сон, что зловещ, будто вран,
знак на пути, в коем смысла на гран,
море и небо, а на земле –
травка, которая скрылась в золе,
песня Альдебаран.

Где ты, тот крик, будто кровью из ран,
пламя и старец с лицом, как шафран,
шрам, что с рожденья на каждом из нас,
краски, картина, любовный экстаз,
женщина Альдебаран.

Где ты, тот путник, бредущий в буран,
волны, что берег крушат, как таран,
лес, и речушка, и столб верстовой,
вещая птица над головой,
истина трижды и трижды обман, Альдебаран.

Небесный сад

В яблоке каждом небесное тело
скрыто, в лимоне, айве, померанце.
Кожицу срезав, мы зрим онемело
хаоса мглу, магмы протуберанцы.

Полон плод зрелый сиянием бешеным.
Косточки твердая тяжесть не в тягость
ветке, где космосом целым развешаны
фрукты-планеты, сиянье – их сладость.

Тайной покрыт смысл их спелости тленной.
Вкус к нам стремится, как ввысь звездолет.
То, что мы ищем в глубинах Вселенной,
скрыл в своей мякоти сахарный плод.

Астрономы

Закончилась зима скоростная.
В каменоломнях взрывов весна.
Ничего обо всем этом не зная,
астрономы просыпаются ото сна.

Идут в обсерваторию скопом,
чтобы неба обновить картину.
Склоняются над телескопом,
сметают с него паутину.

Мыши в углах, грибок стены ест,
и чуть ли не каждые полчаса
из неведомых звездных мест
лезут кентавры и прочие чудеса.

Налет на линзах подозрной трубы,
ржавеют дорогие приборы.
Все чаще астрономы хмурят лбы
и начинают горячие споры.

Ночное небо их кормит, тут
оно одно им любимо и мило.
И, не видимые ими, растут
созвездия из хлорофилла.

Далекая звезда им светит,
и путается мысль клубок:
есть ли на другой планете
мыши, плесень, грибок?

Рушатся обсерватории купола,
а в голове одно, вожаденное:
родятся ли новые звездные тела,
расширяется ли Вселенная?

Им не хватает сил, им тяжело,
руки слабые, как у старухи.
Они полируют линзы: стекло
донельзя засидели мухи.

Андромеда потерялась где-то,
звездный потемнел небосклон.
Неясно, куда делись планеты,
а еще Вега из Лиры и Орион.

Осенью деревья листьев пачку
сбрасывают, и каждый астроном
после этого впадает в спячку,
спит неведомым науке сном.

Спящая женщина

В ее сне ступает бархатной лапой кот,
тени от лампы – зыбкие и длинные.
Леса спорят друг с другом во тьме, и от
слияния рек рождаются озера невинные.

Она неподвижна, как книга, закрытая навсегда,
в ней меняются немые картины, а всех ближе
ей лежащие у ворот дома рыба, тигр и звезда,
что свесившуюся руку своими языками лижут.

Куда ее уносит отлив, и что там видит она,
седьмое, восьмое чудо или нечто обыкновенное?
За кем она идет – за рыбой, туда, где волна,
за тигром в леса или за звездой во Вселенную?

Темные авантюры

Я послан с заданием, но каким – мне не сказали.
Меня предали, остается только принять яд.
Я свой зонтик оставил в первый день на вокзале
и не могу вернуться, потому что за мной следят.

Все явки провалены, мне срочно нужен связной.
Я ищу номер в адресной книге, еду в пролетке,
кому-то звоню, иду на пустынный берег ночной.
Женщина отплывает от черной подводной лодки.

Она совершенно голая, я отдаю ей свое пальто.
Мы бежим по улицам, то убогим, то блестящим.
За нами агенты, одетые циркачами из шапито.
Им нужна большая ваза, которую мы еле тащим.

В вазе секретные материалы, бомба, граната.
Мы целуемся в номере, губы у женщины солони.
Она ласкает меня, а в нас стреляют из автомата.
Мы с ней понимаем, что полностью окружены.

Но в комнате есть потайная дверь, не видимая врагу,
не выходя на улицу, можно сразу дойти до перрона.
Я в гардероб на вокзале шагаю спокойно, я не бегу.
Мой зонтик, пожалуйста, – говорю я умиротворенно.

Марк Шагал

Между красной козой и синими петухами
стоит, качаясь в такт с рожью, сонный дом.
Угол зрения меняется, и теперь перед нами
уже не фонарь, а столб с прибитым на нем

знаком; смысл его тому лишь открыт,
кто любит. Стекла в окнах дома синие,
так что тот, кто сквозь них глядит,
думает, что вокруг все покрыто инеем.

Кажется, что, с земным притяженьем шутя,
дом играет: стол и стулья плывут и летят,
будто слепленные из мякиша черного хлеба.

И над всем этим чудо: как мотыльки,
иллюзорно-реальны и весомо-легки,
заспанные любовники взмывают в небо.

Поэтика

Богомилу Гюзелу

Как гимнаст,
не долетевший на йоту
до трапедии – не повезло.

Как пилот
горящего самолета,
у которого отвалилось крыло.

Как альпинист,
которого лавина настигла снова,
и он вниз летит вместе с нею

– так поэт,
наконец дотянувшись до слова,
падает и ломает шею.

Непрочитанная книга

Страна – как непрочитанная книга.
Страна – письмо (кто пишет, все равно).
Читается замедленная жига
улиток, и лишайника пятно

поверх коры березовой, и мох
булыжника. Игольчатые злаки,
травы и одуванчиковый вздох
в горячем воздухе – все это знаки

отправленного некогда письма,
которого, боюсь, мы не поймем.
Нам, наблюдателям, оно весьма
неясно, смутно, потому что в нем

смесь голосов, все разное твердят,
а то, что им придать могло бы цельность,
другим, как видно, занято и вряд
ли видит в том какую-либо ценность.

Вотще на крыльях бабочек рисуют
архипелаги с кляксой островов,
напрасно нам историю простую
пшеничный колос рассказать готов:

потерян ключ, уже не появиться
читателям, что разберутся в знаках
на теле муравья, на перьях птицы
и в предложенье сложат зерна мака.

От книги оторвись: летучей мышью
рисует письмена ночной полет.
Но смысл их тайный кто услышит?
Кто их значение поймет?

Абланатаналба

В районе восточного Средиземноморья
иногда находят гностические амулеты
с магическим палиндромом:

Абланатаналба.

Я говорю: о, абла, о, натан, о, алба,
буквы врезаны в серебро, камень, слоновую кость,
раскаленной подковой кузнец их сковал бы,
спиралью обвивающей заумную ось.

Слово-трава, что растет

на месте,

где сидела

ночная ядовитая жаба:

Абланатаналба.

Знак, не значащий ничего или все, что вам чается,
читающийся одинаково и с конца и с начала.

Серная насадка, высиживающая золотые яйца,
которые черная черепаха в песке расточала.

Слово-защита, оберег,

в котором,

как и во всяком другом,

никто защиту и не распознал бы:

Абланатаналба.

Знание, доступное любому и никому при этом.

Помнишь: *sator arepo tenet opera rotas*¹.

Секрет, объясняемый только другим секретом,
звуки, что к смыслу вполоборота.

Слово-указатель, ведущее

сквозь подземелье,

где ты руки

лишь в глубь снов окунал бы:

---

¹ Латинский палиндром, который читается в четырех направлениях.

Абланатаналба.

Нож без лезвия и рукоятки,
последний огонь, что пустыни край освещает.
Ребенок, со своим страхом играющий в прятки.
Нищий, который всем все обещает.
Слово-богатство сверкает

там,

где ночь

схватила звездную сталь бы:

Абланатаналба.

Ночной голос земли, который днем избегает сознания.
Лицо усопшей принцессы, что скрыла погребальная маска.
За горизонтом событий предзнаменования,
весть от Трисмегиста Гермеса для Тота и для Абрасакса.
Слово-клинок, который сечет

даже там,

где любой другой

крошиться стал бы:

Абланатаналба.

Я говорю: о, абла, о, натан, о, алба.

В этом звуке нет ничего, и все есть при этом,
от чего целый мир любовью пылал бы.

Плод, уже сморщенный от мороза,
но все еще пахнувший летом,
звук-головоломка, который

несказанному

наговорил похвал бы.

Абланатаналба!

Абланатаналба!

Чедо Якимовский

Нарцисса

Нарцисса поет, будто чудная птица
Живет в ее горле, поет, словно дышит.
Смотри, там, где небо от солнца искрится,
Спит юноша крепко, но песню он слышит.
Давно, говорят, он от мира сокрылся,
Проклятье, мол, тайное мучит его,
Смешал явь со сном он и отгородился
От мира невзгод и себя самого.
Легенда гласит, что его ото сна
Пробудит лишь песня, что пели когда-то
Угасшие звезды. Но, может, она
Средь тех, на которые ты торовата.
Приди же, Нарцисса, тропинкою тайной
И спой, чтобы, песню услышав во сне,
От звука паденья капли хрустальной
Проснулся бы юноша, спящий во мне.

Лживое море

Море блеск золота на тигровой шкуре
растянутой между двух далеких гор
Танец с саблями ужасающей бури
бушующей вокруг с незапамятных пор

Чей я пленник Нового месяца
или скал что раскалились глухо
Шумом пены что внизу бесится
шепни преходящему в скрытое ухо

Я ли новый помысел в тебе чающий
в поисках старых чего-то иного
И хотя мне и снится миг величайший
я уже на краю Крут смыкается снова

И опять все сначала Без корней расти
Не перейти через молнии дрожь
сделан еще один шаг к смерти на пути
сквозь твой смех Море вечная ложь

Лесновские колокола

Звезда ли чья погасла, что безумен звон
колоколов лесновских, или там веселье
покойников, что, встав, спешат со всех сторон
просторы спящие украсить канителью.

Иль море спавшее проснулось вдруг во мне,
доисторическим снует по жилам зверем,
но в них закрыто все, ему исхода нет,
и мечется оно, вотще толкаясь в двери.

Скитанья моего привычная тоска
лесновским соснам светит вечным тихим светом,
я юности былой следы терял, пока
вопросы задавал и получал ответы.

Не умер ли кто ночью, что безумен звон
колоколов лесновских (где я, что я, Боже).

Пока живым в тиши чудесный снится сон,
вослед моя звезда на небе гаснет тоже.

De profundis

Секунды уходили безвозвратно по сотне дорог,
(ряд стоножек, отряд муравьев, шапка жита),
рой золотых светляков их проводил за порог
сквозь волшебные зерна времени, мелкие сита.

Дни уходили, катились камнями стеклянных рек,
(гроздь неснятая, женские очи, яблок горы),
чудесный месяц в оковах железных навек
проводил их во время, которое минет скоро.

Уходили годы сквозь горы, холмы и хребты,
(строй планет, черные солнца, протуберанцы),
неприснившийся сон проводил их до темноты,
до дороги неведомой, по ней нужно им пробираться.

Уходили столетия и галактики, мрачно-тихи,
(бесконечности, чудеса, безумства бремя),
и мы слышим, как зловеще поют черные петухи,
что пришли нас будить в это черное время.

Веле Смилевский

Поэту нужен компас

Нуждается поэт в ориентире:
идти, куда укажет перст критический,
иль слушать улиц гомон хаотический?
И потому на кухне и в сортире
листает Хокинга историю он времени
и узнает с огромным удивлением
из этой увлекательнейшей книжицы,
что, независимо от чина и от звания,
мы не имеем ни малейшего влияния
на то, куда Вселенная вся движется,
и Хокингу совсем не очевидно,
кто правит той коляской инвалидной,
в которой катит он. Никто не разберет,
где право-лево и где зад-перед.

Одно лишь ясно: между точек этих
берет начало вертикаль творца.
Она, пронзив все сущее на свете,
спадает в бездну, ей же нет конца.

Рифмованная книга

пламень что слову равен
бессловесный чудесный небесный
безвестный
знак что наш зрак
в тайной
бескрайной жизни
людской не снищет покой

мысль огневая
живая
вмиг взмывшая и
приунывшая
такая малость
такая жалость

ввысь устремись осмотришь
дня беготня западня

внизу на земле в злости золе
черные древние кости

сластолюбивые самодовольные
слова слабосильные и слабовольные
с рассвета ищут ответа:
в чем суть?
где путь?

Мифическая книга

I

В мастерской спит Дедал, позабыв о скульптуре.
Одиссей на Итаке проснулся на ложе.
Зевсу жертвы приносят в преддверии бури.
Убежать бы хотел от Таната Сизиф, но не может.

На ладье в мир подземный Харон перевозит Орфея,
Страшен путь его к тени своей Эвридики.
Персефона рыдает в объятиях мужа-злодея:
Слиты смерть от любви и змеи в одном лице.

Трон златой, что Гефестом для Геры откован в пещере,
Дионис, виноградной лозою обвит, на Олимп молча тащит.
За роскошным столом Зевс твердит (ну а боги не верят)
Про огонь, зажигаемый словом, жестоко язвящим.

II

Тритон трубит в раковину и вздымаются волны.
В своем царстве седлает коней Посейдон.
Он в дорогу пускается, решимости полный
Возвратить себе то, что отторгнул Тритон.

Волны горами высятся, воды в мрачном кипенье.
В колеснице двуконной помчался по ним Посейдон.
До Нерее премудрости, до истины в нетерпенье
Он хочет добраться раньше, чем сбудется сон.

Ждет супруга гневливого прекрасная Амфитрита.
В пеленках из пены морской сына выносит она.
Буря вскипает, но к счастью дорога открыта,
Явь любая сильнее предчувствий страшного сна.

III

Деметра заказывает меню на год вперед,
Над вышивкой сидя вечерней порою.
Разве золото в сравнение со словами идет?
Спрашивает она себя, не находя покоя.

Ни слова в ответ, только вороны тучей
О грехе Персефоны каркают в небе.
Зевс разъярен, но и его страсть мучит –
Бедного громовержца, утонувшего в гневе.

И мать зажигает огонь, с ним настанет
Цветенья пора, время плодоношенья.
Спасеньем от царства подземного станет
Весна Персефоны – земли воскрешенье.

Иван Джепароский

Дискобол

(по скульптуре Мирона, V век до н.э.)

Мощный взмах и будто небо долой,
тело напряжено до изнеможения,
мрамор оголенный взметнулся стрелой,
слышен шум начавшегося движения.
Диск покидает руки хватку,
и судорогой сводит все его тело,
ломает, крушит, сминает лопатку,
напрягаются мышцы под кожей белой.
Брошен диск, отправлен в дорогу,
со скоростью света летит без оглядки,
долгий путь отмеривая понемногу,
даже мысли наступая на пятки.

Все превзошел – и осталось бессилье!

Красный концерт

(по картине Рауля Дюфи, 1946)

Маки прорастают в хрустальном зале,
Публику слепя красно-алым цветом.
От звуков развеваются юбки и шали,
И воздух ощутимо густеет при этом.
Но дамы мыслят о своем неизменно.

Круг сомкнут, приходит в движенье, и в раже
Лопается хрусталь, рушится сцена,
Открывая за собой тернеровские пейзажи,
Чтобы поджечь их, пироманам в подражанье,
Телом пылать, огонь источая от муки,
В единую мысль собрать обожанье,
Разум и чувство, краски и звуки.

Любовная песня

Дж. Александра Пароского

Если все дальше пойдет как надо,
То впереди меня ждет награда,
И я увижу окончание строительства.
Теперь я умею красить стены
И плитку могу класть хоть в две смены.
Плевать мне на Форин-офис,
Для меня важнее ежедневная опись –
Сколько цемента пошло на бетон,
А сколько исчезло, пропало, как сон?
Подписи ставлю в чековой книжке,
Добавленную стоимость создаю движением пера,
И товарообмен растет на ура!
А дома женщины планы рисуют, наверно,
и рассуждают об архитектуре модерна.
В моем возрасте сил уже нет дробить камень.
Алхимики тщетно искали философский камень.
Ах, сколько боли мне принес твой холод!
Лучше плавать среди гольфстримских струй,
Чтобы каменный век кончился от нежных «аллилуй».
«Иди сюда, мы на южные острова уплыть сможем!»
Ты там станешь мягче, там все как-то тает,
А окаменевшие души поют, под мостами лежа.

Но истина в том, что мне незачем торопиться.
И ты не торопишься, куда тебе спешить.
Еще поедem как-нибудь, придет время,
мне незачем торопиться.
Ты наверняка знаешь – жизнь это конструкция.
Грызут черви дерево, моль ест ткани,
и падает столб, рвется одежда,
стая волков на дороге встанет.
Пальцы холодные, будто льды.
Грамматик Георгий страдал бесконечно.
Работал ночами, переписывая триодь,
свечи экономил, сидел без еды.
А ты что знаешь о Грамматике Георгии,
о его трудах и бдениях ночных?
Он должен был так работать и знал почему:
дорого платят за близость к Богу!
«По ночам строить не пожелаю врагу!»
«Не надо ночью планы чертить!»
А ты отвечаешь: «Я и ночью могу
Солнце заставить мне дом осветить».
А дома женщины планы рисуют, наверно,
и рассуждают об архитектуре модерна.
Поезда опаздывают, самолеты не прилетают,
наши встречи тоже все никак не случатся.
Но если когда-нибудь и рассвет запоздает,
что если вечною станет ночь?
Тогда тебе придется с циркулем в руках
не здания, а солнца чертить,
ждать пушек Авроры
и ждать прихода дня –
чтобы пришел и сон.
Днем не спи, товарищ богиня!
В третью смену выходишь, что ты,
ночь – для любви, а не для работы.
Но все, конечно, пошло не как надо,

никакая не ждет впереди награда,
строительство к концу, это да,
но это просто из бед беда.
А дома женщины планы рисуют, наверно,
и рассуждают об архитектуре модерна.
В материи никто не живет,
там царит вечный день голубой,
ночь глотает трясина болот,
унося счастье, данное судьбой.
Эй, чертежник, перечерчивающий смело
эвклидовские длины без высоты!
Водитель, к хаммеру приклеенный телом,
забудь о чертежах, выбрось листы!
Помни лишь о спинозовской «Этике»,
борись с ней, чтоб уничтожить все схемы
геометрической пропедевтики,
разрушить определения, аксиомы и теоремы.

РАССКАЗЫ

Блаже Конеский

Прощеное воскресенье

В тот год так случилось, что Прощеное воскресенье и Курбан-байрам выпали на один и тот же день. Вечер накануне праздника – радостный, чистый, предвесенний. Огоньки на ближней мечети в первом сумраке очерчивают светящийся венец вокруг минарета.

В переулке дети все еще играют в салочки, заливаясь звонким смехом. Некоторые из них обуты в деревянные сандалии, и под их ногами звучит вся клавиатура неровной каменной мостовой. – Вороток, осаль меня, Вороток, осаль меня! – поддразнивают дети приятеля, чья очередь водить, подпрыгивая при этом, как воробы. Тот переминается около стены, будто не слыша, а потом внезапно бросается за ними, как кошка, и они с визгом рассыпаются кто куда.

Этого мальчика прозвали Вороток, потому что он приехал из деревни всего год назад и все еще носил домотканые рубашки с вышитым воротом. Такие дети долго, даже после того, как переоденутся во все городское, никак не могут освободиться от некоторой деревенской ленцы и нерасторопности, и маленькие горожане поэтому над ними подтрунивают.

Уже совсем стемнело. Матери подходят к воротам и зовут детей. Те собираются в кучку, тянут напевно: «Все

скорее по домам, чтобы не попало нам, чтобы мама не бранила, а нас кашей накормила». И расходятся. Перелом после них сразу затихает.

Двор, в который входит Вороток, довольно широкий, а дом приземистый, ветхий, очень похожий на тот, в котором он жил в деревне. Дверь справа приоткрыта, оттуда пробивается свет, но туда Вороток не смеет даже заглянуть, ему нельзя. В той комнате лежит его больная младшая сестричка, Ленче. Вороток ждет не дожидается, когда она выздоровеет, чтобы они опять могли играть вместе, потому что он любит ее гораздо больше другой сестры, Верки, которую он частенько таскает за волосы.

Его отец дома. Сидит, задумавшись, на тюфяке и дымит трубкой. Верка уже спит. Вороток открывает шкаф и вынимает оттуда сложенную феску и картонную маску. – Пап, смотри, – говорит он, – я завтра турком буду. – Хорошо, сынок, – отвечает ему отец.

Вороток с нетерпением ждет Прощеного воскресенья. Он еще не видел, как его празднуют в городе, но того, что он слышал от других детей, достаточно, чтобы живо представить себе этот праздник, радостный и необычный. Мясники рядились медведями, ходили с длинными посохами, с бубенчиками на поясе, кто представлялся верблюдом, кто женихом и невестой, только невеста – тоже парень. Последние несколько дней дети в школе только об этом и говорили, наперебой припоминали прошлогоднее Прощеное воскресенье, а он слушал их галдеж и решил вместе со всеми участвовать в празднике.

Его тяготило только то, что отец так помрачнел и притих. Хозяйство у отца было довольно крепкое, но смириться с жизнью в обедневшей деревне он не хотел, все продал, купил в городе дом, полоску земли под табак и открыл лавку, мучной лабаз. Воротка лавка разочаровала: он думал, что в ней будут всякие сласти и петушки

на палочке, и не мог понять, для чего нужен мучной лабаз, когда есть амбары.

Открыть лабаз во время тяжелейшего кризиса было неосмотрительностью, которая быстро привела к ожидаемому результату: через несколько месяцев отец прогорел. Он не закрывал лавку, все возился в ней, но к нему почти никто не заходил. В ту первую осень свежеспеченный торговец целыми днями сидел во дворе верхом на деревянной скамейке и играл в шашки.

По субботам к ним в дом приходили односельчане, приехавшие на базар, какие-нибудь родственники или знакомые, но только чтобы привязать во дворе осла и не платить динар на постоялом дворе. – Как у Петре торговля? – спрашивали женщины. – Слава Богу, слава Богу. Но крестьяне с сомнением крутили головой, так что даже Воротку этот жест стал уже просто невыносим. В конце концов, отец закрыл лавку. Зима выдалась долгой и суровой. Табак продавался плохо. Разболелся ребенок. А он сидел без работы и проедал деньги, прибереженные когда-то на черный день.

Вороток ужинал один. Мать с бабушкой не пришли, как было заведено, из другой комнаты, чтобы собрать на стол. Неужто настолько заняты? Он приткнулся под одеялом к своей сестре Верке, мыслями унесся в завтрашний день и заснул.

Он проснулся внезапно и очень рано. Еще темно, только из другой комнаты через приоткрытую дверь проникает слабый свет. Но что это за голоса? Оттуда ему слышится какой-то приглушенный смех. – Наверное, Ленче выздоровела, и сейчас мама играет с ней, щекочет ей животик. Вот что приходит ему в голову, и он срывается с тюфяка, чтобы они удивились, увидев, что он проснулся. Но отец стоит в дверях и не пускает его:

– Ложись, сынок, ложись.

– А что случилось, папа?

– Ничего, ничего.

Он ложится и опять засыпает.

Утром детям говорят, что их сестричка умерла. Воротка отправляют позвать тетку Досту. Он заглядывает в другую комнату: там горят свечи, и тихо всхлипывает мать. Он выходит.

Выходит в свежее солнечное утро, как будто на заказ для праздничного дня. Но он понимает, что теперь ничего и думать ни о ряженных, ни о веселье. Еще довольно рано, но по переулкам уже идут нарядно одетые дети. Турчата в фесках, только что снятых с деревянных болванок, и в новых длинных шароварах. – Эй, Вороток, айда с нами на площадь, – кричит кто-то, но он даже не оборачивается.

Его тетка Доста живет на другом конце города, вон она, подметает у ворот. – Тетя, наша Ленче померла, – сообщает ей Вороток. Это первые слова, которые он говорит сегодня, и выходит у него очень жалобно. – Господи, боже мой, – вскрикивает, как будто обжегшись, тетка и быстро заходит вовнутрь. Воротка просто в дрожь бросает от этого выкрика, подтверждающего, что случилось что-то ужасное, он медлит и потихоньку идет обратно. На пустыре у теткиного дома поставили карусель, пестро раскрашенную и манящую, с черными, белыми, зелеными и красными лошадками. Ее привезли не на Прощеное воскресенье, там другие забавы, ее привезли на Байрам. Воротка ноги сами ведут туда. Он смешивается с детьми и смотрит, как вертится карусель, лошадки торопятся, но не могут догнать одна другую, смешно развеваются кисточки на фесках, а над всем этим гремит музыка из хрипучего граммофона.

Дети, ждущие своей очереди, играют в чехарду, некоторые дерутся и уже катаются по земле в новой одежде. Вся эта разноцветная детская стайка постоянно в движении, и ее так весело освещает утреннее солнце! –

Вороток! Беги домой переодеваться, зря что ли я тебе феску дал? Это Уска, его сосед. – Не буду я рядиться, – тихо отвечает Вороток и прикусывает губу, – у меня сестра умерла.

Уска некоторое время стоит перед ним, разинув рот, с таким видом, будто он понимает, а потом вдруг оставляет его и бежит к другим ребятам.

Но что там слышится: бубенцы! – Медведи! – догадывается кто-то, и вся орава мигом вылетает на улицу, откуда доносятся звуки. На пустыре никого, остаются только те, кто кружится на карусели, да и они смотрят с завистью и жалеют, что не могут броситься вслед, им нестерпимо хочется остановить карусель и нагнать приятелей. И Вороток трусит вместе со всеми, но как-то неуверенно, чтобы было непонятно, то ли он бежит, то ли просто идет побыстрее. Он чувствует, что ему нельзя дать волю силе, притаившейся у него в ногах, которая так и просится на свободу, чтобы он мог помчаться вихрем, так, чтобы только влево-вправо разлетались полы одежды.

Медведи наряжены в свисающие до пят шкуры. На них маски, украшенные желтыми бусинами, на поясе большие ботала, как на баранах, ведущих отары, а в руках длинные посохи. Остановит человека и начнет перед ним топтаться, как настоящий пляшущий медведь, ревет и не отпустит, пока не получит монетку. А то оборотится к детям, и те тогда завизжат, прыснут врассыпную и спрячутся по подворотням. Но потом детский поток опять собирается и неотступно течет за медведями. Только Вороток приотстает, раздумывая, не побежать ли за ними, но колеблется всего лишь один миг, потому что знает, что сегодня в их доме – день печали.

По дороге домой Вороток встречает и других ряженных. На одних и глядеть не стоит: приделали только усы, бороду или надели чего почуднее. Кто-то напялил на

себя платье, смятую шляпу и смешно виляет пышными бедрами. За ним гурьбой несутся ребята, щупают его, кричат: «Подушек насовал, подушек насовал!» – и врассыпную, чтобы им не попало драным зонтиком. Вон идет и поп со святой водой. Как заведено, чашу несет мальчик, сам поп в левой руке держит вместо Евангелия какую-то захватанную тетрадку, а правой машет кадилом и гнусит: «Благословляет вас, чада мои, беловодский священник». Воротку становится смешно: кадило из консервной банки, а в ней вместо ладана дымит кизяк. Он совсем уже было забылся, смех напал на него так естественно и так неожиданно, что он не смог удержаться. – Грех это, – тут же вспоминает он, и перед его взором сразу предстает его младшая сестренка, только живая, глаза ее открыты, и она улыбается ему, будто говоря: братик, братик. Вороток обрывает смех, но его недавнее горькое молчание как будто дает трещину, и теперь он не может полностью к нему вернуться. А вдруг дома что-то изменилось, и он спешит посмотреть, как там, может быть, все не так уж и плохо.

Дома ходят женщины в черных платках. Тихо, никто не плачет. После полудня выносят маленький гробик. Обезумевшая от горя мать, вся в слезах, с распущенными нечесаными волосами, хватает Воротка и Верку: «Идите, родненькие вы мои, идите, посмотрите на свою сестричку». Крышка гроба открыта, Ленче в белом платье лежит, будто спит. Вороток с сестрой рыдают в голос, сиплым безнадежным плачем потерявшегося ребенка.

Вечером семья собирается на соломенном тюфяке. Одного маленького существа больше нет с ними, этим вечером уже не придется просить у него прощения. У лампы на печи прикручен фитиль, и она едва освещает лица. – Сношенька, – говорит старуха, – принеси-ка прялку. – Мама, неужто сейчас время справлять эти об-

ряды? – А ты стерпи, ведь у этих птенчиков Прощеное только раз в году бывает.

Потом бабушка привязывает ниткой яйцо к прялке, и дети садятся перед ней друг против друга. Она поднимает яйцо на высоту их ртов и раскручивает нитку: ам, Трайко, ам, Верка. Дети разевают рты, как галчата, но голоса их звучат слабо и невесело: ам, ам. Вороток видит, что бабушка хочет, чтобы поймал яйцо именно он, как каждый год, и поэтому останавливает яйцо у него прямо перед ртом, но что-то не дает ему так и сделать. Верка поменьше, думает он про себя, она не понимает, может, она и обрадуется. Но Верка почти спит, и яйцо только стучается о ее зубы.

Пока яйцо крутится, взгляд Воротка скользит по лицам взрослых. У бабушки лицо строгое, все как растрескавшаяся земля. Отец, встречаясь с ним взглядом, силится улыбнуться ему, как будто хочет показать, что все как всегда, что вот, все они опять играют вместе. И Вороток невольно улыбается ему, улыбается и маме, хотя взор у нее совершенно отсутствующий, она как во сне и ничего не замечает. Ничего не замечает и подслеповатая лампа.

В эту минуту ребенок впервые чувствует, что в душе может появиться ледяная пустота от соприкосновения с чем-то неведомым, страшным и бессмысленным, и что человеку нужна помощь других людей, чтобы переболеть свою боль.

ДИМИТАР СОЛЕВ

Ни дня без строчки

(Обычный день обычного пенсионера. К остальным это не относится. Известное уже надоело, а неизвестное еще не входит в круг наших интересов. Это значит, что, хотя рассказ написан, он не обязательно должен быть прочитан).

По привычке ты встаешь рано, вернее, не рано, а как раз вовремя. Когда встают и те, кто идет на работу. Ты не спрашиваешь себя, когда появилась эта привычка. В то время, когда ты жил в общежитии, или когда служил в армии, или когда работал? Главное, что ты хоть когда спать ляжешь, выспишься или недоспишь, а проснешься все равно в одно время, как по будильнику. Только вот сейчас, когда ты на пенсии, это не очень-то нравится тем, кто идет на работу. Может, ты и не мешаешь, а просто пугаешься под ногами – в ванной, на кухне, в прихожей. Домочадцам помоложе непонятно, почему ты в то же время, что и они, занимаешь клозет, расходуешь горячую воду, чтобы принять душ, мелькаешь перед зеркалом для бритья и проталкиваешь без очереди свою турку с кофе. Куда так спешит этот старый пень, когда от него никто не требует приходить вовремя на работу, чтобы снискать себе хлеб насущный?

Но инерция привычки иной раз сильнее воли к жизни. Это каким-то образом осознает каждый пенсионер, может, поэтому, чем слабее у тебя воля к жизни, тем упорнее ты держишься за привычки, чтобы остаться в живых. У пенсионера-интеллектуала или хотя бы у пенсионера с образованием есть еще более выраженный мотив оставаться таковым, потому что ему совершенно

ясно, что сейчас самая пора увенчать дело своей жизни, то есть завершить его гордо и с достоинством.

Поэтому, как только молодежь уйдет на работу, ты выступаешь на сцену. Пока бабушка высаживает внуков и внучек каждого на свой отдельный горшок, ты выносишь вчерашний мусор на ближайшую помойку и по дороге здороваешься с проснувшимися соседями. Потом берешь внуков за руки и ведешь их в детский сад, попутно называя им клички дворовых собак и разъясняя разницу между воробьем и дроздом. Дети лучше выдерживают экзамен по спектру окраса кошек, чем цвета облаков, и особый интерес проявляют к сведениям о том, в каком доме живут дети младше их и в какой лавке слаще жевательная резинка.

На обратном пути из детского сада ты заходишь в магазин за хлебом и молоком, или солью и постным маслом, или за чаем и сахаром. Потом, пока ты пьешь жидкий кофе с таблеткой сахарины, составляется список для рынка. Все должно быть записано по порядку, так, как кладется в сумки, снизу картошка и лук, сверху перец и помидоры, а не наоборот. Чего нет в бумажке, того не будет в сумке. Импровизации возможны только с петрушкой, сельдереем и цветами. К рыночному списку следует относиться серьезно, расхлябанность тут недопустима.

Один раз ты потерял его прямо на рынке, то ли когда вынимал платок, то ли когда искал мелочь, вот тогда-то ты и влип, теперь тебе ничего не купить. Да еще в этой неразберихе и толчее ты встречаешься, а вернее сказать, сталкиваешься нос к носу со старым школьным приятелем, который был хирургом, теперь на пенсии. Он уже всего накопил и, довольный, горбится под грузом полных сумок. Что ты расстраиваешься, – говорит он, – вот, возьми мой список. Все жены велют купить одно и то же: морковь, свеклу, яблоки, тут не ошибешься.

А в качестве прибавки он на одном дыхании рассказывает анекдот про покойника, которому не могли руки скрестить на груди, так они у него вытянулись от сумок. Ты как думаешь, он кто был? Наш брат, пенсионер. Ты кисло смеешься, хотя тебе уже невтерпех пересказать анекдот другим своим сверстникам, нехотя берешь его писульку, вынужденный идти по чужим следам. Но его список не очень-то помогает, потом приходится возвращаться, снова получив указания – ты или забыл что-нибудь или купил не то.

Как бы то ни было, пока пойдешь на рынок, пока придешь с рынка, уже и обеденный перерыв закончился. Пока тебя не было, газету не только пролистали, но и прочитали, даже скорее не прочитали, а проштудировали – от политического комментария до кроссворда, на совесть, с карандашом в руке. Теперь ты собираешь газетные страницы по всем комнатам и садишься, чтобы их разобрать и опять сложить в газету. И увидеть, что кроссворд уже отгадан и клетки заполнены разными почерками, что кулинарные и косметические рецепты вырезаны кривыми ножничками для ногтей, а некоторые некрологи отмечены черным фломастером. Потом ты садишься в старое кресло, надеваешь очки и поднимаешь ноги, кладешь одну подушечку под левую, а другую под правую почку, еще одну горизонтально для поясницы, а другую вертикально для спондилеза, уравниваешь низкую активность мозжечка высоким артериальным давлением и, как только открываешь газету, в тот же миг закрываешь глаза.

В неглубоком сне, как в густой жиже, мешаются крупные заголовки важных событий с мелкой рыбешкой интима. Как будто в лавке с опущенными жалюзи из темных углов появляются тараканы, крысы и летучие мыши и затевают там свои вампирские пляски. Главный редактор предлагает тебе вести постоянную колонку в обмен

на твою душу. Министр берет тебя на пост советника, но не для того, чтобы ты давал ему полезные советы, а чтобы ты давал другим вредные. Депутат обещает тебе тринадцатую пенсию с условием, что ты проголосуешь за него на следующих выборах, хоть очередных, хоть внеочередных. Премьер правительства назначает тебя послом в страну, которой еще нет на карте мира. А президент Республики на прощальном приеме вручает тебе конверт с зашифрованными инструкциями, который можно вскрыть только в случае крайней необходимости – как ампулу с цианистым калием. Пока происходят такие значительные изменения, твоя подруга жизни, разумеется, все время рядом с тобой. Но в самый торжественный момент, в апогее приготовлений, когда после патриотических объятий нужно уже прощаться с родиной и отправляться по тернистому пути своей дипломатической миссии, в коридоре приглушенно, как из-под подушки, звонит телефон. Супруга оставляет утюг и начинает долгий и широкий обмен опытом относительно того, как готовить запеканку с луком. Тем временем через дремотную пелену все настойчивее начинает чадить действительность. Рубашка под утюгом из белой становится желтой, из желтой – коричневой, из коричневой – черной, потом дыра – и в доме неожиданно поднимается паника, вплоть до того, что трубка кладется на место и определяется очаг возгорания. Так заканчивается первая, предполуденная, интеллектуально продуктивная дремота нашего пенсионера с газетой на коленях и очками на носу.

Чтобы выйти из дремы и чтобы не было заметно, что он находился в ее тенетах, он быстро поднимает газету и поправляет очки, но не помнит, что он читал и на чем остановился. Он перелистывает страницы, больше шумно, чем разумно, и останавливается на некрологах и прогнозе погоды. Пролетает между умершими и упокоив-

шимися, но не как тихий ангел, а скорее как сокол в вышине, при этом повторно констатируя, что все знакомые уже отмечены галочкой, а метеорологический прогноз остался без изменений. С кроссвордом все по-другому – он всегда состязается с женой, кто первым его захватит, и всегда выигрывает она, так что ему остается лишь вписать те ответы, которые ей не дались. Так было с самой свадьбой и с игрой в карты, и со всем остальным. Он поначалу ей поддавался, но со временем она начала его всерьез обыгрывать, так что до сих пор он остается должен ей множество пар туфель на каблуках, модные сумки и отрезки шелка на платье. Счастье еще, что она не злопамятна, а то уже ободрала бы его как липку, особенно после выхода на пенсию, заслуженную, но недостаточную.

С некрологами дело обстояло не так просто, там было несколько разрядов. В первый круг входили все близкие, о которых сначала сообщают по телефону. Потом шли знакомые, о которых вести поступали одновременно по телефону и из некрологов. И наконец те, о кончине которых узнавали только из некрологов. Есть еще сообщения о смерти, которые наклеивают на столбах, они относятся только к знакомым, жившим по соседству. На них можно наткнуться, когда идешь в магазин: вдруг, буквально за одну ночь вместо того, чтобы поздороваться с теми, кто, как и ты, идет с сумками в руках, видишь их на едва узнаваемых фотографиях на столбах, снятых, когда они были помоложе, да к тому же там имя и фамилия полностью, а не привычное уменьшительное обращение, и годы жизни в свеженапечатанной широкой черной рамке. Но большей частью такие объявления публикуются в газетах – в городских (это ведь большой город?) и в республиканских (у нас ведь независимая республика?) Так что, возвращаясь к ним, ты в состоянии подвести ежедневный баланс – сколько твоих сверст-

ников уже отошло, сколько еще осталось, правда, такой подсчет можно делать, только если в этом деле соблюдается порядок, но поскольку Господь решил по-другому, то и в твоих расчетах будут изъяны. Поэтому ты бросаешь карандаш, остро отточенный для кроссворда, но используемый и для некрологов, по которому уже разу перелистываешь газету, задерживаясь теперь не только на заголовках, но и на текстах, пока не отбрасываешь ее совсем.

Подзарядив аккумуляторы дневной информацией и свежими впечатлениями, подремавший и отдохнувший, теперь ты можешь отдаться и более серьезной работе. Например, взять книгу из тех, которые ты наметил для прочтения, написать письмо, если есть кому, привести в порядок лежащие кучей записи или сесть за пишущую машинку. Что угодно, только бы не чувствовать себя ненужным. Пока ты колеблешься в выборе, ты идешь на кухню и размышляешь, не сварить ли тебе еще кофе.

Там твоя жена сидит с ближайшими соседками и осуществляет обмен информацией другого рода. Они спрашивают тебя, знаешь ли ты такого-то, ты признаешься, что знаешь, но с некоторой опаской, чтобы не застрять с ними надолго. Они сидят над пустыми кофейными чашечками, а ты стоишь над своей туркой на огне и спрашиваешь: «А что случилось с таким-то и таким-то? Что с ним произошло, может, егохватила кондрашка? Скоропостижно скончался?» Ты гадаешь, а они отвечают. Может, стал министром теневого кабинета или уехал за границу? Дипломатом, депутатом, представителем внешнеторговой фирмы, преподавателем всемирно известного университета, стипендиатом фонда Фулбрайта? Нет. На пенсию пошел? Нет. А что тогда? Заново женился: оставил жену со всеми детьми и дом и переселился в квартиру к какой-то фифе, вот что. Это тот, тот и тот?

Тот, твой однокашник. Вот молодец. С чего это он молодец? Смелый.

Твой кофе, понятно, убежал, сливки давно выпиты, и теперь ты перебираешься в свой, если можно так сказать, рабочий кабинет. Может, оно и к лучшему, что кофе на донышке, ты вдруг чувствуешь, что не просто возбудился, а весь дрожишь, да так, что у тебя трясутся руки и стучит вставная челюсть. Твой ум уже далек от дилеммы, какое серьезное дело выбрать, теперь тебя полностью захватывает тот человек и его судьбоносное решение жениться на другой в твоём возрасте. Кофе тебе теперь недостаточно, ты тянешься к сигарете, в день тебе можно две чашки кофе и десять сигарет, но никакого алкоголя и соли, хлеба и сахара, жирного и сладкого. Растительное существование, умеренность во всем, никаких перегрузок, страстей и потрясений. Все, что может в критический момент способствовать стрессу, должно пресекаться.

Ты падаешь в свое низкое кресло, но руки все еще дрожат, а ведь в одной сигарета, в другой – чашка с кофе. Отчего ты так разволновался? Почему тебя так потрясла история с твоим одноклассником? Он был обычным троечником, в молодости ничем не выделялся, и казалось, что вся его жизнь будет среднестатистической, с обычной карьерой, и что перспектива у него самая серая. И в самом деле, в его биографии были темные пятна, в учебе он отставал, что объясняли проблемами в семье, оставшейся в глубокой провинции, но он с редким упорством преодолевал препятствия одно за другим и лез дальше как умел, внешне не завидуя тем, кто был впереди, и тем более не жалея тех, кого оставлял позади. Как крестьянин, который решил спуститься в город с гор, он размашисто шел своей дорогой, не сворачивая никуда. Из нас никто не знал, что у него было на уме, но работать он пошел еще, когда учился, и свою жизнь в го-

роде уже обустроивал как истинный старожил. Наверное, он многого достиг в своей профессии и в своей карьере, раз смог себе позволить начать новую жизнь, перевалив за половину пути, чтобы не сказать жизни. Конечно, сейчас, когда наступило новое время, когда самоновейшим «измом» стал плюрализм, открылись новые возможности и некоторые люди с просто сказочной жизнеспособностью увидели в этом не конец своего начала и не начало своего конца, а наоборот, настоящие подступы к своей зрелости и бескрайнюю перспективу. Так и с тем-то и тем-то, теперь о нем все стало известно, вернее сказать, он сам победоносно объявил в средствах массовой информации, что в молодости пострадал из-за своих патриотических убеждений, что несколько лет провел в тюрьме и что это отразилось на его жизни, карьере и на всем остальном. Как пострадавшему от старой системы ему сейчас нужна была компенсация и в партийной, и в профессиональной, и в частной жизни. Очевидно, человек предчувствовал обновление, а не закат своих возможностей. Шляпу перед ним надо снять, если не врет. Да даже если и врет, имеет на это некоторое право, если он сперва обманывается сам, а потом уже ему верят и другие. Разве что этот обман позднее раскроется, да и то, правда выйдет наружу такой ущербной и обезличенной, что будет непохожа сама на себя.

Соседки, наконец, смиловались и одна за другой идут по домам – их ждет там столько дел. В доме сразу затихает, как в перевернутой лодке, и эта тишина теперь неожиданно тебе мешает. Только на кухне гремят чашки и турки, тарелки и кастрюли. Когда молодежи нет дома, телефон звонит редко. Сейчас, во второй половине дня, соседки-интеллектуалки закатывают рукава и начинают готовить обед. Что-нибудь по современному рецепту, уж никак не по старинке, а по-быстроу, на скорую руку.

– Что у нас на обед? – спрашиваешь ты громко из своего кабинета и все равно идешь на кухню, чтобы посмотреть самому. – Чечевица, – отвечает хозяйка, продолжая лущить ее такими движениями, как будто вдевает нитку в иголку. Сколько ее ни лущи, думаешь ты про себя, но вслух не говоришь, а мне опять на зуб попадет камешек. Камешек, а не монетка. – С чем? – интересуешься ты, больше для того, чтобы показать, что ты не разочарован. – С чесноком, – отвечает она, как будто это само собой разумеется. – Можешь мне помочь готовить. Можешь, но не хочешь. Руки будут пахнуть чесноком и постным маслом, и все, что ты напишешь, будет чепухой на постном масле. – Сегодня что, постный день? – еще интересуешься ты, зная, что она, хоть и старается быть современной, тайком хранит у себя церковный календарь. – Не постный, но ведь ты на диете. – Если я на диете, не обязательно всему миру поститься. Если у меня режим, не обязательно всем людям быть в рабстве. – Так ты размышляешь и в то же время торгуешься. – А нельзя немножко шпика добавить, знаешь, мелко-мелко порезать, не обязательно даже и жарить, а? Пустая чечевица для тебя хуже белой фасоли. А ведь мы победили бедность, оставили ее позади, будто бросили костяной зуб за спину, поменяли его на золотой¹, так что бедность больше к нам не приблизится, а не то что опять сядет нам на шею. На самом деле зубчики чеснока похожи на кусочки шпика, но обмануть они могут только глаз, но не язык. – Нельзя, – отвечают тебе начальственно, голосом не повара, а взводного. – Строгая диета, – напоминают тебе тем же тоном. Ее тебе прописал врач в качестве постскриптума к диагнозу и лечению. Для тебя одинаково – идти к врачу или слушаться указаний

---

¹ Южные славяне отмечали выпадение у ребенка первого молочного зуба, бросая его за спину с заклинанием, чтобы на его месте появился золотой.

жены, и в том, и в другом случае что-нибудь да найдут, или болезнь, или занятие какое-нибудь, чтобы только жизнь тебе укоротить. – Ну, а дети, – теперь напоминаешь ты, – как ты детей накормишь одной чечевицей? Как только они приоткроют крышку, в тот же миг все унюхают, и неизвестно еще, съедят ли хоть по ложке. Может так, по чуть-чуть, только чтобы угодить поварихе. В этом он уверен, наперед все видит, нынешние дети предпочитают мясо. Если им придется выбирать между пучком шпината и куском ветчины, сразу ухватятся за ветчину. – Ты о детях не беспокойся, – утешает тебя их мать. Утешает, а сама ухмыляется. – Они домашней колбасы нажарят. В подтверждение соответствующей картинке тебе в нос ударяет всепроникающий запах горячей подковы жареной колбасы. Перед глазами у тебя появляются копченые колбаски на глиняной сковородке, плавающие в виноградной водке домашней выгонки. От мысленного удовольствия ты готов прослезиться, но слезы текут скорее от чеснока, который ты чистишь.

В таком виде ты возвращаешься к себе в комнату. Официальное название – рабочий кабинет. Стол, чтобы писать, кресло, чтобы читать, диван, чтобы отдыхать. По одной стене стеллажи, книги до потолка, некоторые ты читал, некоторые нет, а некоторые даже перечитывал. Стол завален кучами бумаг, записок и писем, между пепельницей и лампой есть свободное место, но чтобы писать, надо прижать локти к себе. В кресле для чтения ты чаще дремлешь днем, а на диване для отдыха спишь ночью. На окошко, которое выходит не на улицу, а во двор, как в книжке для детей, слетают два голубя, которые, конечно, любят друг друга. Пиши сколько угодно, главное, чтобы душа к этому лежала. Нужно столько начать, доработать, переработать, закончить, перепечатать на машинке и не отправлять по почте, а напрямую передать в редакцию и потом ждать, пока выйдет из пе-

чати. Но что начинать, что заканчивать, что перепечатывать на машинке? Раньше жизнь была нескончаемой, все казалось возможным. А теперь, когда она так укоротилась, стало почти недостижимым даже то, что, казалось, было рядом, только руку протяни. Пока ты молод, ты думаешь, что у тебя не хватает жизненного опыта – этим тебя лупит по голове и критика, и окружающие. А когда им обзаведешься, то есть когда состаришься, все более начинаешь сомневаться не только в том, насколько он нужен, а в том, нужен ли вообще этот твой обретенный жизненный опыт. Те, кому ты бы мог и должен его передать достаточно складным слогом, заняты добыванием собственного опыта. А твой опыт для них – как мучная пыль вместо муки, нечто, на чем практически ни прожить, ни выжить и что может пригодиться только как доставшаяся в наследство вещь, к которой привыкают и потому до поры не выбрасывают.

Пока такие вот умозаключения, или, скорее, умствования, гоняют тебя по рабочему кабинету, и ты то облокачиваешься о стол, то усаживаешься в кресло, то опускаешься на диван, как зяблик, скачущий зимой по голым веткам в поисках какого-нибудь зернышка – вот уже и вечер. Кончился рабочий день вместе с обеденным перерывом. Из кухни несет чесноком и чечевицей, и рабочая атмосфера из твоего рабочего кабинета совершенно улетучивается. Ворох бумаг на столе остается нетронутым, а влюбленные голуби улетели с подоконника. Времени на литературу больше не осталось, за исключением, может быть, литературы для детей. Ты лжешь сам себе, что все сделаешь вечером, когда дети улягутся. Ночь рождена для творчества, если не спится.

Без всяких напоминаний, сам себе хозяин, ты одеваешься и идешь за внуками. На перекрестках фырчат машины с молодыми мамами, спешащими с работы. По переулкам бегают кошки в поисках переполненных му-

сорных баков. Внуки уже ждут в детском саду с надкусанными яблоками в руках. «Десерт», – они не только объясняют тебе, а еще и показывают. «Вот это да, – говоришь ты, – новое слово выучили, да еще иностранное». На рынке таких маленьких яблок не сыщешь. «Десерт, – повторяешь ты за ними, – маленькие яблочки для маленьких деток». Но и они, похоже, не очень рады своему незатейливому десерту, во всяком случае, как только вы проходите мимо первого же магазина, они начинают дергать тебя за обе руки, чтобы ты купил им по шоколадке. Что ты за дедушка, если в кармане у тебя нет для внуков если уж не шоколадки, то хотя бы конфетки. Так вы и подходите к дому, они с уже начатыми плитками, а ты с их надкусанными яблочками. А там, вместо того, чтобы вам обрадоваться, вас начинают ругать еще прежде, чем вы вошли, и не только бабушка, но и матери – зачем ты дал им шоколад, когда они должны сперва поесть горячего супа. Вот, хотел как лучше, а сделал как хуже. А что будет, если еще и хотеть как хуже?

Наклонившись над тарелкой, как наказанный ребенок, ты вкушаешь свою чечевичу с зубчиками чеснока вместо кусочков сала. И все время стараешься не чавкать, чтобы не нервировать молодежь, да и бабуку. А тебя, в свою очередь, нервирует запах жарящихся колбасок, но это никого не волнует. Запах проникает в ноздри, щиплет глаза, дразнит язык – тут прослезись, а не то что зачавкаешь. Поэтому ты спешишь покончить с обедом и тащишься к себе в комнату, оставляя за собой гомон молодежи, радующейся концу работы, хныканье внуков, которых пичкают тем, что им не по нраву, и звук открываемых пивных бутылок. Для тебя это прошлое, за которым ты закрываешь дверь, может быть, сердито, но вынужденно. Сегодня у тебя есть еще право на одно яблоко, в лучшем случае на два, надкусанных внуками, и это все.

После легкого дневного питания (ЛДП, как по привычке все сокращать в шутку именует его твоя молодежь) самым подходящим будет опуститься в кресло, когда объешься – на диван, а за письменный стол – на пустой желудок. Сейчас бы кофе с сигаретой, но тебе приходится отказываться от одной слабости за другой. Насколько в свое время тебе было легко поддаваться им по очереди, настолько теперь тяжело постепенно от них отвыкать. Не остается ничего другого, кроме как догрызть яблоки из детского сада, отчищая тем самым проредившиеся зубы от чешуек чечевицы и чеснока. Одновременно ты слушаешь новости по радио и листаешь утреннюю газету, побуждая, насколько это возможно, уши и глаза к бодрствованию. Хотя тебя уже и загнали на запасный путь, ты стараешься не пропустить ничего из того, что происходит в мире. Как ни странно, тебя гораздо меньше интересует происходящее непосредственно вокруг тебя – может быть, потому что тебе все это не только хорошо известно, но уже и порядком надоело.

Ты догрызаешь яблочки, держа в руках книжку, которую собрался почитать, и слушаешь музыку по радио. Это дневной покой градусом ниже, послеобеденный отдых заслуженного трудящегося. Но, насколько тебя привлекает книга, настолько отвлекает музыка, и ты идешь на уже привычный и знакомый компромисс. Ты закрываешь глаза под очками, опускаешь открытую книгу на колени и предаешься своим думам. Вернее сказать, начинаешь дремать в обычной позе дедушки на пенсии, которая неизменно вызывает смех у сорванцов-внуков. И вот, пока в бурчащем желудке переваривается чечевица, в голове роятся и мельтешат мысли, а перед глазами возникают туманные картины. Ни одна из них не останавливается, или ты на ней не останавливаешься. Как будто обрезки, оставшиеся после монтажа кинофильма,

крутятся по зубчатым барабанам в обратном направлении и с несинхронным звуком.

По-настоящему ты спишь ночью, со снами и видениями или без них. А твоя дрема днем – это просто полубытие, в котором вместо снов одни полусны. Неглубокий речной пережат, в котором дремотные волны вымывают со дна гальку яви. Эти волны так и крутят тебя в своем водовороте, не давая тебе ни утонуть, ни выплыть, пока ты не вынырнешь из них со все еще закрытыми глазами. В этой дреме тебя не удивляет невозможное, в полусне камни проносятся мимо, но зато без предупреждения появляется твой врач, скорее в виде домового, чем целителя души.

Ты видишь себя, в полной готовности, сидящего за письменным столом, теперь уже расчищенным от всякого хлама. Перед тобой пишущая машинка со вставленным в нее чистым, пустым листом бумаги. Над машинкой, как на нотном пюпитре, набросок, нацарапанный твоей рукой и понятный только тебе. Справа стоящие так, чтобы было удобно дотянуться, пепельница с зажженной сигаретой и чашка крепкого кофе. Слева – рюмка домашней ракии и тарелка с каким-то салатом. Важен первый удар, первое слово – самое трудное. Если попадешь в точку, потом все пойдет легко – будто топором попадаешь в то единственное место, с которого раскалывается целое полено, сколько бы в нем сучков ни было. Но хотя черновик у тебя перед глазами, и хотя композиция у тебя в голове, ты все еще откладываешь первое движение. Тебе нужно начальное, единственно верное и главное слово, но сколько ты ни ищешь его, не в книге, а в своей собственной голове, тебе на ум приходят только плоские, избитые, тысячу, бесчисленное число раз повторенные зачины. Надо собраться, говоришь ты сам себе. Ты глубоко затягиваешься сигаретой и с силой давишь ее в пепельнице, отпиваешь ракии, не

замечая вкуса и уставившись на салатник, как на натюр-морт. Ничего, опять ничего.

Тут из-за спины появляется твой врач, как учитель во время контрольной – не то что проверяя, не списываешь ли ты, а просто обходя класс по рядам. На носу у него очки в тяжелой оправе, во рту – погасшая сигарета, дома он пьет только кефир, а в гостях воду, при том, что он директор клиники с положительным сальдо. – Вот ты и попался, – говорит он вместо приветствия, с такой угрозой в голосе, как будто он и вправду поймал тебя со шпаргалкой. Ты указываешь на пустой лист бумаги в пишущей машинке, как на доказательство в твою пользу. – А, пишешь? Он наклоняется, чтобы взглянуть, и неизвестно, похвалит он тебя или обругает. Ты не знаешь, что лучше, встать и составить ему компанию в гостиную или остаться и притвориться, что ты занят. – Хорошо, хорошо. Пиши. Только это вот не годится. Он поднимает графинчик за горлышко, но не прячет его за спиной, а ставит на место, как бы капитулируя перед искушением, от которого не убежать. – Это я для вдохновения, – защищаешься ты, уже готовый сдаться. – Чтобы сосредоточиться. – Хоть для чего, все равно не годится. Он как будто и не заметил, какая она прозрачная на просвет, как слеза, заметил только, что у тебя с левым желудочком. Он подробно начинает распространяться о зловредности этой привычки, которая сначала помогает вдохновиться или сосредоточиться, а потом становится ложной компенсацией писательства. – Человек сначала пишет и понемногу выпивает, потом пишет и пьет, потом пишет и напивается, и чем больше пьет, тем меньше пишет. Пока совсем не перестанет писать и пока не станет только пить. Метате́за, писательство замещается выпивкой. Как выпьет, у него море замыслов, а протрезвеет – голова пустая, и рука не слушается. Дилетантизм, профессионализм, алкоголизм. Фазы тщеславного творца. Понимаешь?

Ты не понимаешь: ни одна из этих фаз лично тебе не знакома; ни в писательстве, ни в выпивке. Ты всегда был сам по себе, по своей мерке: во всяком случае, ты сам себя считал таким, даже если другие с тобой не соглашались. Но вот, наконец, твой врач, как домовый, удаляется из твоего рабочего кабинета, грозя тебе пальцем и показывая на графинчик. И не закрывает дверь, как следовало бы, а оставляет ее настежь открытой – чтобы в нее вползал кухонный смрад, составленный из разнообразных запахов. Тебя обуревает желание вернуться на кухню и выразить с порога свое несогласие, но ты остаешься сидеть, как прикованный. Зачем прилагать усилия, когда и так все идет, как идет. Тебе не пьется, тебе не пишется, тебе даже курить – и то не хочется. Непонятно, почему он не стал нагонять на тебя страху из-за курения, наверное, потому, что сам не вынимает сигареты изо рта. Ты осязаешь свой заскорузлый язык и понимаешь, что бесконечно далек от первого слова, которое необходимо, чтобы начать печатать на пишущей машинке.

Вместо этого тебя как будто бьет током, это один из внуков трясет тебя за плечо.

– Дед, кофе будешь? Он орет прямо в ухо, забравшись тебе на колени. Ты поднимаешь свалившуюся набок голову, продираешь слипшиеся глаза, выплываешь из дремы и понимаешь, что сидишь не за рабочим столом, а в продавленном кресле. – Буду, – с готовностью отвечаешь ты, – только с молоком и без сахара. Внук опрометью убегает, чтобы не забыть по дороге заказ, так что ты не успеваешь спросить его, не заходил ли за это время доктор. Но тебе тут же приходит на ум, что это уже неважно, потому что все это было даже не во сне, а в каком-то забытьи.

И вот, все еще сидя в кресле, ты прихлебываешь кофе и пялишься в телевизор. Тут хотя бы некому тебя одер-

гивать, что ты хлюпаешь, когда пьешь, и сидишь, раззявив рот, когда смотришь. Там, у молодых, гомонят гости, все громче и громче, что-то кипит на плите, и они сами то и дело вскипают смехом. Как будто вокруг нет войн, как будто будущее принадлежит им. Путаясь у них под ногами, внуки с грудями игрушек играют в детский сад, набегавшись предварительно по дворам и переулкам. От их галдежа, неиссякаемого, как священный источник, не слышно ни телефона, ни домофона, ни магнитофона, ни проигрывателя, ни радио, ни телевизора – он будет продолжаться, пока их не уведут ужинать и не уложат в кровать, тогда начнется плач. А когда шум в квартире поутихнет, тебе принесут ужин, на подносе в тарелочке горстку сухого творога и чашку простокваши: творога ровно столько, чтобы ввести в заблуждение желудок, и простокваши ровно столько, чтобы протолкнуть творог внутрь.

Наевшись и объевшись, ты от нечего делать возвращаешься к тому, что показывают на голубом экране; а когда глаза у тебя устают, ты начинаешь воспринимать, а вернее домысливать изображение по звуку, но осознать услышанное ты уже не в состоянии. «Сейчас тебе, – думаешь ты про себя, уже не хочется работать, тем более писать. Утро вечера... – утешаешь ты сам себя. Ты раздеваешься и ложишься. Ты принял таблетки, но не почистил зубы. – Завтра», – напоминаешь ты себе. Ты накрываешься по плечи, поворачиваешься к стене и закрываешь глаза. Часами не можешь заснуть, ждешь, когда стихнет последний шум в доме, и все думаешь про себя: каждая жизнь стоит того, чтобы ее описать, это тебе не игрушки, и все заканчивается смертью (жизнь – сказка, а смерть – развязка). Завтра, начну завтра. Да пошло оно все...

Влада Урошевич

Сабля

Яши-бей, командир турецкой конницы, не заметил, когда его коня ранили. В горле у него пересохло, солнце било ему прямо в глаза, кожа зудела от пыли, смешанной с потом. Конь внезапно запнулся и осел, как мех с вином, если его проткнуть ножом. Перед глазами все слилось, небо смешалось с пестрой землей, выгоревшая трава устрояюще быстро полетела в глаза. Он почувствовал боль в ноге, придавленной тяжестью коня. Вдалеке в облаках пыли летели его всадники, Ординарца рядом не было.

Яши-бей попытался выбраться из-под коня. Потом несколько раз покричал. Всадники отдалялись, размахивая саблями. Далеко за осенним кукурузным полем чернело пепелище, все, что осталось от Скопье после пожара.

Яши-бей услышал позади себя несколько слов на чужом языке. Он повернулся и попытался вытащить саблю из ножен.

Рукоять сабли погнулась. Между лезвием и ножнами набилась земля. Он попробовал еще раз.

Но было поздно. Из сухой кукурузы вышли два австрийских солдата в длинных синих мундирах и короткошей мужик в грязном деревенском кафтане грубого сукна.

* * *

Георгий С., преподаватель истории и любитель старины, увидел эту саблю в одной ювелирной мастерской. Она висела над камином рядом с тремя иконами. Сабля сразу бросилась в глаза, и ему захотелось ее купить.

Сначала мастер упорно не хотел ее продавать. Он рылся на полках, где лежали разные латунные финтифлюшки, протирал их грязной тряпкой и что-то недовольно бормотал. На стене висели изречение из Корана, вышитое серебром по выцветшему синему бархату, и старинная гравюра: толстый всадник, указывающий саблей на группу конников, скачущих вдалеке. Сильно пахло средством для чистки металла и старым деревом.

Когда он в третий раз пришел в лавку, хозяин уступил. Он ел прямо с газеты холодный кебаб, недовольно встал, вытер руки о грязные штаны, пересчитал деньги и снял со стены саблю.

Георгий С. взял саблю и увидел, что рукоятка погнута, как от удара. Он завернул саблю в газету и пошел к выходу. Там он остановился, чтобы попрощаться с ювелиром, но тот уже отвернулся и больше им не интересовался. Георгию С. даже показалось, что тот намеренно не хотел с ним прощаться. И тут, уже на пороге, он обратил внимание на то, чего сначала не заметил: из брюха коня на гравюре струей хлестала кровь. Конь был ранен.

* * *

Конь внезапно запнулся и осел, как мех с вином, если его проткнуть ножом. Перед глазами Яши-бея все слилось, небо смешалось с пестрой землей, выгоревшая трава устрашающе быстро полетела в глаза. Он почувствовал боль в ноге, придавленной тяжестью коня. Вдалеке в облаках пыли летели его всадники. Ординарца рядом не было.

Он вспомнил, что отправил его на левый фланг посмотреть, почему задержались татары. Наверняка наткнулись на трупы австрийских солдат и остановились, чтобы помародерствовать, решил он.

Яши-бей попытался выбраться из-под коня. Потом несколько раз покричал. Всадники отдалялись, размахивая саблями. Далеко за осенним кукурузным полем чернело пепелище, все, что осталось от Скопье после пожара.

* * *

Скопье залило желтым осенним солнцем: на выцветших черепичных крышах лежала пыль, от которой черепица казалась еще более блеклой. Георгий С. прошел по чаршии, старым торговым рядам, щуря глаза: солнце сияло, отражаясь от медных тазов, от воронок из оцинкованного железа в витринах жестянщиков, от металлических украшений на сбруе, висящей на дверях шорных лавок. Вокруг блестели клинки, острые ножи, стальные лезвия: вся чаршия была сверкающим огромным арсеналом, складом, потонувшим в глубокой древности и изъеденным ржавчиной, полным военных припасов, всевозможного оружия и неведомого снаряжения.

Когда Георгий С. вошел в автомастерскую, чтобы забрать аккумулятор, который оставил там несколько дней назад, то после пылающего ярмарочного буйства осенних красок, после сияющего света, разливавшегося по чаршии, в мастерской ему показалось темно. Бледный парень с испуганными глазами сказал ему, что мастера нет. Георгий С. спросил, будет ли он сегодня. Парень, пряча глаза и терзая напильником какую-то железку, ответил, что да, мастер будет. Левая рука у него была обмотана широким грязным бинтом.

Георгий С. вспомнил, что ему надо купить кое-что для дома, решил, что глупо шататься по чаршии с обернутой

газетной бумагой старинной турецкой саблей в руках, и спросил парня, можно ли оставить ее здесь. Тот кивнул, даже не поглядев на него. Георгий С. положил саблю на грудку инструментов и вышел.

Из ворот грязного запущенного постоялого двора напротив вывозили старые железные кровати. Две лошади, надрываясь, тащили телегу в гору. Извозчик сипло и неразборчиво подгонял их. Одна лошадь оступилась и упала, подковы залязгали, скользя по камням мостовой. Извозчик, бранясь, бегал вокруг. Лошадь впустую била копытами по воздуху и неуклюже брыкалась, стараясь встать.

* * *

Яши-бей попытался выбраться из-под коня. Потом покричал. Всадники отдалялись, размахивая саблями. Далеко за осенним кукурузным полем чернело пепелище, все, что осталось от Скопье после пожара.

Конь рванулся еще раз, стуча копытами по твердой сухой земле, и затих. Яши-бей попробовал высвободить левую ногу, запутавшуюся в стременах. Если сумеет встать, то можно позвать кого-нибудь на помощь, подумал он. А когда он лежал, его почти не было видно: его скрывали пыльные кусты ежевики, старые могильные холмики и несколько больших камней.

Глупо было так сильно забираться вправо, преследуя бегущих австрийцев, которые, укрываясь за кочками, стреляли по коннице из длинных ружей. Он вспомнил, как утром торопился, хотел посмотреть, что случилось с оставленным в спешке дворцом, со всем имуществом. Потом он услышал позади себя шаги. Он подумал, что его может найти жадная до легкой добычи голытьба, те оборванцы из башибузуков, которые все время таскаются за армией, и убить его. Ради одежды или ради сабли.

Когда Георгий С. вернулся в мастерскую, сабли там не было. Хозяин о ней ничего не знал. Парень был растерян. Его грязный бинт наполовину размотался, и он тщетно старался его завязать, помогая себе зубами.

Георгий С. объяснял, что саблю оставил на столе на куче инструментов, нервничал, указывал на парня. Во время этих препирательств он заметил, что парень все время пытался подать мастеру какой-то знак. Кстати, инструментов, на которые он положил саблю, тоже не было.

Георгий С. пытался объяснить хозяину мастерской, что речь идет об очень ценной вещи. Мастер понимающе кивал, но когда услышал слово «сабля», вздрогнул и недоуменно поглядел на собеседника.

Наконец, все выяснилось: инструмент, а с ним, видимо, и саблю, забрал другой мастер, знакомый хозяина, но где тот живет, хозяин мастерской не знал или не захотел сказать. Мастер предлагал Георгию С. прийти через несколько дней, повторял, что к тому времени саблю непременно вернут, что взяли ее в спешке и по недоразумению, и что Георгию С. совершенно не следует волноваться. Парень с отсутствующим взглядом все еще завязывал бинт, на шум собралось еще несколько хозяев из лавок напротив. Внезапно, когда Георгий С. потерял уже всякую надежду выяснить что-либо еще о человеке, забравшем инструмент, а с ним и саблю, один из соседей, услышав имя того мастера, предложил проводить Георгия до его дома. Владелец мастерской, казалось, растерялся от такого предложения, засомневался, что его так уж легко будет найти, и занялся чем-то в темном углу мастерской, как будто все дальнейшее его больше не касалось.

Когда Георгий С. вышел из лавки вместе с хромым сапожником, пообещавшим отвести его к таинственному мастеру, солнце уже скатилось за старую крепость. На

тесных улочках было сумрачно: блеск металла в лавках теперь приобрел холодно-голубой оттенок, стекла витрин посинели. Сапожник прихрамывал, шел медленно, жаловался на одышку и снова и снова расспрашивал о пропаже.

* * *

Всадники отдалялись, размахивая саблями. Далеко за осенним кукурузным полем чернело пепелище, все, что осталось от Скопье после пожара.

Выстрелы больше не слышались. Высоко в небе плыли белые облака. На кустах поблескивала паутина.

Яши-бей попытался слюной смочить горло, пересохшее от пыли, клубившейся над ним целый день. Его мучила жажда. Он с воодушевлением подумал о фонтане в саду своего дворца, о журчании воды, которое становилось слышнее к вечеру. По утрам у дворца на тополиной аллее ворковали горлицы.

Невдалеке раздался шум. Может, это тоже была какая-нибудь птица?

Яши-бей услышал позади себя несколько слов на чужом языке. Он повернулся и попытался вытянуть саблю из ножен.

* * *

Найти мастера оказалось труднее, чем он думал. Сапожник стал плутать в незнакомых улочках, расспрашивать недоверчивых стариков и нахальных мальчишек. Наконец дом отыскался: перед большим грязным двором Георгий С. поблагодарил сапожника, и тот исчез за низенькими постройками. Во дворе стоял домик, рядом с ним – длинный приземистый сарай, в котором, видимо, была мастерская.

Когда Георгий С. зашел во двор, навстречу ему из дома выскочила молодая женщина в выцветшем халате, застег-

нутом всего на несколько пуговиц. Нет, она не знает, где мастер, дома его нет, когда вернется, она тоже не знает, нет, ничего не приносил, никакой сабли. Женщина продолжала стоять во дворе, пока Георгий С. не удалился, словно хотела удостовериться, что он действительно ушел.

Георгий С. решил, что сразу уходить отсюда бессмысленно: маловероятно, что он сумеет еще раз найти сюда дорогу. Он решил подождать. Дойдя до угла, он оглянулся: женщина зашла в длинный сарай, быстро прикрыв за собой дверь. Когда она входила, было видно, что внутри горит слабый свет.

Георгий С. несколько раз прошелся по соседним улочкам. Цыганки набирали воду из уличной колонки, в дверях домов стояли молчаливые старики, дети дрались из-за чего-то в пыли. Над низенькими белеными мазанками возвышался наполовину разрушенный памятник. Шесть его колонн, черных и покосившихся, вырисовывались на фоне сумрачного неба.

– Что это за памятник? – спросил он мальчика, строгавшего палку большим ножом. Мальчик недоверчиво усмехнулся, будто распознав в вопросе некое скрытое лукавство.

– Яши-бей, – сказал он, наконец. – Большой человек. Помер. Из ворот дома вышла женщина и позвала мальчика. Тот, не оглядываясь, нехотя поплелся к дому.

Было уже темно, когда Георгий С. второй раз пришел на знакомый двор. Женщины во дворе не было. Георгий С. направился к дому, потом передумал и повернул к мастерской. Внутри горел свет, слышались металлические удары. Он подошел к двери, постоял немного и отворил ее. Внутри трое людей, сидя на корточках на бетонном полу, разбирали кузов автомобиля. Когда Георгий С. появился в проеме двери, они повернули головы, один из них встал. Георгию С. показалось, что он услышал какое-то слово на непонятном языке.

* * *

Яши-бей слышал позади себя несколько слов на чужом языке. Звуки речи сливались с легким шелестом неубранной кукурузы.

Он повернул голову: только кукурузные метелки тихо покачивались на ветру. Откуда-то тянуло дымом. Он вспомнил о неопределенных слухах, которые утром разнеслись по армии: что его дворец сожгли, а имущество растащили. Он подумал с горечью, что теперь у него нет даже коня.

Голоса слышались вновь. Яши-бей был уверен, что за кустами ежевики и за кукурузой кто-то есть. Потом он услышал шаги. Он повернулся и попытался вытянуть саблю из ножен.

Рукоять сабли погнулась. Между лезвием и ножнами набила земля. Он попробовал еще раз.

* * *

– Сабля, – сказал Георгий С. неуверенно. – Я пришел за саблей.

Пока один из этих троих двигался к нему, Георгий С. заметил, что рядом со снятым с кузова крылом лежало много металлических предметов: это были черные маленькие револьверы, совершенно новые, еще в смазке. – Чего вам надо? – спросил человек с короткой толстой шеей, становясь так, чтобы загородить собой автомобиль.

– Вы по ошибке взяли мою саблю, – объяснил Георгий С. Короткошей остановился в нерешительности. – Вот она, – сказал один из тех, кто все еще сидел на корточках рядом с машиной.

Георгий С. взял саблю у него из рук.

– Вы только за этим пришли? – спросил короткошей. – Не хотел, чтоб она пропала, – сказал Георгий С. На полу мастерской стояли ящики с маленькими черными револьверами.

– Контрабанда, – решил Георгий С. У машины были иностранные номера. С буквой «А» в черном круге. – Австрия, – подумал Георгий С. – Контрабандой возьят оттуда оружие.

Уже выходя со двора, он услышал, как позади него скрипнула дверь мастерской.

– Постой, – окликнули его.

Георгий С. ускорил шаги. Улицы были совершенно пустыми и мрачными. Он быстро пошел в гору к памятнику, силуэт которого ясно очерчивался на фоне неба. Памятник стоял на пригорке между домами, и оттуда были видны все окрестности.

Потом он услышал, как один из его преследователей поскользнулся.

– Окружай, – крикнул он остальным. – Быстрее, пока он не сообщил в полицию.

Георгий С. неся вдоль домов, свет не горел ни в одном. Из них все двери были заперты, в окнах никого не было: как будто сейчас война, как будто прошла вражеская армия, сжигая и уничтожая все на своем пути. Только в одном из дворов залаяла собака.

– Если они меня схватят, то сразу убьют, – подумал Георгий С.

Спотыкаясь о едва различимые в темноте камни мостовой, Георгий С. добежал до памятника. Внизу растянулся город, совершенно черный, глухой, с улицами без единого фонаря.

– Как будто чумной, – подумал Георгий С.

Преследователи приближались. Георгий С. прижался спиной к холодному камню памятника и поднял саблю. Он напрягал зрение, пытаясь разглядеть в темноте фигуры своих преследователей.

– Может, закричать, – подумал он.

Но было поздно. Из сухой кукурузы вышли два австрийских солдата в длинных синих мундирах и короткошей мужик в грязном деревенском кафтане грубого сукна.

Манекен

В полдень писатель пронес по площади манекен. Манекен был обычным, портновским, с подставкой и без головы. Городские нищие и бродяги, без дела сидевшие в тени, долго смотрели ему вслед.

Писателю стоило больших трудов затащить куклу наверх по лестнице.

– Кого это вы несете, – проходя мимо, спросил сосед, направлявшийся на базар.

– Никого, – отвечал писатель, отдуваясь.

Он обхватил манекен и тащил его, словно нес человека, упавшего без сознания. Ступеньки были узкими, и подъем давался нелегко, подставка то и дело ударялась об ограждение лестницы. Наконец писатель добрался до двери своей мансарды, поставил манекен у стены и вытащил из-под коврика ключ.

– Что за срам, – сказала Лиля, придя к нему ближе к вечеру. – Кто тебе разрешил напялить мою одежду на вот это вот?

Писатель стоял посреди комнаты и с удовлетворением смотрел на свое творение. На манекене были вещи, которые Лиля забыла у него в конце весны, когда принесла их из химчистки. Наверху красовалась гипсовая отливка головы Афродиты. Голову венчала большая черная шляпа из рисовой соломы.

Писателю его детище нравилось чрезвычайно. Голова немного склонилась набок, шляпа съехала на лоб, час-

тично закрывая лицо, – кукла смотрела кокетливым взглядом, явно желая понравиться. Лиля пожала плечами, состроила брезгливую гримаску и отвернулась.

– Мог бы чего-нибудь поумнее придумать, – заметила она. – Ты уже столько времени ничего не пишешь. Вместо того чтобы работать, в игрушки играешь.

– Тело мое тебя просит, – с патетикой декламировал писатель чужое стихотворение, – слово найди, что с деревом зеленым трепещущим схоже...

Лиля начала проявлять нетерпение.

– Не понимаю я тебя, – сказала она. – Я не понимаю твоих шуток с портновской куклой. Надеюсь, ты с ней не спишь.

– Мне необходимо постоянное присутствие описываемой личности, – сказал писатель. – Я должен вжиться в своих героев. Знаешь, я сейчас пишу рассказ о человеке, влюбившемся в портновский манекен.

– Ну и прекрасно, – сказала Лиля. Она сперва хотела снять одежду, которая была на манекене, но потом передумала. Снаружи город задыхался в оранжевой пыли, в миазмах, идущих от мусорных баков, в тяжелом запахе обмелевшей реки. Она подошла к двери и вышла на балкон: внизу во дворе на белом блестящем бетоне сидели полуголые мальчишки и раскалывали абрикосовые косточки. Дальняя часть города, за рекой, была вся в желтоватой дымке, вроде муара на старых открытках.

По улице двигалась, размахивая руками и глядя вверх, маленькая человеческая фигурка.

– Вон художник идет, – сказала Лиля. – И уже не скрошется, он меня видел. Теперь до ночи просидит.

Художника манекен привел в восторг.

– Бесподобно, – кричал он, жестикулируя. – Он напоминает мне о студенческих днях. Когда я учился в Академии, у нас не было денег на натурщиков, и приходилось манекены срисовывать. Бывают такие манекены...

Художник засиделся допоздна. Звезд на летнем небе почти не было видно; их душили испарения города и носившиеся в воздухе влага и чад.

– Вон там созвездие Стрельца, – бормотал художник, неопределенно показывая куда-то поверх многоэтажек.

Потом вся троица вышла. Художник продолжал восхищаться манекеном, обещал его нарисовать и потел. Над городом висело марево, стены источали жар, который они вобрали за день. Прохожие двигались, тяжело ступая, с болезненным блеском в глазах, нервные и раздраженные.

На следующий день Лиля, поднимаясь к писателю, встретила на лестнице хозяйку его квартиры.

– С меня довольно, – кричала хозяйка, багровея лицом и тяжело дыша. – Хватит: сперва девушка, а теперь вообще не пойми что.

Когда Лиля проходила мимо, хозяйка обернулась.

– Найди себе кого-нибудь другого, – сказала она. – Этот твой там наверху какую-то деревянную уродину раздевает.

– Что происходит? – спросила Лиля, входя в комнату. Писатель кисло улыбнулся.

– Глупо вышло, – сказал он. – Сначала утром пришел человек, который электрические счетчики проверяет. Я был на балконе. Он как завизжит и вниз по лестнице. Вслед за ним хозяйка заявила, а я как раз манекен переодевал.

На голове у манекена теперь был парик, явно из какого-то театра. Длинные рыжие волосы густыми волнами ниспадали на плечи.

– Как продвигается твой рассказ? – спросила Лиля.

– Еще вызревает, – ответил писатель. – Но рассказ будет отличный. Хочешь, пойдем, прогуляемся?

Перед тем как расстаться, писатель попросил у Лили очки от солнца.

На следующий день Лиля обнаружила очки на манекене. Они резко выделялись на гипсовой голове: казалось, что кукла следит из-под очков за всем, что происходит в комнате.

– Ты рехнулся, – сказала Лиля. – Я тебе не для этого свои очки дала.

Писатель попытался ее успокоить. – Это же ты, – сказал он, показывая на манекен. – Я пишу о манекене, а думаю о тебе. Это твой двойник.

– Ты меня в это не впутывай, – сказала Лиля. – Я не хочу, чтобы меня кто-то заменял. Надеюсь, ты не кладешь это чучело в постель.

– Не будь такой примитивной, – рассмеялся писатель. – Это же просто кукла.

– Ты начинаешь меня пугать, – проговорила Лиля. – Я тебя не понимаю.

– Тело мое тебя просит, – декламировал писатель, – слово найди...

– Все-таки мне эта затея с манекеном не нравится, – сказала Лиля.

– Рассказ скоро будет готов, – успокаивал ее писатель. – И рассказ будет выдающийся. Про молодого человека, влюбившегося в портновский манекен. Вот увидишь, он вызовет фурор.

– Давай сегодня вечером сходим куда-нибудь, – сказала Лиля. – В летнем кинотеатре идет хороший греческий фильм.

– Ладно, – сказал писатель. – Мне нужно только еще кое-что добавить.

Он вколол несколько дешевых блестящих шпилек в прическу манекена, отошел на несколько шагов, оценивающе его оглядел и остался очень доволен результатом. Потом записал что-то себе в блокнот.

– А она все хорошеет, да ведь? – спросил он.

Лиля молчала, стараясь смотреть в другую сторону.

Перед летним кинотеатром они встретили художника. Тот грыз соленый арахис.

– Как твой рассказ? – сразу спросил он.

– Великолепно, – ответил писатель. – Наткнулся на новые решения. Одним словом это будет, так сказать, идеальный рассказ.

– Давай поспешим, – сказала Лиля. – Похоже, уже билетов нет.

Писатель сказал, что следующие несколько дней будет работать. Лилия к нему не приходила. Потом, когда ей порядком надоело ходить в кино одной, она однажды вечером поднялась в мансарду.

Манекен стоял посередине комнаты. Писатель лежал на кровати. Света в комнате он не зажигал.

– У тебя ужасно душно, – сказала Лилия. – Ты здесь вообще, что ли, не проветриваешь? На улицу-то выходишь?

– Я все эти дни писал, – ответил писатель. – Рассказ почти готов.

Лилия, сторонясь, обошла манекен, подошла к кровати и села.

– Ну, а теперь, когда рассказ готов, – сказала она, – ты унесешь отсюда манекен? В ее голосе чувствовалась плохо скрываемая ненависть к деревянному существу, носящему ее одежду.

– Потерпи немного, – сказал писатель. – Пусть еще тут побудет. Этот парень из рассказа ужасно влюбился в куклу.

Полутьма в комнате была густой и липкой. Пахло нестираной одеждой и потом. Спертый воздух висел мягкой тряпкой.

– Мы куда-нибудь пойдем? – спросила Лилия.

– Не сегодня, – ответил писатель.

– Ну, может, завтра? – спросила Лилия.

– Да, завтра, – с облегчением сказал он. – Вечером мне нужно будет еще кое-что дописать.

– Ладно, – сказала Лиля и встала. – Жди меня завтра в кафе на набережной.

На следующий день Лиля сначала встретила художника. Он сказал ей, что видел писателя в кафе.

– А что с манекеном? – окликнул ее художник, когда они уже распрощались.

– Пока ничего, – сказала Лиля. – Но скоро наверняка что-то случится.

Она быстро поднялась по лестнице, чтобы ее не увидела хозяйка. Нашла ключ под ковриком и открыла дверь.

Манекен стоял посреди комнаты.

Лиля подошла к кукле тихо и осторожно, будто к живому существу.

Борясь с отвращением, она сняла с нее парик. Голая гипсовая голова заблестела в лунном свете.

Она судорожно срывала с манекена одежду. Брошки и заколки падали на пол и, ломаясь, хрустели под ногами. Дрожа, она стала жечь парик и одежду в печке, забитой старыми бумагами.

В комнате запахло дымом.

Она взяла гипсовую голову. Открыла дверь на балкон и посмотрела вниз. Белое пятнышко головы описало в полутьме дугу. Потом она услышала, как разбился гипс, ударившись о бетон.

В мусорных баках испуганно замаякали и прыснули во все стороны кошки.

Затем она сбросила сверху и манекен. Послышался треск дерева. На первом этаже зажегся свет и раздался старческий голос: «Вы что там, с ума посходили? Сейчас полицию вызову!»

Лиля быстро вышла из комнаты, заперла дверь и сбегала по ступенькам.

Хлопали, открываясь, двери, во дворе слышались возбужденные голоса. Лиля в испуге прошмыгнула через

двор, выскочила на улицу и добежала до угла. Потом пошла медленнее.

Дойдя до набережной, Лиля успокоилась. Писателя она увидела еще издалека; он сидел за столиком перед кафе и пил пиво.

– Ну и жара сегодня, – сказала Лиля, садясь.

– Просто ужас, – отозвался писатель. – Пиво будешь?

– Если холодное, – сказала Лиля. – Пить хочу невозможно.

– Слушай, я доделал рассказ, – сказал писатель. – Теперь совсем готов. Вчера дописал. Хочешь знать, чем кончается?

Лиля потягивала пиво и только подняла брови в знак того, что хочет.

– Девушка, которая его любит, – сказал писатель. – Она приходит к нему, когда его нет дома, и ломает куклу.

Лиля опустила бокал с недопитым пивом.

– Это необычный рассказ, – продолжал писатель. – В своем роде идеальный рассказ. Этот парень, который влюбился в манекен, он пишет рассказ. Рассказ о том же самом, о молодом человеке, который влюбляется в куклу. И он тоже пишет рассказ.

Лиля застыла с ледяным выражением на лице. От неоновых светов ее лицо казалось безжизненным, будто сделанным из гипса.

– Давай быстрее, – сказал писатель, – допивай пиво. – Пойдем ко мне, я тебе рассказ прочитаю.

Только поднимаясь по лестнице, Лиле удалось выдать из себя слово. – Так чем твой рассказ заканчивается, – спросила она.

– Представляешь, – сказал писатель, отпирая дверь, – увидев, что кукла разбита, писатель задушил девушку. Правда, смешно?

Живко Чинго

Мыши всемогущего Бога

Снег шел уже семь дней без перерыва. Делопроизводитель по регистрации актов гражданского состояния населения товарищ Димитрий Стенкоский никак не мог понять, откуда взялся этот тяжелый черный снег. Весна остановилась где-то над виноградниками, не дойдя до долины. А ведь он прекрасно помнил свежее дыхание ветра, доносившееся с той стороны гор. Он тогда даже позволил себе на время оторваться от своих реестров и с блаженным удовольствием сказал:

– Дорогой Димитрий Стенкоский, честное слово, мы ведь не сто лет проживем, дай душе хоть немного отдохнуть. Взгляни на природу вокруг. Но на природу вокруг он так и не взглянул, а посмотрел зато на Славянку Тарпаноскую, которая шла мимо колодца, топоча своими белыми полными ножками. Делопроизводителя, когда он слышал это топотание товарища Славянки Тарпаноской, с головы до пят охватывала сладкая дрожь, и он потом долго не мог вернуться к своим реестрам. Эх, что за погода была, совсем уже весенняя... С нашим делопроизводителем Димитрием Стенкоским наверняка случилось бы что-нибудь этакое, замечательное, если бы долину не завалил снег. Этот снег и свел нашего дорогого Димитрия с ума.

И вот, снег идет, не переставая, и накрывает всю долину. Димитрий совсем уже в тень превратился, скрючился в полутемном кабинете и все думает, но ничего у него не выдумывается.

– Что случилось с погодой, – размышляет он. – Снег падает непрерывно, он замел все дороги, сровнял с землей дома, а люди превратились в куски льда. Не к добру это, – думал делопроизводитель, готовя отчет о смертности за текущий год, о числе больных и о тех, кто превратился в куски льда, кто пропал в начале этой весны. А с тех пор, как пошел снег, он вообще не знал, о чем писать дальше. Не был вполне уверен, весна ли уже настала или все еще продолжалась зима.

В кабинете стало темно, и он трясущейся рукой зажег маленькую сальную свечку. Потом нехотя, с усилием, склонил бледное изможденное лицо над грудой старых бумаг. Тихим голосом сказал:

– Господи, наставь меня, вразуми, как работать, – проговорил он и стал писать дальше, произнося вслух каждое слово.

... Пусть знают и помнят, что двадцать третьего марта наш народ постигли большие несчастья. Случилось это в весеннюю пору, в послевоенный 1948 год, когда секретарь местной ячейки товарищ Тацко Настейчин наступил ногой на ту ямку, где ветра кроются, и вот целых три года и три месяца трясет его страшная лихорадка. Почитай, ничего не осталось от человека. Это было весной, а уж откуда теперь этот снег появился, одному Богу известно.

Ветер задувал в окно через щель, где отклеилась бумага, и немилосердно бил делопроизводителю в затылок. Помрачение проникает в людей, думал делопроизводитель, и ему мерещилось, будто в комнату пробирается взбесившийся пес, чтобы растерзать его, порвать на куски. Делопроизводителя мучил голод. Голод метался в его ссохшихся кишках. Руки упали на бумагу.

– Не получается у меня отчет, – прошептал он и поджег бумагу от крохотного огонька свечки, согревая себе руки. Потом подышал на ладони, взял новый лист и опять склонился над столом. Он писал, что погода сейчас не самая благоприятная, никудышная погода, и все недостатки этого отчета – по причине плохой погоды. Совсем не легко было разузнать обо всех скончавшихся в округе. Потому что кого похоронили, кого просто завалили камнями, другие опять же поубегали в горы и теперь скрываются по пещерам. Это все те, кто грудной болезнью страдает. Взять случай с Темелко Груеским, всем известно, какая напасть с человеком приключилась. Мы его несколько недель найти не могли. Как сквозь землю провалился товарищ Темелко Груеский. А он, бедняга, оказывается, на чердаке спрятался, где мыши. А когда комиссия его нашла, он сказал, вроде он и не человек вовсе.

– Я, товарищи, мышь, у меня хвост есть, я мышь, оставьте меня, товарищи, на чердаке.

– Да нет, ты не мышь, – разубеждали мы его, – ты человек, ты Темелко Груеский, – а он как будто и не слышит.

– Я мышь, – все повторял товарищ Темелко, да еще и попискивал, как настоящая мышь.

– А зачем ты на чердаке спрятался? – спрашивали его опять как человека.

– Не могу же я по больницам ходить, срамиться, – в конце концов признался он.

– Сейчас это не срам, товарищ Темелко, – указывали мы, – больницы народные, в больницах полно народных масс, народ в них лечится, такая теперь установка... – Но он никак не хотел слушать. Только повторял:

– Я мышь, товарищи, у меня хвост есть...

Так вот прячутся люди, да и семьи им в этом помогают, чтобы никто не дознался, что они чахоточные. Наш

народ пока еще мыслит и умирает по старинке. И этим тормозит акцию. Нашим людям легче помереть, лишь бы только не показать, что им невоготу. Так вот и умирают, как раньше, будто они не люди, а твари бессловесные. Мрут себе, и никто на этом белом свете их, как будто не видел и не слышал. Это первое, что следует отметить.

Делопроизводитель вздохнул, встал со своего места, нервно зашагал взад-вперед по маленькому кабинету, продолжая говорить вслух, будто он все еще писал отчет. Он сказал:

– Мы, товарищи, не придерживаемся такого отсталого взгляда. Мы с грудной болезнью борьбу еще не закончили, а тут ящур случился, и, чего раньше не бывало, он и людей зацепил. А принес его ветер, который дует с полей, где долина в сторону озера открывается. Заразу занесли в озеро с албанской стороны, и она пошла перекидываться на все подряд, живое и мертвое. А ветра такого с незапамятных времен не было. Он дул рано утром и ближе к вечеру, перед тем, как спать ложиться. А когда дул, то с корнем выворачивал деревья из земли и бросал их в небо, как соломинки. Громадные деревья летали по воздуху. Случалось, даже дома срывал и так и носил их, как перышки, от одного края долины до другого. Все этот ветер разметал и опустошил, не долина стала, а кладбище. Сразу мертвецов прибавилось. Везде лежали. И по дорогам, и по полям, и по садам, по всей округе, там, куда их унес и бросил ветер. А многих так и не смогли найти. Да и голодно стало на этом свете. Кукурузы по карточкам давали всего ничего. Настоящий голод наступил. Даже семена в земле сгорели. Пришла большая засуха. Земля вся растрескалась, почернела, будто ее сожгло молнией. Из нее повылазили всякие зловредные твари. Известные и неизвестные. Некоторые даже человеческим голосом говорили, будто

люди. А когда появилась саранча, еще хуже стало. Она съела всю пшеницу, обнажила деревья, как ножницами, остригла сады. Виноградники засохли, даже горы оголились. По всей округе повыврастали огромные камни. Окаменели дома, стали вроде пещер. Люди искали спасения в реке. Саранча и на людей набрасывалась. Новые болезни, страшные и мучительные, принесли с собой эти черные твари. У кого отсыхали руки и ноги, так, например, пресеклось семейство Брдана Йонеского, у него в доме все так иссохли и зачахли, что казалось, они из пыли, а не из плоти и крови. У кого повывтекали глаза вместе с мозгом, и неизвестно было, что это за болезнь такая – так много молодых женщин и мужчин посходило от нее с ума. У самого товарища Айдинкова, у того, что помладше, от нее глаза вытекли. На всю жизнь слепым остался. Его даже вывели из состава комитета. Но хуже всего было тем, кого хоть раз бешеная собака укусила. Они сами становились вроде собак. Гонялись за людьми, чтобы их покусать, а случалось, и собственных детей душили. Таких старались скрутить и привязать покрепче веревками к какому-нибудь дереву в саду, чтобы они не вырвались и другим людям вреда не нанесли. А они никак не давались, какие ни на есть, а люди, не хотели на привязи сидеть, метались, бились, грызли зубами деревья. А то, бывало, затихнут и все плачут, ну прямо дети малые. Кто уж они были, люди или не люди. Скорее все-таки люди. Плакали, совсем как люди. А потом снег пошел, их и занесло, и уже ни звука от них не долетало. Сколько их было, да много их было.

Потом делопроизводитель открыл шкаф, вынул оттуда еще одну стопку бумаг и стал медленно их перелистывать. Наконец он вытащил из нее несколько листов и прочитал: отчет о смертных случаях под номером 31, имею честь именем народа особо выделить два списка умерших с целью их использования при выработке ука-

заний для будущих задач. Под номером один отдельно идут умершие от чахотки: во-первых, Насте Димко Мургоский, 45 лет, умер в начале весны; Коста Пайческий, 21 года, тогда же; Депа Вельяноская, 35 лет, оставила троих детей; Евдокия Камческая вместе со своей дочерью Петронкой Камческой, угасли как свечи; Весела Ристеская, ей было 20 лет; Стевка Йонеская, 28 лет, из которых 13 пролежала в постели без сил; Барица Шелеская, 16 лет; Ставре Весин, 38, о нем и написать нечего; Слобода Гугуческая, 18 лет; Петар Маркоский, 26, найден в горах; Ленка Ставресская, 35 лет; Стефания Китанческая, 58 лет; Траян Тренеский, 22 года; Йонче Бакулеский и дочка Бакулеская – ему 56, дочке 18; Нада Ставре Ламбеская, также в возрасте 18 лет. Вывод: от кровотечения больше умирают кто постарше и самые молодые. И все по весне.

Пункт второй: сгоревшие, пострадавшие, погибшие, утонувшие, без вести пропавшие: Благородна Танеская, 21 года; Крсте Ботеский, 79 лет, его река унесла; Коста Кукулеский, 64 лет, сгорел от сигареты на сеновале; Стевку Велкову 1 года оставили в зыбке у очага, и дитя истаяло; трехлетнего Петара Трайческого ошпарили кипятком, когда Трайческие свинью кололи; Климе Пайкоский, 70 лет, умер по неизвестной причине; Наумка Шилеская, 59 лет, сквозь землю провалилась; Никола Ралеский, 29 лет; Николу Петреского 2 лет переехал кооперативный трактор; Симка Палеская, 22 лет, от неправильных родов; Георгий Мишкоский, 26 лет, задавлен при рубке леса; Благоя Каланоский, 3 лет, от лихорадки; Ангеле Петреский, 9 лет, пропал; и Тодор Илиеский, 28 лет, покончил жизнь самоубийством.

От всего этого народ очень встревожился, вспоминал Димитрий, все люди повыходили из домов. Никто уже не обращал внимания ни на снег, ни на летающие по небу деревья. Народ во весь голос воззвал к самому Богу:

«Эй, Господи, эй, земля огромная-преогромная, свет, весь белый свет, что вы так ополчились на нас?»

Никого в народе не осталось, у кого на сердце было бы спокойно, всем казалось, что конец близок, разверзнется земля и поглотит все. И вот, чтобы переломить такие упаднические настроения в народе, прямо в праздник Благовещенья, а люди теперь опять стали к Богу поворачиваться, посреди села собрали общий сход. Когда дело-производитель записал это, его темные увядшие губы скривились в едва заметной усмешке. Он сказал:

– А ответственность за плохую агитацию против свя-тых тогда возложили на меня. Господи, что бы со мной было, если бы товарищ Тацко знал, как я Тебе молился, когда отрекался от Тебя перед людьми.

Его разобрал смех, он безудержно и иступленно захохотал, стискивая голову слабыми руками. Но через несколько мгновений он замолчал, помрачение сходило с гор, било ему в голову, лай ветра захлестнул его, и он испуганно склонился над бумагами и продолжил писать отчет.

... Чтобы переломить такие упаднические настроения в народе, партячейка приняла самые решительные меры. Надо было объяснить людям, кому верить, а на кого и плюнуть. Что это за болезни такие, и откуда они приходят. Дело это нелегкое, поэтому на место прибыл сам товарищ Антоние Ашталко. На седьмой день парт-конференция закончилась. В партии происходило что-то необыкновенное. Весь народ с нетерпением ждал. На седьмой день, когда конференция закончилась, людям полегчало. А вот партийные вышли все черные, с покрасневшими глазами. Некоторые едва держались на ногах. Стояли, понутив головы. И все онемели, будто язык проглотили.

– Что же это такое, товарищи партийцы, – спрашивал Ламбе Ристеский, – что с погодой-то приключилось...

– В чем же тогда сила партии, – поддерживали его люди, – что вы там, мать вашу, от народа скрываете... Едины мы или нет...

Тут товарищ Ашталко вышел из строя партийцев и, как и было предусмотрено, произнес речь. Своим зычным голосом он сказал:

– Ничего мы, люди дорогие, от народа не скрываем, все народу будет сказано. Без утайки, чтобы народ все знал, пусть он судит, пусть рассудит, да здравствует народ.

– Ты, товарищ Антоние Ашталко, – опять обращался к нему народ, – освети конкретный вопрос, – говорили люди, – объясни, дружище, что с погодой приключилось. Внесите ясность, товарищи из партячейки, нечего толочь воду в ступе, – говорили люди.

Ашталко теперь уже другим голосом, как будто это вовсе и не он был, очень тихо произнес:

– Большая беда обрушилась на народ наш и на землю нашу, страшный удар нанес нам злодей с севера. Сломить хочет нас Сталин.

Он еще не закончил, а люди, и мужчины, и женщины, и дети все как один онемели, будто обожгло их, будто их напополам топором перерубили. Они стояли, широко раскрыв глаза, но ничего не видели. И у молодых, и у старых в глазах потемнело. Что это еще за новая напасть, почему это он на нас ополчился, да что же плохо-го могли мы ему...

А снег падал и падал, не переставая, заносил долину, засыпал людей, казалось, заметет их, сровняет с землей, как дома, как деревья, как все вокруг.

– Но люди есть люди, – подумал делопроизводитель, счастливо и с каким-то необъяснимым удовольствием улыбаясь. – Люди есть люди, – повторил он и принялся записывать дальше.

... Зима продолжалась 2333 дня. Вся земля онемела. Ниоткуда не доносилось ни звука, никакого звука, умолк-

ло все. Поля, долины, сады, дороги, птицы, горы – все живое и мертвое лежало под снегом. Никто не понимал, что происходит с погодой.

На тринадцатый день третьего года, когда дальше терпеть уже мочи не было, стали искать предсказателя. Его привели под конвоем, чтобы он погадал партячке. Сам он едва держался на ногах. Весь окоченел от мороза. Семь дней ждали, пока он отгадает. На девятый день он заговорил. Сказал:

– Я вижу солнце.

– Не выдумывай, – сказал ему товарищ Тацко, – ты же слепой.

– Я вижу солнце, – повторил человек. – Вижу новое солнце, встающее над вершиной горы... Вы слепцы, вон оно, сюда идет.

– Что ж никак не дойдет, – тихо промолвил товарищ Тацко, – что ж не поторопится, черт побери, мы его как родного примем, – мечтательно бормотал секретарь, убеждая солнце вернуться на свое место над Пасквелией¹.

Солнце наконец взошло на две тысячи триста тридцать девятый день. Оно взошло с той стороны, где садилось. Пришло с обратной стороны, ударило этого прорицателя по затылку, у него аж в глазах потемнело, и он умер. Человек, умевший все предвидеть, не предсказал про самого себя. Да и его самого больше никто не видел, солнце его забрало.

Потом еще много народу померло. А наш делопроизводитель по регистрации населения – дорогой товарищ Димитрий Стенкоский – от всего этого совсем умом тронулся. Да и не только с товарищем Димитрием Стенкоским такое приключилось. А он, как бешеный пес, носился по садам, по полям, даже в горы убегал. И куда ни

---

¹ Действие рассказа происходит в вымышленной стране под названием «Пасквелия», но имеется в виду Македония.

пойдет, везде землю руками роет, все ищет кого-то, потерянное ищет. А уж что он такое потерял, этого никто не знал. Так и пропал, а где – неизвестно. После этого случая никто больше покойников записывать не хотел. Так что с тех пор люди умирали без записи. Но недолго. Вскорости и снег начал таять. От виноградников опять задул тот самый ветер, который несет светлое сияние, ах, это была весна, и погода стала весенняя, весна пришла в долину.

А ведь той весной с нашим делопроизводителем Димитрием Стенкоским могло бы случиться что-нибудь этакое, особенное. Но нет теперь больше и товарища Славянки Тарпаноской, некому гулять у колодца и топотать ножками, белыми да полными. Куда подевалась товарищ Тарпаноская...

Никто не знает.

Сын

Было уже три часа ночи, а в местной партячейке все обсуждали случай с товарищем Петре Денгоским. А сам он за все это время ни слова не сказал, будто воды в рот набрал. Сидел, как дерево, в которое попала молния и у которого яростный ветер пообламывал все ветки.

– Ты, это, давай, не молчи, – подталкивал его секретарь товарищ Тацко Настейчин, – чего вдруг онемел, рассказывай обо всем по порядку... Из-за тебя люди сидят.

Голос товарища секретаря пах дешевым табаком пополам с ореховыми листьями. Весь кабинет им провонял. Народ беспрестанно курил, чтобы не заснуть. А товарищ Петре Денгоский все так и молчал, и нет, чтобы чего сказать, нет, чтобы на кого из товарищей посмотреть. Уставился на паутину в углу комнаты, впился туда

немигающим взглядом. Думал: «Что теперь говорить, уже поздно, всему конец...» – Это все из-за отца, Пантелея Денгоского, – размышлял сын, – это он заварил всю эту кашу. Но отец умер, и что теперь рассказывать, почему люди не оставят его в покое, наказали бы, и точка...

– Ты, товарищ Петре Денгоский, – цедил секретарь, товарищ Тацко Настейчин, – ты ведь заслуженный член нашей партиячейки, как у тебя совести хватило так, не подумавши, говорить о нашей ячейке перед всем народом, да еще на кладбище, – спрашивал секретарь, пытаясь оторвать его взгляд от этой проклятой паутины в углу.

– Ты понимаешь, что льешь воду на мельницу элементов и других предателей народа, – спросил кто-то из товарищей.

– Ангелицу Ораческую я сам слышал, – возмущенно сказал Коле Илеский, – как она там орала: «Бог даст, вы еще сами себе зенки-то повыцарапаете», – вот она как раскаркалась. – Ах, ты, мать твою, а я, как член партии, еще подумал: поагитируй тут мне...

Тогда Петре Денгоский чуть повернулся к товарищам и еле слышно, будто говорил не он, а его померкшие, безжизненные глаза, выдавил:

– А я ничего такого не хотел, – сказал Петре, – вообще ничего такого не думал... Во мне будто какой-то враг сидел, сердце мне выел, все как-то не так было, как вам объяснить, будто во сне...

– Отец мой, Пантелей Денгоский, – вспоминал сын, – на старости лет совсем рехнулся. Выйдет из дома на улицу, куда-нибудь в сад, или в поле пойдет, и вот на тебе – поет; выдумал старый какую-то контрреволюционную песню и попробуй у него ее из головы вытащи. Господи, спаси и сохрани, он и на собрание придет, и что уж там у него заклинило в голове, а все поет да поет во весь голос:

Свобода пришла,
мать ее так,
оставила меня без коня
эта подружка Вердияна Трайкоского.

Пантелей Денгоский открыто и не стесняясь костерил товарища Вердияна Трайкоского, самого председателя коллектива, ох, вразуми, Господи, старого... Сын его, Петре Денгоский, уж как только его не упрашивал, чтобы он выбросил из головы эту проклятую песню, перестал шататься по селу с этим своим дурацким ораньем. Чего уж ему надо было, сам одной ногой в могиле, ему и жить-то осталось всего ничего, а он бунтовать вздумал, дурень старый, олух царя небесного. Но старый Пантелей Денгоский сыну не отвечал, вообще его не слушал, так и ходил, распевая свою песенку, будто без нее ему жизни нет, будто песня эта разгоняла кровь в его старческих жилах. И день ото дня старик стал все неистовей и все громче распевать ее, куда ни придет. Уже никто не мог убедить старого Пантелея Денгоского замолчать, ни одна живая душа не могла заставить его перестать петь. Сын тогда по-настоящему испугался, ведь кто-нибудь из товарищей может неправильно подумать о нем самом, испытанном борце, заслуженном члене партячейки. Ох, Господи, – думал сын, – как быть с этим спятившим стариком?

Первым делом он решил, что старик больше не выйдет со двора. В доме места хватает, и нечего разгуливать и вытворять все, что ему придет в голову. Это было в летние месяцы, в разгар лета, и двор пропах поспевшим виноградом. Везде вокруг тяжелели лозы, маня своим сладким дыханием. Старик на некоторое время действительно замолчал, занялся виноградником и вином. Целыми днями отмывал старые кадушки, набивал и перебивал обручи на бочках и чанах – весь был поглощен

сбором винограда, который нужно было закончить как можно скорее, и казалось, что он уже упился новым вином, которое только собирался сделать. Но все это длилось недолго. Когда виноград начал лопаться от сладкого сока и когда в воздухе уже запахло молодым вином, то вдруг откуда-то со стороны старого сеновала налетел целый рой пчел и немилосердно набросился на лозы. С болью старик смотрел, как сохнет виноград, он каждый день потом слушал, как гремят зерна в пустых ягодах, ему казалось, что это его самого пчелы искушали до крови, что это его кровь сочится из жил, что он сам сохнет. Однажды утром ему привиделось, что и глаза у него вытекли, а лицо стало дырявым и обезображенным от укусов. «Вот несчастье, – бормотал старик, – беда-то какая, – бранился он, – ничего не растет как следует с тех пор, как появились эти поганцы, ни на чем здорового плода не завяжется, черти окайнные», – он ругал и колхозников, и партийцев, он потерял сон, стал вставать до зари; с метлой в руках поджидал пчел и не давал им спокойно разорять свой виноградник. Так он начал воевать с пчелами. И во время этой странной войны, которая продолжалась все жаркие и знойные дни, к нему опять вернулась его песня, и он тем же самым голосом, что и прежде, опять ее запел, борясь с пчелами.

– Ты чего это делаешь, Пантелей Денгоский, – спрашивали люди, проходя мимо его дома, – что это за песенка, дядя Пантелей, – говорили люди и останавливались послушать пение старика. А у него тогда прорезался удивительно звонкий, очень сильный и ясный голос. На всю округу была слышна его песня.

Сын теперь еще больше перепугался: что будет с ними со всеми, если отец не образумится. Наконец он решительно взял отца под руку и повел в его комнату.

– Здесь тебе будет лучше, папочка, – сказал он ему, – оставайся здесь и больше на улицу не выходи. Потом

Петре Денгоский закрыл за собой дверь и повернул в замке ключ.

Старик ничего не сказал, и казалось, что ему уже больше и не поется. Он смотрел, как за садом гаснет солнце, пожелтевшее и больное от жара, от забора уже падала тяжелая тень, лозы дымились, а пчелы, победоносно сытые и пьяные, разлетались во все стороны, некоторые бились в окно, прорываясь к старику. Но он и не пошевелился, стоял себе, как бревно, стоял, сломленный и одинокий. И больше ни разу не запел старый Пантелей Денгоский. А уже на следующий день рано утром испустил дух. Сын нашел его, уже окоченевшего, у окна. Может быть, он хотел выбраться из комнаты. Руки у него все еще были на оконной решетке. Наверное, он хотел сломать ее. На окне остались кровяные потеки.

Вот так бы закончилась история с Пантелеем Денгоским, если бы во время похорон его сын Петре Денгоский перед всем миром не плюнул в душу партячейке. Он высказался громко и перед всеми. Сказал: отец, вернись, а Вердиян Трайкоский и все остальные пусть идут к такой-то матери...

Когда старика хотели уже было опускать в землю, сын вырвался, видно, не сдержался, бросился на гроб и, как дитя малое, обхватил его, рыдая, зовя отца и осыпая ругательствами и коллектив, и товарища Вердияна Трайкоского.

– Папочка, – шептал он тихо, – папочка, – не переставая призывал своего отца Пантелея Денгоского сын Петре Денгоский, при этом неизвестно почему вспоминая ту зиму, когда он партизанил в горах и его ранило в конце войны. Старик откуда-то прознал, что что-то неладное случилось с его сыном Петре Денгоским, и в самую зиму, в разбушевавшуюся непогоду, бросил дом и пошел прямо в горы искать его. Семь дней ходил старик по горным селам, без усталости следуя по пути отряда,

искал своего сына. Петре Денгоский теперь опять будто слышал голос отца, как в тот час, когда отец нашел его в пастушьей хижине над селом, где устроили лазарет. – Сыночек мой, дурачок, – нежно успокаивал его отцовский голос, унося от грохота и огня, а рука, отцовская рука, как трава журавельник снимала со лба жар. – Сыночек, – слышал он голос старика, звавшего его, старавшегося разбудить и в то же время будто рассказать что-то чертовски смешное. – Ты стал совсем мужчиной, да ребенок еще, какой там мужчина, – говорил старый и, чтобы не прослезиться, шмыгал носом и, не переставая, рассказывал странные, удивительные истории, чтобы его распотешить. – Все будет хорошо, – подбадривал он сына, – Бог даст, вернетесь, – дальше говорил отец, а сыну хотелось улыбнуться от того, что он слышал, потому что он знал, прекрасно знал, что старик против их борьбы, знал, насколько ему не по сердцу красные. Но теперь он говорил: «Вернетесь, и все будет хорошо», а потом развязал торбу и оделил едой и яблоками всех раненых, продолжая сыпать всякими прибаутками, каких сын никогда до того от отца не слышал. Вот об этом во время похорон, когда гроб со стариком уже собирались опускать в могилу, и вспомнил его сын Петре Денгоский и непрестанно звал отца, просил вернуться.

– Воротись, папочка, ходи, где хочешь, пой, что твоей душе угодно, слышишь ты меня, а все пусть идут к такой-то матери вместе с товарищем Вердияном Трайкоским, – плакал навзрыд Петре Денгоский, сын Пантелея Денгоского.

В парткоме было невыносимо душно. Люди будто задыхались сами от себя, голоса были мутными и невнятными. Люди устали, и им хотелось спать.

– А может, я ошибку допустил, товарищи, – раздался голос Петре Денгоского, – может, и допустил, – повторил он, – но что я мог поделать, сердце, пустое мое серд-

це так мне говорило... Так мне сердце говорило, товарищ секретарь, сердце, товарищ Тацко Настейчин, – теперь он повернулся к секретарю, и Тацко было видно, как оживают у него глаза, что он наконец оторвал взор от паутины. – Вот теперь это Петре Денгоский, товарищ Петре Денгоский, – подумал Тацко и радостно посмотрел на него. Он смотрел на своего товарища и соратника Петре Денгоского и никак не мог сдержать радости, иногда появляющейся у человека помимо его воли.

– Ну конечно, – сказал Тацко, отлепив самокрутку от губ и давя ее ногой, – ну конечно, так сердце говорило, товарищ Петре Денгоский. Случай ясен, – помолчав, добавил он и окликнул Вердияна Трайкоского, – товарищ Вердиян Трайкоский, да отвори ты окошко, а то мы тут передохнем, как мыши.

Вердиян Трайкоский потер ладонью сонное лицо и будто в дремоте с неопределенной улыбкой на губах потянулся к окну. Он матерился сам на себя. Зевнул, засмеялся.

А уже занимался день. Утренний луч, как спелый колос, падал на землю, неся с собой свет и запах свежего хлеба.

Зоран Ковачевский

Аристотель из Ресена

Первое, что я увидел, придя в себя, – это ветки дерева. К старости оно накренилось, источенное в труху разнообразными насекомыми и другими вредителями, но все же довольно крепко держалось за бетон между плитками тротуара и мостовой, по которой день и ночь громыхали машины. Я приподнялся на локте и с вызовом посмотрел на окруживших меня людей. Я все еще не мог понять, кто я и что здесь делаю, но зато увидел двух воронов, сидевших на верхней, наименее пострадавшей ветке чахлого чинара, ветхие стены кафе, прилепившегося к гостинице, балконы и красную зыбкую крышу. Под крышей – ласточкино гнездо.

Я догадался, что это Ресен. Цель моего путешествия. Позади были двадцать три дня. И десять лет скитаний, странствий и покорения чужих промороженных стран.

Я поднялся на ноги, отряхнул пыль с брюк и вошел в ресторан. Гостиница «Турист», некогда постоялый двор Нанчевских, единственное открытое для всех общественное заведение.

Я заказал анисовую водку.

– Двойную, Симе, – крикнул я официанту в грязной рубашке. – Как всегда.

Здесь ничего не изменилось. Ни Симе, сын Верги, ни ресторан, ни площадь. Надо только стряхнуть пыль с го-

ловы и с брюк, начистить туфли, чтобы все стало по-старому.

Присутствие здесь меня, интеллектуала-европейца, никого из них не смущает. Садоводы, торговцы яблоками, грузчики, таксисты и продавцы только с любопытством посматривают на меня в новой ипостаси. Как будто они всегда ожидали перемен во мне и теперь только сравнивают, совпадает ли то, чем я являюсь сегодня, с их прогнозами.

Я встаю со стула. Из раздаточного окошка в стене подают горшочки с гуляшом. Пахнет луком, жирной едой, всякими приправами. Я, будто ища кого-то, поворачиваюсь во все стороны, чтобы они могли как следует разглядеть меня. Я худ и прям, как спица, на мне белые легкие брюки, у меня тонкая кожа и седеющие волосы, небрежно спадающие на уши, лоб и воротник рубашки.

– Не кажется ли вам, что я кое на кого похож? – хочется мне спросить их, и про себя я уже слышу их восхищенные возгласы: «На Бетховена, на Шопена», – но осекаюсь, понимая, что они никогда не слышали об исполинах Европы, кроме того, им совершенно нет до них дела.

– Почему идут яблоки на рынках в Битоле, Скопье, Белграде и Любляне? Дал бы господь, чтобы не побило их в этом году градом. Хоть бы еще дождик прошел, а то вместо плодов одни завязи останутся! – вот их мысли, их молитвы, мелодии и композиторы.

Я выхожу на площадь и смотрю на брусчатку. Пыли на целый вершок, как будто здесь сходятся все дороги мира. А всего-то одна дорога, идущая с запада на восток – и больше ничего. Ни перекрестков, ни железнодорожных узлов, ни пристаней, ни аэропортов. Единственный большак, соединяющий Охрид с Битолой, оставшийся еще от турок.

Мне пришло на ум спросить себя: «Какая первая картина детства отложилась у меня в памяти? Думал ли я, что груша, чьи покрытые гусеницами листья качались перед окном, – самое благородное дерево на свете? Сказал ли я себе, что окно в четырехугольном зеленом переплете, сделанное в столярной мастерской Живе, со стеклом, начинающим дребезжать, чуть только поднимется ветер, с проржавевшими гвоздиками, держащими его в раме, с давно ссохшейся, потрескавшейся и местами выпавшей замазкой, с белой тюлевой занавеской, закрывающей его до половины, со свисающей сверху короткой полотняной вышитой шторкой, – это око дома, засмотревшееся на красоту жизни? И небольшой садик, насквозь промоченный влажными осенними днями, с тронутыми тлением опавшими листьями и голыми деревьями в ожидании зимы, обломанными, темными будыльями перца и помидоров, все мертво и серо вплоть до покрытого турецкой черепицей кирпичного забора, отделяющего наш двор от соседского».

– Хорошо, что сейчас лето, – сказал я громко с дикцией и интонацией, от которых все просто пораскрывали рты, ведь люди здесь привыкли слышать только священников и телевизионных ведущих, – и что дождя нет!

Вокруг меня только городские отбросы. Таше Чва, со своей гитарой, с которой слез весь лак. Кривошейей попрошайка Ико с вечно протянутой рукой, Полин Дорче, заядлый картежник, бабник и пьяница, все бездельники и пенсионеры города. Разумеется, все остальные, его здоровый элемент, избиратели и депутаты, рабочие и служащие, поденщики и перекупщики, все были в яблоневох садах. Пололи и опрыскивали.

Еле его узнал! Мой старинный школьный приятель, мой сверстник и надежда нашей учительницы, флейтист без слуха и таланта, сидел в извозчичьей пролетке, закрыв колени кожаным пологом, и дремал.

Я подумал, что он, должно быть, вернулся из своего путешествия еще раньше меня, но теперь это было не важно.

– Посеять среди них семена прогресса, – начал я про себя повторять мысль, возникшую и созревавшую во мне все годы моего скитания и учения. – Семена научной мысли, семена философского осознания человеческого рода и его бытия. Потому что без такого осознания они навечно останутся овцами, пасущимися на выгоне и не понимающими своей истинной ценности и предназначения.

Я вытащил столик из ресторана и поставил его на середину площади. Позади меня остался памятник и последний обломок солнечного диска, садившегося за Петрино.

– За Петрино, – забравшись на стол, крикнул я во весь голос, – вершину всех достижений человека. Кто вскарабкался туда, тот добрался до крайнего предела, которого достигает темнота и за которым никогда не заходит солнце.

Хотя я еще почти ничего не сказал, все, кого я упомянул ранее, мои бывшие сограждане, уселись на бордюр тротуара перед рестораном «Турист» и внимательно на меня уставились. Они и стали моими первыми учениками, а я – их Аристотелем. Аристотелем, который пришел из другого мира, мира, где солнце восходит и в полдень стоит в зените, вернувшегося, чтобы возвратить им семена разума, украденные у них еще до их рождения. Поведать им, что самой большой ценностью для человека является его свободная мысль в тысячах модуляций и вариаций, а не яблоки, рыба и буйволицы, валяющиеся в придорожной грязи!

Извозчик щелкнул кнутом. Лошадь заржала. На шее у нее висела торба, из которой торчало сено. Под копытами – куча навоза.

– Шопен и Аристотель! – услышал я бормотание извозчика. Он был ближе всех к моему столику, и хотя сидел в стороне, а я не смотрел на него, я знал, что он сворачивает самокрутку. С его руки стекала струйка слюны, остаток плевка, которым он залеплял бумагу. – Чепуха на постном масле!

Я знал, что он был единственным из моих учеников, кто слышал о них. Пусть эти имена были для него пустым звуком, он был единственным, кто мог уловить мое сходство с исполинами прошлого и возненавидеть меня за это. А ведь когда-то мы были приятелями и вместе делали первые шаги по дороге, уводившей нас из города. Может быть, он боялся потерять приоритет, статус первооткрывателя, отплывшего, чтобы найти путь в Индию?

Тут поднялся его отец, сидевший среди стайки пенсионеров. Он был старше сына лет на тридцать, а то и больше, и был уже в конце своего вечного хождения по кругу, одними и теми же маршрутами по стогнам города, но мне он казался моложе, краше и живее всех, дремавших вокруг. Что они думают обо мне, спросил я себя, немного поколебленный в своей самоуверенности, уж не видят ли они во мне театрального актера или клоуна, развеивающего их послеобеденную скуку?

– Ты вроде Колумба, – крикнул отец сыну, хлопая в ладоши, руки у него были костлявые и желтые. – В сущности, ты просто удачно заблудившийся путешественник, а вот он – из тех, кто знает, что открывает.

Колонна муравьев, извиваясь, тянулась через площадь. Один за другим, черной непрерывной цепью в пыли. Я вытянулся по стойке «смирно», приветствуя их. Стоял, пока они не скрылись за углом гостиницы в колдобистом немощем переулке, ведущем к полю.

Я прыгнул со стола и последовал за ними. У меня появилось неясное желание пристроиться в хвост и составить им компанию. Муравьям, у которых закончился

рабочий день, и которые колонной возвращались к своему обиталищу. Неожиданный огонек зажегся у меня в сердце. Они счастливы, подумал я, наверняка счастливы, маршируя после успешно законченной работы, и у них, отбивающих шаг в стройных шеренгах, нет ненужных вопросов и сомнений.

Я уже зашел за угол гостиницы «Турист», когда они меня окружили. Идиотские, уродливые лица с водянистыми глазами, в которых фитилем гаснущей керосиновой лампы догорал последний язычок надежды. Отбросы города, пенсионеры, нищие и тунеядцы, ждущие окончания долгого пустого дня, похожего на предыдущий и на тысячи других перед ним, у них нет ни работы, ни денег, ни мыслей, кроме еще не до конца угасшего смутного ожидания, что на площади вдруг случится нечто такое, что внесет разнообразие в их существование. Театр ли, цирк ли, цыган ли с медведем, а может, банда разбойников прискачет по большаку, расположится на пустой площади между гостиницей и универмагом и покажет им что-то невиданное.

– Неужели это мои ученики? – содрогнулся я от тошнотворного чувства и попытался оттолкнуть их, чтобы идти за муравьями.

Мои белые брюки из тончайшей материи были в грязи, волосы, спадавшие со лба и затылка, слиплись от пота; в горле пересохло от речей, а мысли, упав в пыль, валялись там, как обессиленный осел или обожравшаяся свинья. Европейские мысли, на которые я убил десять лучших лет своей жизни, скитаясь по белому свету, встречавшему меня холодами, туманами и вьюгами.

Извозчик, не шевельнувшись на своем сиденье пролетки, щелкнул кнутом. Вороны на дереве каркнули, но не взлетели. Солнце давно зашло, на бархате неба мерцал месяц, похожий на султана, отдыхающего среди красавиц в своем гареме.

– Только две стороны, – заорал я, очутившись в ловушке, из которой, казалось, мне не выбраться, – восток и запад соединяет этот большак. – Только муравьев и воров, работяг и бездельников. Нигде нет места для мысли. Я запечатлел ее на бумаге, я вынес ее на площадь, а ее склевали вороны.

Это была великая мысль, которую я в окружении бездельников изрек в первый вечер после моего возвращения в Ресен, мысль, которую не прочтешь ни в одной книге и которую не услышишь ни от одного философа, и я сказал себе, что так говорит Аристотель из Ресена. Я, как любой интеллектual, был полон безграничной гордости за себя самого и убежденности в собственной ценности, стократ превосходящей ценность простого смертного.

– Ты зачем вернулся? – схватил меня за руку отец извозчика. – Скажи-ка мне, что это ты вдруг надумал вернуться в город, о котором уж десять лет как думать забыл?

– Зачем? – ответил я ему вопросом на вопрос. Если поведать ему о своих величественных планах и раздумьях, он не поймет. Если сказать ему, что мир холодом сжал мне сердце, он подумает, что я – просто сопливое дитя, недостойное внимания взрослых. Поэтому я изрек: «Я пришел к заключению, что только в Ресене смогут оценить мое величие».

Они непонимающе смотрели на меня. Что им высота, этим пресмыкающимся, ползающим в пыли? Им хватает одного памятника и высоты колокольни и минарета. Я прочитал это у них в глазах.

Однако я ошибся. Передо мной стоял извозчик. Он все понимал, причем лучше меня. Даже меня самого, вернувшегося в родной город. Потому что мир – это другое, там можно притворяться, что ты не тот, кто ты есть, даже перед самим собой. Дома, где все тебя знают с пе-

ленок, это не пройдет. Тут ты только Ико-попрошайка, Таше Чва или Полин Дорче, со всеми качествами, которые люди связывают с твоим именем. И никто не может это изменить ни дипломом, ни одеждой, ни ротой солдат за спиной. Не мог и я своим париком философа.

– Разойдитесь, – крикнул извозчик и щелкнул кнутом, чтобы разогнать толпу, – дайте ему пройти.

Я повернул в переулок. По обеим сторонам – канавы, в которых плавали утки. Муравьи исчезли, и у меня больше не было желания их догонять.

– Зачем? – подумал я. – Если хочется быть муравьем, не надо было рождаться человеком и путешествовать по миру.

Я повернулся и посмотрел на дерево, воронов на нем уже не было. Столик, который я вытащил на площадь, убрали. На его месте стоял автобус. Заспанные путешественники с любопытством повернули к нам головы. На самом деле никакое это не путешествие, один и тот же маршрут: восток и запад, примерно так.

– Выпьем по одной, я угощаю, – позвал я дармоедов. – В «Туристе».

И побрел, еле передвигая ноги. Те же двери с облупившимся лаком, те же скатерти в жирных пятнах, черные половицы, скрипящие при каждом шаге, официант, знакомый, как домочадец, лица без масок, голые, морщинистые и худые, опостылевшие, как мухи, без которых летний день кажется неполным.

А все-таки мысль, что я – философ, некий Аристотель из Ресена, который должен открывать тайны жизни и мира и показывать их людям, сидела во мне как приклеенная. И что самое странное, она приклеилась и к пыли, и к стенам, застряла в головах жителей, и для них я – их городской философ. Это представление навсегда теперь связано со мной, куда бы я ни поехал, чем бы ни занимался, и в каком бы одеянии и облике я ни представал.

– Аристотель, – позвал меня извозчик после того, как мы допили анисовую, – залезай в пролетку.

И мы вдвоем кружим по городу. Парадный выезд того, кто вернулся. Сквозь занавески, за которыми прячутся жильцы, желтеют окна домов.

– Еще круг, – говорит извозчик.

Утром я опять выйду на площадь, сяду за столик в «Туристе», закажу анисовую с содовой. Я буду все в тех же белых заграничных брюках и рубашке, с длинными выющимися волосами на композиторской голове, но уже никто больше не будет глазеть на меня, как на диковинку. Еще один знакомый экземпляр из городского зверинца.

– Ну и что, – говорю я себе, удобно разместившись на заднем сиденье пролетки, – разве есть разница между настоящим и выдуманым Аристотелем, между именем и кличкой, раз и то и другое служит для того, чтобы узнавать и отличать людей? – Здесь, в этом городе, люди пользуются прозвищами, а имена, данные при крещении, забыли.

И когда наступает ночь, принадлежащая луне на небе и мне в городе, мне кажется, что других светящихся точек вокруг нет – до тех пор, пока не засияет день, и солнце не затмит все звезды, естественного и искусственного происхождения.

Бриллиантин

Сын торговца Николы Чорбе не был коммунистом, Боже, спаси и сохрани, или, вернее сказать, он в политику не мешался. Отец его натерпелся от красных, они у него забрали весь скот, а самого посадили в тюрьму, так как прикажете его детям после этого любить политику?

В то время он был у нас в городе одним из самых красивых парней. Высокий, с тонкими черными усиками, будто нарисованными на верхней губе. И одевался он хорошо, ходил в темном костюме, начищенных до блеска туфлях, волосы короткие, расчесанные на пробор. Волосок лежал к волоску, голова, намазанная бриллиантинном или ореховым маслом, блестела на солнце, такая тогда была мода. Одни говорили, что он похож на Кларка Гейбла, смотревшего на нас с экрана в старом кинотеатре, прямо вылитый, а другие, злопыхатели, что он дешевый подражатель этого знаменитого любовника, завоевавшего и разбившего не одно женское сердце.

Петруш Чорбе жил на улице, на которой стоял этот кинотеатр. Улицу окаймляли канавы, в них плавали утки, ветхие дома возвышались над тротуарами и неровной каменной мостовой, на которой застаивалась гнилая вода, а он легкой походкой проходил над всем этим, и грязь, в которой мы жили, не приставала к нему, будто он и впрямь сошел с киноэкрана.

Как я уже сказал, он не вмешивался в политику, да что там, он ее как огня боялся. Когда от огня пострадает кто-то из близких, то, естественно, дети всю жизнь носят в себе страх обжечься. Но тогда, в те первые дни после революции, случилось так, что у Петруша были сентиментальные отношения с одной активисткой. Она спустилась с гор вместе с партизанами и ходила по городу в кожаных сапогах и с кобурой на поясе, такая бой-баба, которая может в любую минуту выхватить пистолет и пристрелить обидчика. Но она, как и все в городе, стала ходить в кино и от вечера к вечеру, от фильма к фильму начала влюбляться в лучшего любовника на свете. Кларка Гейбла. Она понимала, что это сон, прекрасный и манящий, и в то же время несбыточный, но когда однажды на грязной улице, где по канавам крякали

утки, она в сияющих сапогах прыгала через лужи и вдруг повстречала Петруша Чорбе, то не могла отвести от него глаз. «Сон это или явь?» – активистка дергала себя за ухо так, что существовала опасность его оторвать, во все глаза глядя на высокого парня в темно-синем костюме и галстуке, который прошел мимо, обдав ее каким-то неземным, доселе ей неведомым ароматом.

С утра она вызвала его в комитет. Курьером на мотоцикле, от одного вида которого у матери Петруша подкосились ноги. Петруш со страхом вошел в комитет, поднялся по каменной лестнице и постучал в дверь, на которую ему указали. Из кармана его пиджака выглядывал белый платочек.

Активистка сидела в кресле, положив ноги на огромный письменный стол. Комитет, обставленный самой лучшей мебелью, реквизируемой у торговцев со всего города, тогда располагался в доме Филевских. Он сразу узнал персидский ковер из своего собственного дома, лежавший на полу в огромной гостиной, и пошел по нему, почти теряя сознание.

Петруш остановился у незакрытой двери, двери в широкую гостиную, устланную ковром его матери, сердце у него ушло в пятки, а ноги ослабели так, что ему едва хватало сил держаться прямо и не грохнуться на пол. Она без стеснения осмотрела его, как делают, когда покупают лошадь на базаре, а потом проехала сапогами по столу из красного дерева и голосом, привыкшим отдавать команды, рывкнула так, что Петруш задрожал:

– Так значит, Кларк Гейбл!

Петруш ничего не понял. Его тонкие усики нервно подергивались, ломая безукоризненную линию, нарисованную на лице. Как будто муха слетела со стола, села у него под носом и пощекотала его маленькими ножками, но через мгновение его лицо опять стало лицом знаменитого героя, которого ничто не может заставить врас-

плох. Он выглядел спокойным, как тихое озеро, его темные глаза внимательно смотрели на собеседницу.

– Дверь закрой! – приказала она, и Петруш с испугом повернулся, взялся за ручку и бесшумно затворил дверь. Теперь они были одни, отделенные от всего мира, в огромной гостиной, в которую никто не входил.

– Кларк Гейбл приехал в Охрид и вошел в мой кабинет, – продолжала она в том же насмешливом, непонятном ему тоне. Теперь стало ясно, что она имеет что-то против киноактеров и, наверное, ей не понравилось его сходство с американской звездой.

– Если нужно, – проговорил он нерешительно и запнулся. Он хотел сказать, что может сбрить усы, хотя ему вовсе не хотелось с ними расставаться, но разве отец не расстался с лавкой и торговлей, хотя они значили для него много больше? Она была властью, государством, и он не смел ей противиться. А воспротивишься, пусть даже из-за усов, и прощай, свобода. А он и дальше хотел шататься по городу, сидеть в «Летнице» и вести ни к чему не обязывающие разговоры с друзьями.

Петруш не лез в политику, отказался от занятия торговлей, еще и не начав, и интересовался только своим гардеробом и красивыми девушками. Он украдкой взглянул на активистку и только теперь заметил, что она молода, может, моложе его, и что у нее решительный взгляд, который так и пронзал собеседника. Он прошел через его сердце, как сабля или огненные стрелы, и Петруш спросил себя, как бы она выглядела, если бы сняла военную форму и накрасила губы? Может, тогда он взял бы ее на танцы в гостиницу «Бельвю», в субботу, когда там играет оркестр Кузмана, и станцевал бы с ней что-нибудь бальное? Скажем, венский вальс, чтобы чувствовать под пальцами ее убыстряющийся пульс и чтобы лицо обжигало ее жарким дыханием. «Интересно, если мы будем кружиться в танце, она перестанет быть влас-

тью, а я сыном сидящего в тюрьме лавочника?» – подумал он, впервые посмотрев ей прямо в глаза взглядом, в котором безвозвратно тонули все девушки.

– Знаешь что, – сказала она ему с детской непосредственностью. – Мне интересно, ты просто кукла фарфоровая или в тебе действительно горит огонь великого любовника?

По лицу сына торговца пробежала радостная улыбка.

– Не пришли бы коммунисты, – подумал он в тот момент, – стоял бы я за прилавком в отцовской лавке и отмерял бы деревянным метром ткань покупателям, которые изводили бы меня своими сомнениями. А тут мы с властью стоим друг против друга и обсуждаем кино, причем оба сомневаемся в истинных намерениях противника. Разве это не результат прогресса цивилизации? Во мне, – совсем уже расслабившись, сказал Петруш, – во мне полыхает настоящий пожар.

И громко рассмеялся. Его искренний смех всегда по-бедно действовал на женские сердца, и активистка почувствовала, как на ее лице появляется солнечная улыбка. У нее была привычка, когда она томила на долгих заседаниях, рисовать в блокноте разные фигурки, и если у нее было хорошее настроение, она рисовала солнце с глазами и ртом, расплывшимся в улыбке.

Петруш уже расположился в кресле и рассказывал о своих посиделках в «Летнице», как он на закате ужинает там бубликом и ореховой халвой и смотрит на прохожих, фланирующих перед ним пестрой вереницей. Он говорил, что жизнь прекрасна, что глупо человеку портить себе настроение из-за исчезнувших или уничтоженных лавочников или ради высоких политических целей.

– Жизнь гораздо лучше, – говорил он ей уже по-свойски, – и почему бы нам не стать друзьями?

И вот, отпрыск лавочника, красивый, как сын Солнца, и активистка комитета, нежная, как дочь русалки, идут

по Охриду от чинара к старому кинотеатру. Все прохожие останавливаются и глядят им вслед, ошеломленные не столько странностью невиданной пары, сколько волшебной тенью, стелющейся за ними. Еще солнечный день, а в их тени проглядывает луна. Хмурое лицо билетера расплывается в улыбке, и они, держась за руки, поднимаются по деревянным ступенькам на первый ряд балкона. Зал под ними гудит, как пчелиный улей, свеженатертый деревянный пол пахнет мастикой, а в большой железной печке трещит огонь. Она склоняет голову ему на плечо, как нежный подснежник на последний зимний снег.

Вечером Анушка плачет в комнате дома, конфискованного у торговцев Филевских. Она ежится всем телом от южного ветра, пробивающегося через закрытое окно. Получается, нужно выбросить, как тряпку, все, что она любила, во что верила. Кожаное пальто висит на вешалке за дверью, высокие сапоги сушатся в коридоре. Даже холодный и черный пистолет лежит, забытый в ящике стола. – Разве это не предательство народа? – всхлипывает она, глядя на свои слезы в зеркале. – Забыть классовую борьбу ради американского артиста, тайным шпионом проникшего в наш город?

Здесь бы и поставить точку в этой истории. Чтобы Петруш и дальше продолжал играть в городе роль Кларка Гейбла, элегантного сокрушителя женских сердец, но вот только женщина в сапогах и с пистолетом не научилась терпеть поражения. Она вышла из белого здания комитета – во дворе цвели розы, которые хозяин посадил еще до войны, сорвала красный бутон, сунула его в петлицу кожаного пальто и направилась к «Летнице». Приняла ли она уже решение, кто знает. Перед Петрушем – белая скатерть без единого пятнышка, на ней турка с кофе и стеклянное блюдо, на котором лежит завернутый в бумагу бублик. Ни бубличных кро-

шек, ни кофейных капель. Он сидит на стуле, прямой, элегантный, как всегда, и смотрит через окно на дерево, уже покрытое первыми листочками. Активистка останавливается перед ним и, не колеблясь, выпускает три пули ему в сердце. А стреляя, смотрит ему прямо в глаза, большие и темные, которыми он так внимательно смотрел на своих собеседников.

Что сказать об этом случае, о парне, о девушке? Могли бы жить и жить, все могло бы быть хорошо, если бы не пустой сон о красоте огня и страхе тех, кто обжегся.

Трайче Крстеский

Охота на зайца

У всех у них день начался неудачно.

И у зайца то утро перед восходом солнца, когда едва развиднелось, началось плохо. Сначала у их машины прокололась покрышка, а зайцу, после того, как его подняли борзые, дробь угодила в левый бок.

Но давайте по порядку.

Еще не рассвело, когда вся троица, Бородатый, Усач и Владелец автомобиля, отправилась по грибы. Как обычно бывает в таких случаях, сначала они поспорили, в какую сторону им податься, но, в конце концов, единодушно решили поехать в горы в окрестностях Крушева. Когда они уже выбрались за город, в машину подсел один крестьянин, неуверенно махавший рукой и подававший с обочины дороги знаки, чтобы они остановились. Они порасспрашивали крестьянина, и тот сказал, что недалеко от его деревни, которая называлась Р., сразу за холмом, не очень, кстати, высоким, грибов – черт на печку не вскинет. Они сначала засомневались было, не врет ли он, просто чтобы его подвезли до деревни, но у крестьянина было добродушное лицо, и говорил он степенно, затягиваясь самокруткой, свернутой из крепчайшей махорки, от которой у них тут же защипало в глазах. Может быть, поэтому, а может – из-за своей первоначальной нерешительности, но его послушали и на первом же перекрестке, когда молочно-белый свет

предвещал наступление утра, свернули с намеченного пути. В центре деревни Р. они остановились перед бакалейной лавкой, крестьянин вылез, перед этим предложив заплатить за проезд, они щедро заулыбались, откачиваясь от денег, но зато потребовали еще раз дать им необходимые указания, где искать грибы. Он сказал:

– Вон, видите ту дорогу?

Ему ответили, что, да, мол, видят. Вытаращив глаза, они посмотрели на разбитый асфальт. Мотор машины однообразно брэнчал на холостом ходу, а через открытую дверь, из которой вылезал крестьянин, находившийся наполовину снаружи, а наполовину внутри, тянуло свежим утренним воздухом.

– Так вот, это она, – сказал крестьянин. – За деревней асфальт кончается, и начинается грейдер. Проедете по грейдеру километра два, вдоль дороги все время будут столбы.

– Мы не столбы глядеть приехали, – сказал Бородатый.

– Понятное дело, – откликнулся крестьянин. – Когда дорога со столбами уйдет налево, через поле, вы свернете направо мимо луга, там дорога маленько поплосше, но для этого чуда (и он постучал кулаком по капоту) – пустяковое дело. С левой стороны будет плетень, а за ним хибарка, тут дорога еще чуток сужается, но для этого чуда – пустяк. (И он опять постучал по капоту, теперь уже посильнее, чем в первый раз). Оттуда еще минут пять, и доедете до холма. Он не особенно высокий, я уже вам говорил, но и не маленький. Вы до обеда там все прочешете, наберете грибов, а как будете возвращаться, я вас тут встречу (он показал на дверь магазина), и выпьем по пивку. Годится?

– Ладно, – ответил ему один из них.

Все почти так и вышло. Дорога действительно была разбитая, вся в промоинах и рытвинах после ливня, но проезжая.

Но все-таки не совсем так.

Как только они свернули направо, на дорогу поуже, около плетня перед домишком, о котором им говорил крестьянин, у них прокололось переднее колесо. Первым вылез Владелец автомобиля, а за ним и остальные двое, и все стали рассматривать сдувшуюся шину. Сначала выругался Владелец автомобиля, а потом и эти двое отпустили по сочному ругательству. Владелец автомобиля сказал:

– Ну, и что теперь?

– А что теперь? – спросил один из этих двоих.

– Давай поставим запаску, – сказал второй.

– Хорошая мысль, – сказал Владелец. – Вот только запаски у меня нет.

– Тогда давай это колесо снимем, заклеим и поедем дальше, – сказал первый. А второй, наоборот, предложил:

– Откатим машину в сторону, а когда вернемся, тогда и заклеим.

– Отличные идеи, – заметил Владелец. – Только у меня ни инструментов, ни чем клеить нету.

Другие двое схватились за головы и засмеялись. В пылу обсуждения они не заметили, что из-за плетня на них смотрит женщина. И когда все трое, теперь уже молча, сидели в траве на краю дороги, женщина все еще глядела на них.

– А куда мы машину денем? – прервал молчание Владелец, который осмотрелся вокруг и увидел, что справа дорога вся в зарослях ежевики, а слева рядом с дорогой шел плетень.

Они еще помолчали, видимо, размышляя. Наконец один сказал:

– Лучше всего поставить ее во дворе дома. Что вы скажете?

Никто еще не успел ответить, как женщина, все еще оставаясь не замеченной приятелями, тихонько перебежала двор и скрылась в доме.

– Давайте так и сделаем, – сказал один, а второй уже пересек дорогу и остановился перед калиткой. Прежде чем открыть ее, он призадумался и сказал:

– А вдруг там собака?..

– Не валяй дурака, – сказал ему Владелец, – если бы была, давно бы уже залаяла.

Калитка изнутри была закрыта на засов. Они постучались. Никто не откликнулся. Постучали еще, потом еще и стали звать:

– Хозяин!!!

Никого.

– Вот невезуха, – сказал Бородатый.

– Нечего ныть, – сказал Владелец автомобиля, – лучше думайте, что делать будем.

Тут из-за двери послышался женский голос.

– Кто там стучит? – спросил он.

– Мы, – дуэтом ответили эти двое.

– Кто это мы? – спросил голос.

– Люди, из города, – сказал Владелец. – У нас машина сломалась, мы хотели попросить вас оставить ее во дворе.

– А что сломалось? – спросил голос.

– Шина лопнула, а машину ведь посреди дороги не бросишь, – сказал Бородатый, потихоньку начиная свирепеть.

Все замолчали, ожидая ответа. Молчала и женщина. Наконец она заговорила.

– Нельзя, – сказала она.

– Как это нельзя? – удивился Усач.

– Так, – сказала женщина. – Я одна и никому не открываю.

Все трое растерянно посмотрели друг на друга. Как будто хотели установить, кто из них казался подозрительным и из-за кого им не открывают. Но никто из них ничем особенно плохим не выделялся. У Бородатого

мягкие черты лица и веселые глаза. Усач – добрая душа, это всем известно, а Владелец – маленький человечек в годах, с женой и детьми. Они были знакомы давно, все жили в одном районе, здоровались при встрече, но никогда не дружили. А недавно случайно оказались за одним столиком в кафе недалеко от дома, заказали: одну ракию, одну анисовую и один коньяк, выпили, заказали еще по одной, потом еще, при этом каждый платил по очереди за всех. Так и познакомились поближе. Владелец был на пенсии по инвалидности, Усач – старый холостяк, а Бородатый – вдовец.

Все это они узнали друг о друге, пока сидели в кафе, и слово за слово договорились сегодня с утра, еще до рассвета, пойти за грибами.

Они обменялись взглядами и понурились. Солнце уже встало, а они планировали задолго до восхода быть в лесу.

– Эй! – позвал Усач. – Открой! Никто тебе ничего плохого не сделает.

Опять наступила тишина, если не считать стрекота кузнечиков и щебета птиц.

– Да правда, никто вам ничего плохого не сделает, – еще раз закричал Усач.

Подождали. Уже отчаявшись, они двинулись к машине, пытаясь придумать что-нибудь разумное. И тут появилась женщина.

– Ладно, – сказала она, – я вам открою.

Сначала послышался стук закрываемого окна, потом скрип двери дома, звук шлепанцев по двору, и калитка отворилась. За ней стояла не очень молодая, но все еще красивая женщина.

Она встала рано утром, потому что было воскресенье, 27 сентября, праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня.

Когда они поднялись на холм, Бородатый, который шел впереди, радостно заорал.

– Да тут их прорва, настоящая прорва!

И они принялись наполнять корзины. Они медленно шли вверх к гребню, за которым между ветвей просвечивало синее небо, ощущая радостное возбуждение от каждого гриба. Когда они были почти на вершине и уже собирались перевалить на другую сторону, откуда-то со стороны подножья раздались выстрелы.

Вот тогда-то охотники, после того, как борзые подняли зайца, и ранили его в левый бок.

Трое приятелей, услышав выстрелы, остановились. С другой стороны холма до них все громче доносился лай собак, гнавших свою жертву.

– Давайте выйдем на прогалину, – сказал Владелец. – А то в чаще, не ровен час, примут нас за добычу и решат из нас сделать.

Выстрелы послышались еще ближе, усилился и собачий лай.

– Напали на след, – сказал Усач, когда они вышли на полянку, рукой подать до вершины. В ту же минуту они увидели зайца, который, как ни странно, не свернул, увидев их, в сторону, а неся на них напрямик. Он немного сбавил, пробежал у ног троицы, запетлял, вернулся, еще раз пробежал между ними и нырнул в заросли.

Тут появились борзые. Их бодрый гон и звонкий лай ясно говорили, что они шли по следу. Но когда они добежали до людей, лай прекратился, они, будто обезумев, стали шнырять вокруг и принюхиваться, жалобно поскуливая, было понятно, что след они потеряли. Их вожак громко гавкнул, дав знак остальным, собаки опять залились неистовым лаем и кучей ссыпались вниз.

Только теперь они неслись по следу троих приятелей, а не по следу зайца.

Грибники переглянулись. Вот чего, значит, хотел заяц. Все трое обрадовались, может быть, потому что победа досталась слабому, тому, кто только что был обречен, без единого шанса на победу. Снизу, теперь уже издалека, до них доносился нестройный лай, верный знак того, что борзые поняли, что упустили свою жертву. В тот момент, когда казалось, что заяц спасен, снизу показалась охромевшая и потому отставшая от всей своры собака. Она подбежала к людям, принялась, взяла след и несколько раз пролаяла, громко и радостно, несомненно призывая остальных. Собаки снизу тут же отозвались, их лай снова стал согласным и дружным, и стало ясно, что беспощадная погоня в лесу началась снова. Трое грибников понурились и стояли с печальными лицами. Тут на вершине появились охотники, числом восемь. Ружья они держали в руках, наизготовку, уверенные, что собаки подгонят зайца им прямо под выстрел.

– Вы раненого зайца не видели? – спросил первый охотник.

– Видели, – ответил самый пожилой, Владелец автомобиля. – Он вниз побежал, а собаки за ним.

– Долго не выдержит, мы его подранили. Кровью изойдет, и тогда ему крышка. Только бы его собаки не разорвали.

Охотники поспешили туда, откуда доносился лай, но лай вдруг затих.

– Черт побери, – выругался один из них. – Лучшие собаки во всей округе, а какой-то заяц их за нос водит.

И тут Бородатый увидел зайца, сидящего в кустах, прямо у него перед носом. Весь левый бок у него покраснел от крови. Бородатый незаметно показал на него своим спутникам, и они тоже посмотрели на зайца.

Охотники зайца не видели, но было ясно, что если они заметят его, загнанного и беспомощного, то обессиленному зверьку придет конец.

* * *

Троица потеряла всякий интерес к грибам. Они брали только те, что попадались им, пока они потихоньку спускались с холма. Некоторое время снизу еще слышались выстрелы, несколько раз до них доносился лай борзых, но постепенно на гору опустилась тишина.

– Убили, – сказал Усач таким голосом, будто несчастье случилось с одним из них.

– Пошли обратно, – сказал Владелец автомобиля. – Уже день. Нам надо сперва в деревню, поискать инструменты и клей. Если там нет, придется идти до дороги, там остановим какую-нибудь машину, только на это уйдет часа три, а то и четыре.

– Нет у меня к этому народу доверия, – сказал Бородатый.

– Наверняка один из охотников – муж той женщины, – сказал Усач.

Тут они подумали, что совсем забыли о женщине. Да и видели ее лишь мельком, только когда она открывала им ворота. Потом она повернулась и, не сказав ни слова, ушла в дом.

– А она очень даже ничего, – заметил Усач.

– Тоже мне красавицу нашел, – сказал Бородатый.

– В трауре ходит, – сказал Владелец, – видно, у нее умер кто-то.

* * *

Женщина ждала их во дворе, только другая, а может, та же самая, просто теперь она была не в трауре.

– Что ж так мало набрали, – спросила она, заглянув в корзинки. – Там наверху, – и она показала на гору, – грибов полно.

– Нам достаточно, – ответил Бородатый, покосившись на корзину, в которой было меньше половины, и понимая, что этого совсем не достаточно.

– Какие вы люди скромные, – засмеялась женщина. Белозубая улыбка осветила ее красивое лицо.

Неужели это та же самая, что была утром, удивлялась троица.

– Сколько тут до деревни пешком? – спросил Владелец.

– Час туда, час обратно, – ответила женщина.

– Ну, тогда пошли, – повернулся Владелец к остальным двоим, отпирая машину и ставя свою корзину внутрь.

– А вы куда собрались? – спросила женщина.

– В деревню, – ответил ей Владелец. – Там есть у кого взять инструмент и клей для резины? Мы, конечно, заплатим.

– Инструмент и резиновый клей, – повторила женщина. – Можете в деревню не ходить. Я вам дам.

Пока те смотрели ей вслед, открыв от изумления рты, она вошла в дом и вышла, держа в руках инструменты, клей и насос.

– Это подойдет? – спросила она.

– Самое оно, – ответил Владелец. Вскорости покрышка была починена.

– Возьмите инструмент с собой и оставьте в деревне в магазине, – сказала им женщина.

– А они что, не твои? – спросил Усач.

– Нет, – ответила ему женщина. – Я сходила в деревню и взяла у продавца.

– Вот оно что, – подумала троица. – Хотела, чтобы мы свалили побыстрее, поэтому нам и помогла.

Они уже приготовились уезжать, когда женщина вдруг сказала:

– Идите руки мыть.

Она подошла к колодцу, опустила туда ведро и набрала воды.

– Да, надо бы умыться, – сказал Владелец, посмотрев себе на ладони.

Женщина подала им мыло, полила воды и принесла полотенце. Потом сказала:

– Сегодня праздник. Крестовоздвижение.

Все трое непонимающе уставились на нее, а она добавила:

– Надо бы выпить по рюмочке.

– Выпить по рюмочке, – изумленно повторил Бородатый.

– А чего ж не выпить? – сказал Усач.

– Давайте, – согласился и Владелец. Все четверо стояли, не двигаясь. Наконец женщина сказала:

– Заходите в дом. Я пока ворота закрою. И пошла запереть ворота. Те уже входили внутрь, когда женщина воскликнула:

– Эй! Идите-ка сюда.

Троица повернулась и пошла к воротам. Женщина держала в руках что-то серое, и это серое слабо трепыхалось.

– Заяц, – сказала женщина. – Заяц подстреленный у ворот. К чему бы это?

В этот момент заяц обмяк и испустил дух.

– Издох, – сказала женщина с испугом и выпустила его из рук.

* * *

Они вошли в просторную и чистую комнату, наполненную запахом жареного мяса. Сели за стол. Женщина налила им по стопке ракии. Принесла салат из только что сорванных помидоров и перца. Потом налила им

еще. В первый раз они не чокались, а во второй выпили за здоровье друг друга. Но сказали они всего несколько пустых слов и, чокаясь, делали это так осторожно, как будто боялись, что рюмки разобьются.

– Вон как оно, с этим зайцем, – протянула женщина, когда они, перебивая один другого, рассказали, что случилось.

– Да, вот так, – сказал Владелец и добавил, – ну ладно, нам пора. Спасибо тебе за помощь и за ракию.

Остальные не сдвинулись с места.

– Я еще одну выпью, – сказал Усач.

– Выпей еще одну, – повторила женщина. – И вы выпейте по одной, – сказала она двум другим.

– Мне нельзя, – сказал Владелец. – Я за рулем.

– А мне можно, – откликнулся Бородатый. Тогда женщина сказала:

– Сегодня Крстовоздвижение. Моего мужа именины. Его Крсте звать.

– Тогда выпьем за его день, – сказал Усач и поднял стопку.

– За его день, – повторил Бородатый, за ним и Владелец автомобиля.

– Только вот помер он, – сказала женщина.

– Умер? – изумился Усач.

– Молодой был? – спросил Владелец.

– Молодой, – ответила женщина. – Сейчас бы тридцать семь было, да уж два года как помер.

– Тридцать семь, – повторил Бородатый. – Он что, болел?

– Нет, не болел, – сказала женщина. – Убили его. Вернее, ранили, на охоте, там, на холме.

– Вот оно что, – сказал Владелец, – на холме.

– Там, наверху, на перевале, – сказала женщина. – А помер здесь, дома, прямо на пороге. У меня на руках помер.

– Как этот заяц, – вырвалось у Усача, и он прикусил язык.

– Да, как заяц, – ответила женщина, а все остальные промолчали, потому что сравнение показалось им неуместным.

Женщина встала, а они продолжали молчать. Она открыла духовку и сказала:

– Петух изжарился. Давайте обедать.

– Как обедать? – с удивлением повторил Владелец автомобиля. – Мы не собирались обедать.

– А почему бы и нет, – сказал Усач. – А то обидим женщину.

Они посмотрели на Бородатого. Тот промолчал и налил себе еще ракии.

– Ну, так что же вы, – сказала женщина, закрыв духовку и подбросив дров в печку. – Чего бы не пообедать.

– Так нельзя, – смущенно сказал Владелец. – Мы даже и не знакомы как следует.

– Я утром петуха зарезала, – сказала женщина. – Подумала, вы придете, проголодаетесь.

– Обо мне никто никогда не беспокоился, приду я голодным или нет, – сказал Усач. – Поэтому я останусь и отобедаю.

– Не будь ребенком, – сказал, вставая, Владелец. – Я должен тебя отвезти, откуда забрал.

– Он сказал, что останется обедать, – сказала женщина. – Так пусть остается.

– Я не могу, – сказал Владелец. – Меня жена и дети ждут. Сегодня воскресенье, да еще Воздвижение.

– И я не могу, – сказал Бородатый, наливая себе еще. Язык у него уже стал заплетаться.

– Что же мне тогда с петухом делать, – сказала женщина. – В нем одного мяса килограмма четыре.

– Не верю, – сказал Бородатый. – Таких петухов не бывает.

Женщина открыла духовку и вытащила оттуда глиняную сковороду. Зарумянившийся петух истекал густым пахучим соком. В животе у всех троих забурчало.

– Поехали, – решительно сказал Владелец, не отрывая глаз от сковородки.

– Дай хоть допить, – сказал Бородатый, который налил себе еще и был уже совсем хорош.

– Я не еду, – сказал Усач.

– Вот видите, – сказала женщина. – Он не едет. У меня и вино есть.

– Мы уходим! – уже сердито сказал Владелец и встал.

– Без меня, – сказал Усач.

– Без него, – повторила женщина. Двое вышли. На пороге Бородатый, покачиваясь, остановился и сказал:

– Давай с хозяйкой попрощаемся.

Они попрощались с женщиной. Та принесла из сеней зайца и подала им.

– Зачем это? – спросил Владелец, принимая зайца.

– Приготовите чего-нибудь, – сказала женщина. – В нем чистого мяса верных четыре килограмма будет.

Владелец покачал зайца в руке, как будто взвешивая. Бородатый сказал:

– А вы-то сами петуха осилите?

– Съедем, – сказала женщина уверенно.

– Съедят, – сказал Владелец, подталкивая Бородатого, у которого ноги уже не шли.

– Съедем, – отозвался из дома Усач, но его наверняка не слышали, потому что в это время затарахтел мотор, машина двинулась, и женщина закрыла за ней ворота.

Драги Михайловский

Почтальон

Я так до конца и не понял, что же именно случилось тем пятничным утром на первом этаже дома в Чаире. И мне кажется, шансов понять у меня все меньше, особенно сейчас, когда я в сплюсненном виде и без мозгов качусь по Македонии в закрытом вагоне, не знаю, какого поезда. Вообще-то особенным умом я никогда не мог похвастаться, не дал господь, что ж, и на том спасибо, поэтому и работаю, вернее, до недавнего времени работал простым почтальоном. Мое имя Перо, а кличут меня Швах, прозвали, как приклеили, а вышло так, что с год назад я оказался в стесненных обстоятельствах и как-то сказал: «дела у меня швах», а людям только того и надо, швах то, швах се, так меня швахом и стали звать, хотя сейчас, после всего, что я натворил и через что прошел, меня вполне можно звать Перо Крах, потому что дела мои, понятно, совсем никуда, полный крах, как говаривал мой покойный отец, царствие ему небесное. Потому что я теперь маленький, видеть ничего не вижу, все у меня болит, не знаю, куда меня везут, день сейчас или ночь, и что это, пенсия, к которой я был так близок, или уже смерть, или, не дай бог, жизнь после смерти. А может, это просто наказание господне за то, что я наделал, и теперь я должен в этой темноте – если тут есть уши, которые меня слышат – в сотый раз, брошенный на грязь

ный пол над лязгающими рельсами, рассказывать, как получилось, что я попал в такой переплет и как дошел до жизни такой.

А было обычное серое предрождественское утро. Падал мелкий снежок, заметая двор перед входом в дом номер один. Колотун. Пока я добрался до подъезда, я продрог до костей, и усы смерзлись, превратились в сосульки. Впервые мне показалось, что почтовые ящики узнали меня и съежились, раскрыв рты. Я вытащил из сумки письмо, единственное на весь этот семиэтажный дом. Но только я собрался утихомирить эти ощерившиеся ящики, как синий конверт вдруг открылся, из него повалил густой дым, собравшийся облаком передо мной и немедленно превратившийся в черного страшного черта с рогами, крыльями и хвостом, который тут же сердито заорал на меня: «Только чтоб никаких добрых утр, шут ты гороховый! Хватит врать себе и другим, всю жизнь только и делаешь, что врешь! Ну, и чего ты дождался на старости лет? Давай, скажи мне, что доброго в твоём утре? Ты на себя-то хоть посмотри! Замотанный, задержанный, заезженный, все на тебя плюют, а ты только: “Доброе утро, госпожа, доброе утро, господин”, как зашоренный несешься с этой своей сумкой, чтобы вовремя принести письмо какому-нибудь заспанному чмырю, у которого еще молоко на губах не обсохло. Стыдоба! Тебе завтра на пенсию, а ты головы не поднимаешь посмотреть, что вокруг творится! Всекие засранцы в люди повыбивались, а у тебя на уме только почта да почта! Где твой дом, машина, да хоть велосипед, скажи, где, чучело? Хватит тебя завтра удар, или заворот кишок приключится, и сразу сдохнешь, потому что за лекарства платить надо! А ты со своей пенсии даже аспирин купить не сможешь! Чего встал тут, как пень! Оглянись! Этот клоповник, квартирнка твоя, это что, место, в котором можно жить? А ты и такую купить

не можешь! Завтра тебе квартплату так задерут, не будешь знать куда дернуться, какую дырку раньше заткнуть! А у тебя на входной двери щели, окна разошлись, не закрываются, в ванной у тебя уже сколько лет вода течет, а завтра дерьмо по полу растечется! Да ты хоть жену пожалей! Она и на человека уже не похожа! Какой красавицей была, когда ее за тебя отдавали, а сейчас – как тряпка половая стала, прямо старуха, одни морщины! А тебе и горя мало! Только и знаешь, что лоб крестить! Вали отсюда и пораскинь чуток мозгами, если у тебя котелок варит, а иначе я тебя в порошок сотру, так и знай!» И пропал.

А я остался стоять, как стоял, с пустым конвертом в замерзших руках, застыв в стотонном ступоре на холодном бетоне. Я чувствовал, как мурашки бегут по телу и заледеневшей душе, смотрел на отвисшие челюсти ухмыляющихся почтовых ящиков, на лифт рядом с ними, на равнодушную лестницу, которая начиналась здесь и завивалась вверх к невидимому небу.

Не помню, как я добрался до дома, но время наверняка было к обеду, потому что жена уже жарила в проржавевшей сковородке, поставленной на раскаленную дровяную плиту, заправку для неизбежной пятничной фасоли. Не знаю, как я выглядел, но я заметил, впервые за столько лет, что она как-то странно на меня смотрит. Спросила, что случилось. Я промолчал. Спросила еще раз, я опять промолчал.

– С тобой все в порядке? – не унималась жена, а я, как недоумок, продолжал рыться в своей огромной черной сумке.

– Думай, думай! – хрипело что-то во мне, а в голове разрастался гнойник, который наваливался из темницы мозга, а может и из вселенского мрака, грозил задушить, давил в затылок так, что впору было криком кричать, вопить прямо в небо, чтобы доораться до средоточия

известного и неизвестного мне мира. Боль крутила меня, затягивала в водоворот, пока я, остолбенев, тарасился на сгорбленную фигуру своей жены, на ее морщинистое лицо, слезу на правой щеке, поседевшие волосы, заштопанные чулки и стоптанные тапочки, на эту когда-то несравненную балканскую красавицу, скрытую и забытую за моей несчастной крестьянской фамилией. Я ощутил, как медленно, но верно меня покидает Божья благодать. И впервые почувствовал, как гуляет сквозняк в моем открытом всем ветрам жилище площадью тридцать пять квадратных метров. Увидел щелястые окна, незакрывающиеся двери, перегоревшие лампочки, шатающийся унитаз, ходящий ходуном пол, пятна сырости на потолке, паутину в душе.

Все, что случилось потом, произошло как бы само собой. Я дождался ночи. Ни одной ночи я не ждал с таким нетерпением со времени, когда был ребенком и когда дома, собравшись под тусклой лампой вокруг скромно украшенной елки, мы не спали в ожидании Нового года, этого, как мне теперь ясно, веселого миража на пути, по которому мы так печально влачимся и который зовется жизнью. А уж как долго тянутся для детей эти декабрьские вечера. Я вышел уже за полночь. На землю пластами ложился снег, а в душе разгорался пожар. В руках я сжимал черную сумку, полную писем. Поверьте, район свой я знал наизусть и мог, не раздумывая, сказать кто, где и на что живет. Но в ту ночь я решил все это забыть. Я заскочил в первый же дом на своем пути, навалился на домофон и закричал: «Почта! Почта!» Потом я летел вверх по лестнице, да так, что и молодому за мной не угнаться, и звонил во все двери. Время было два или три часа ночи, растрепанные спросонья люди открывали запертые на все засовы двери, зажигали свет. Если бы вы только знали, с каким удовольствием я разбудил этого нефтяного спекулянта, моего тезку

Перо, который сам себя называл бизнесменом. Он стоял передо мной, вылупив глаза, как будто захваченный врасплох.

– Что с тобой, Перо, а? – спросила меня стоявшая за ним его полуголая заспанная жена.

– Почта, – ответил я и ткнул ему в лицо письмо.

– Но это не мне, ведь я не Гиго, – сказал он.

– А мне-то что, – ответил я, – Перо, Гиго, с сегодняшнего дня мне это все равно. Почта-а!

Не знаю, как вам объяснить, но поверьте, что тихая демоническая радость, которая обуяла меня в ту ночь, казалась мне бесценной. Мне хотелось летать от счастья, таким легким я себя вдруг почувствовал, прямо как перышко.

К другому дому я подкрался, как лазутчик. Не разбудил никого. С наслаждением поменял метод. По-быстрому запихал оставшиеся письма в ящики, разумеется, без разбора, представляя при этом, как утром вытянутся рожи у жильцов.

Пять дней и пять ночей я проделывал то же самое, а потом мне это надоело. К чему мучиться? Поэтому я просто стал утром наполнять сумку, а ночью выбрасывал все ее содержимое в мусорные баки.

– Что еще могут люди друг другу сказать? – размышлял я, – разве я не достаточно говорю за всех одним своим видом? Своим заношенным пальто, кислой рожей, набрякшими венами, потухшим взглядом?

На шестой день я оставил в покое помойки и стал относить почту прямо домой. Надо было видеть ту кучу писем, счетов, телеграмм, которая набралась за следующие десять дней и потихоньку начала нас душить.

– Скажи, что с тобой, – спросила жена на шестнадцатое утро, когда я пришел домой и вывалил содержимое сумки на стог из разноцветных бумажек, который уже закрыл собой окно в квартире.

– Щели затыкаю, – ответил я, – хочу, чтобы сквозняка не было.

– Скажи мне правду, – сказала она, глядя на меня.

– Директор хочет меня видеть, – ответил я.

– Тогда расскажи ему все! – произнесла она, и я понял, что под «всем» она имеет в виду историю нашей жизни, горечь в душе, отверстую рану.

Никогда до этого я не был у начальника. Я был полон решимости высказать ему все, но в огромном длинном кабинете, признаюсь, оробел. Далеко в глубине, за громадным столом сидел он, директор. Щенок. Я ему в отцы годился.

– Входи, – сказал он, и я двинулся. – Что с тобой? – продолжал он, а я шел и шел, и комната казалась мне все больше. Я столько хотел ему высказать, передать тайный разноречивый голос во мне, неудержимый клочок, в груди. Но когда я подошел к столу, было уже поздно, что-то во мне порвалось, ноги задрожали, силы меня покинули. Я не мог выдавить ни слова. Знаю только, что он долго говорил, махал руками, бранил меня, угрожал, короче, стер меня в порошок.

Когда вечером вернулась жена, она нашла меня лежащим ничком на железной кровати.

– Ну? – спросила она нежно, как будто перед первой брачной ночью. – Все ему высказал? – она смотрела на меня, вглядываясь, ожидая неизвестно чего, какого-то слова, которое, может быть, вернет ей молодость, проигранную жизнь, достоинство.

– Все, – ответил я, лукавя. – Щенок! Разнес его, раздавил, угрожал, в порошок его стер!

– А он? – она упивалась моими словами и гладила мои поредевшие волосы.

– Молчал, как в рот воды набрал, – сказал я, – слова из себя не мог выдавить. Все время стоял, понурившись!

– И? – настаивала она, ей хотелось большего, и я видел, как свежесть возвращается на ее щеки.

– И... вот, – я увлекся и чего только не наговорил ей, и наговорил бы еще, если бы лоб у меня не покраснел от стыда и не появился бы перед глазами, теперь уже открытый, тот самый синий конверт из дома в Чаире. На этом все и кончилось. Как по команде я в момент уменьшился, сплющился и в таком виде влетел в конверт. Наступила темнота. Потом я по всему понял, что очутился на почтовом столе и что какой-то служащий со всего маху вlepил мне по спине тяжелым штемпелем и бросил меня в кучу писем, а потом их в брезентовом мешке швырнули в почтовый вагон поезда, в котором я сейчас трясусь и в котором мне приходится все это в невесть который раз рассказывать, мне, давно уже потерявшему человеческий вид и пропавшему в своем собственном тумане, темной человеческой мгле.

И до сих пор я не понимаю, что же действительно случилось со мной тем пятничным утром...

Александар Прокопиев

Гомункул

Эту сказку рассказывают
аспирантам по специальности
«Элитарная и массовая культура».

Учитель стоял перед стеклянным колоколом, с видимым интересом наблюдая за гомункулом: «Подойди, подойди поближе, – подозвал он Бонифацио, не отводя от зародыша взгляда. – Тебе не кажется, что он за ночь подрос?»

Судя по мешкам под глазами, было очевидно, что Учитель провел бессонную ночь, но глаза его ярко светились, как у оживившегося перед свиданием старого любовника: «Смотри, уже шевелится».

На первый взгляд казалось, что находящийся под колоколом-колпаком маленький человечек, или то, что должно было стать подобием человека, все еще лежит неподвижно. Но уже было понятно, где у него рот, руки, половой орган и ступни, непропорционально большие по отношению к остальной, почти аморфной массе. «Развивается очень быстро, – шептал Алкивиад, возбужденный, как ребенок. – Как ты думаешь, он нас видит? – спросил он, на самом деле не ожидая ответа от Бонифацио. Да если бы тот что-нибудь и сказал, одобрителное или нет, Учитель уже все равно его не слушал. После того, как в пятницу утром, еще до рассвета, Алкивиад вырыл под виселицей большой корень мандрагоры и спрятал его под колоколом, он делал все, что нужно для развития организма гомункула. Процесс этот

с самого начала совсем не прост: корень мандрагоры нужно выкапывать из почвы очень осторожно; для этой цели используют особо толстые, двухслойные перчатки из свиной кожи, потому что мандрагора, когда ее выкапывают, может дать весьма опасную реакцию – выделить густую ядовитую жидкость. Иногда для добычи мандрагоры используют собак, которые зубами извлекают корни из земли, при этом нередко случается, что собаки подышают в страшных муках. Учитель, давно уже овладевший мастерством в извлечении мандрагоры и первоначальном уходе за ней, был, как всегда, очень осторожен и точен. Он подкармливал корень мандрагоры, поливая его медом, молоком и кровью молодого, только что зарезанного петуха. Алкивиад положил этот корень на питательный слой, который он сделал из комочков земли из-под виселицы, впитавших последние капли спермы повешенного, и конского навоза сорокадневной выдержки. Это было обычной процедурой, при помощи которой Алкивиад уже создал нескольких немых человечков, которых использовал в качестве миниатюрных слуг или акробатов для развлечения. То, что их век был недолог – они, как правило, жили около четырех месяцев – не уменьшало впечатления, которое человечки производили на тех нескольких верных друзей Учителя, которым было позволено на них смотреть. В отличие от механических фигурок в виде небесных птиц, пчел или людей, играющих на лютне, которые пытались что-то прочирикать, прожужжать или проиграть, потерзав двойные струны, чтобы потом, после нескольких минут активности, обмякнуть, как брошенные марионетки, гомункулы, хотя у них было неуклюжее и совсем не красивое тело и их конечности не были полностью сформированы, так что часто одна рука или нога была короче другой, «жили» с начала и до конца своего существования. Нельзя сказать, что их рождение и смерть были

похожи на рождение и смерть человека или какого-то другого существа живого мира. Порождения мандрагоры, оплодотворенной спермой насильственной смерти (в этом случае Танатос полностью взял на себя роль Эроса), они были настоящими детьми смерти. Их уход из этого мира точно так же был непохожим на человеческий. Почувствовав, что их судный час близок, эти существа, обычно весьма послушные, становились все более и более нервными – места себе не находя, все время бродили по дому с явным выражением неудовольствия на недоделанных лицах. Говорить они не могли, только издавали какие-то печальные и в то же время яростные звуки, нечто среднее между поскуливанием и рычанием. А с наступлением темноты начинали царапаться и стучаться в окна, как кошка или собака, которым надо на улицу. Для Бонифацио самым удивительным и страшным было то, что человечки уходили из дома, чтобы исчезнуть, только по ночам. Днем, даже если было очевидно, что силы покидают их, они оставались внутри. Забирались в какой-нибудь темный угол дома и там тихо постанывали до самой ночи. Алкивиад догадался, что они ждут заката – именно тогда, ковыляя и прихрамывая, не обернувшись на прощанье, человечки навсегда уходили в ночь.

– Куда они деваются? Как исчезают? Есть много непонятного в этой стороне их жизни, и думаю, добрый мой Бонифацио, что для них загадка времени должна решаться иначе, чем для нас, людей. Но и эти существа не могли бы родиться без человеческого семени, пусть и извергнутого в агонии. Семени умирающего, оплодотворяющего утробу земли. Значит, самым актом своего зарождения, этот *omino*¹ разрушает представление о жизни как об отрезке, который с самого начала неумолимо

---

¹ Человек, «маленький человек» (итал.).

идет к своему концу. С другой стороны, рождаясь буквально из этого конца, гомункул издевается над навязанной нам мрачной шуткой, что время постоянно движется в одном направлении, что старение необратимо. Этот *omino* докажет обратное!

Бонифацио поражала эта одержимость Алкивиада, непосредственным свидетелем которой он был. Учитель буквально не отходил от плода под колпаком, подкармливал его ягодами черноплодной рябины, икрой сома и маслом из зверобоя.

Бонифацио уже седьмой год был учеником Алкивиада. Он до сих пор помнил, как тот взял его в ученики – это было совсем не просто, хотя его дядя, один из самых богатых людей в городе, лично поручился за него. Учитель пригласил его к себе домой, где и находилась его лаборатория. Бонифацио тогда исполнилось восемнадцать лет, и он только что прочитал «*De hominis dignitate*»¹, но это нисколько не помогло ему в том, чтобы чувствовать себя достойно и уверенно на экзамене, который, кстати, длился три дня. На вопросы, которые ему задавал Алкивиад вначале – например, об основах работы с магическим квадратом, о том, как сделать красные чернила и как потом растворить их в воде, о дуалистической природе нашатыря, о толковании календаря по дням и декадам в зависимости от движения Луны – Бонифацио отвечал быстро и четко, без запинок. Когда Учитель попросил его применить астроматематику к конкретным медицинским вопросам, таким как зависимость функций тимуса и сердца от влияния Солнца, легких от Меркурия, глаз и желчного пузыря от Марса, Бонифацио призадумался, а затем постарался дать как можно более емкие ответы, внимательно выслушивая

---

¹ «Речь о достоинстве человека» – сочинение Джованни Пико della Мирандолы (1463–1494), итальянского гуманиста и философа.

пояснения Алкивиада. Но в последний день экзамена, когда речь зашла о тайных, скрытых сферах, например, об астральных духах, обитающих в небесных телах и управляющих ими, а через них и человеческими душами, о духах-строителях, создающих энергетические цепи, о духах-секретарях, составляющих свидетельства о том, как используется та энергия для пророчеств, рекомендаций и исцелений, Бонифацио, щеки которого горели, будто он только начал учить азбуку, возбужденный и испуганный, молчал, ожидая, что скажет Учитель. Учитель был явно доволен его поведением. После экзамена он сказал: «Знание неоднозначно. Иногда, я уверен, что и тебе это известно, его можно выразить неимоверно большим количеством слов. А иногда, опасаясь, что чего-то не знает, человек становится излишне осторожным в выражениях или вообще молчит. Тут, как в музыке: в первом случае мелодия получается перегруженной, во втором – некоторые звуки, исключительно благодаря паузам, приобретают особую глубину. С завтрашнего дня двери моего дома для тебя открыты. Будем трудиться вместе. Первоначально работы будет очень много, а удовлетворения, возможно, очень мало, но со временем, когда ты заложишь в облаках фундамент своего замка, ты не сможешь жить вне его».

Алкивиад, в сущности, говорил о композиции своей собственной жизни (употребим здесь музыкальное сравнение, которым и он часто пользовался), но в основном он оказался прав: несмотря на разницу в характерах, Бонифацио в течение этих семи лет преданно и с неослабевающим интересом «наполнял свой храм скульптурами и гармонией», как говорил Учитель, «чтобы после этого самому предаться мистерии Мудрости».

Несмотря на богатый опыт, который Бонифацио приобрел, все это время работая рядом с Учителем, он не потерял ни крупицы своего детского умения удивляться.

Участвуя в экспериментах Учителя, он непосредственным образом реагировал на их результаты – радостно улыбался или хмурился, в зависимости от того, подтверждались его предположения или заставляли сомневаться в успехе дела.

– Как ты думаешь, видит он нас? Что он о нас думает? Спрашивает ли он себя: Они реальны? Они существуют? Существуют ли я?

Стоя, будто окаменев, рядом со склоненным над стеклянным колпаком взволнованным Учителем, Бонифацио не мог подавить чувство, что на этот раз они идут в неправильном направлении и приближаются к опасности столкнуться с чем-то страшным и непонятным. Он вспомнил, что одним поздним вечером сказал ему Учитель, когда под его руководством он разливал в пузырьки бальзам из аниса, чеснока, оливкового масла и базилика против воспаления и боли в ушах: «Ну, вот, теперь ты научился делать и это лекарство. Я надеюсь, что как ученик, путешествующий по морю знаний, ты сможешь при небольшой помощи с моей стороны добраться до противоположного берега этого моря. Но никто другой, кроме тебя, мой добрый Бонифацио, благодаря собственным силам, самоотверженности и мужеству, не сможет достичь противоположного берега моря, которое называется Время».

Теперь, наблюдая, как Алкивиад почти в экстазе следит за развитием гомункула, Бонифацио подумал, что никогда, в отличие от Учителя, он не сможет добраться до берега.

– Для меня, мой добрый Бонифацио, существует одна единственная причина, почему мне так важно сделать этого гомункула гораздо более совершенным, чем предыдущие. Для познания истины. Чтобы создать не только тело, перчатку, но и разум, руку, полностью соответствующую этой перчатке. Тебе известно, что, теряя тело,

мы, если бы достаточно продвинулись по земному пути, смогли бы увидеть астральные составляющие всех явлений, смогли бы, например, через сон даже воздействовать на мысли других, но общаться в физическом плане, телу с телом, было бы сложно. Но вот с помощью гомункула...

– Вы имеете в виду с помощью его второго «я»?

– Да, именно так. Потому что тот, невинно повешенный, вновь сможет ощущать вибрации и воздействия физической материи.

– Но разве это не будет двунаправленным процессом? Гомункул, то есть повешенный, станет проецировать вибрации, влиять на этот мир и на нас.

– Именно этого я и добиваюсь! – вскричал Алкивиад, выпрямляясь, его глаза горели каким-то глубинным огнем. – Тогда и откроется истина!

– Значит, поэтому вы с такой страстью добиваетесь, чтобы гомункул заговорил...

– И он заговорит. Его голосом. Голосом графа Маурицио Бенедетти. Чтобы стало ясно, что же произошло на самом деле.

– Как известно, он был повешен за убийство, – неубедительно пробормотал Бонифацио.

– А по чьему приказу, я тебя спрашиваю, повешен? Кто убил графа Бенедетти? Я ученый, мой добрый Бонифацио, я не политик. Меня интересует власть над химическими процессами, а не власть над людьми. Но будь я политиком, я не действовал бы с такой жестокостью и суровостью по отношению к своим противникам, как действуют те, кто находится при дворе.

– Наши правители? – вырвалось из уст Бонифацио, сразу понявшего, насколько лицемерно смирение Учителя.

– Именно, наши правители. Горе тому, кто посмеет сказать что-нибудь против них. Наградят по-царски. Его

проглотит ночь, без следа, тихо и мирно, – не скрывал насмешки Алкивиад. – А народ молчит. Одни напуганы до смерти, другие легковверны и глупы...

– Но они построили... основали университет. И во дворец приглашают ученых... из Флоренции... Полициано, Фичино, Пико делла Мирандолу...

– Знаю, я был там и слушал их с восхищением. Но в то же время достаточно критически. Ох, мой добрый Бонифацио, все эти научные собрания, торжества и приемы, которые устраивают наши так называемые властители, не имеют никакого отношения к заботе о бедных жителях города, раболепных и недалеких. Граф Бенедетти был одним из немногих, кто осмелился во всеуслышание указать власти на ее склонность к показухе и абсолютное пренебрежение нуждами простых смертных. Разумеется, судебными процессами не изменить жизнь к лучшему, но их можно успешно использовать для того, чтобы сбить людей с толку. Суд над графом по делу об убийстве его брата и жены Алессандры ди Прана был именно таким, инсценированным, и никто не сможет разубедить меня в том, что таким хитроумным способом власть избавилась от своего противника.

Алкивиад белым перышком написал на теле гомункула какие-то буквы, темно-красные, как кровь, среди них Бонифацио узнал латинские, еврейские и греческие, другие же были ему неизвестны.

Не дожидаясь вопросов, Учитель сказал: «Это буквы угловатой глаголицы, младшей сестры глаголицы округлой, которую много веков назад вместе с мощами святого Климента Римского привез в Рим Константин Философ, а первыми начали распространять Анастасий Библиотекарь и Гаудерих Веллетрийский. Буквы по-прежнему живут на острове Велья на Адриатике, который хорваты называют Крк, а еще в городе Зара, на северном побережье Адриатического моря...»

Бонифацио кивнул, хотя не совсем понял сказанное Учителем. Но он уже привык внимательно слушать и запоминать, а затем искать объяснение в глоссариумах библиотеки.

– Я пишу знаки глаголицы рядом с латинскими, греческими и еврейскими буквами, чтобы внедрить в него логос, который соединяет чистые идеи и реальность. Я рисую ствол слова. Питаю его буквами. Ветви вырастают и переплетаются с другими словами-деревьями благодаря буквам и дополняют друг друга... поэтому я пишу разные письмена... чтобы он изучил их и определил форму, порядок и правила использования букв... чтобы он мог заговорить... Поэтому и перо, которым я пишу буквы, из крыла лебедя. Лебедь... существуют заклинания, которые могут превратить его в человека и обратно... поэтому Зевс соблазнял Леду именно в образе лебедя... Красные чернила – это свекольный сок. Густой, прокипяченный в девяти водах, чтобы действовал долго и наверняка...

Аккуратно нанесенные красные буквы медленно всасывались в кожу гомункула. И через десять дней их очертания все еще были видны. Гомункул пока не произнес ни звука.

– Учитель, он до сих пор молчит.

– Будь терпелив, Бонифацио. Когда рожки месяца в зеркале повернутся так, как это было, когда я писал буквы, тогда настанет время услышать его голос.

– Прошу вас, поймите правильно мое беспокойство. То, что мы делаем... мне кажется каким-то...

– Тише! – прервал его Алкивиад. – Смотри, как он дышит!

Подсвечник стоял на самом краю стола (так, что Бонифацио пришлось немного передвинуть его к середине), освещая гомункула, который находился, казалось, в центре сцены, огромного темного прямоугольника,

по размеру больше стола. Уродливое, бесформенное дитя быстро росло. Свет свечей желтил и без того бледное лицо гомункула, которое не только из-за своего воскового цвета, но и из-за неправильности черт выглядело так, будто было не от мира сего – левый глаз у него был выше правого, торчащие во все стороны рыжие пряди были как будто только что приклеены, слишком большие мягкие губы придавали лицу *omino* неестественную одутловатость. После того как Бонифацио посмотрел на это лицо, ему стало казаться, что сам воздух вокруг сгустился, стал удушливым, будто комнату давно не проветривали.

Он перевел взгляд на голую грудную клетку существа, быстро поднимавшуюся и опускавшуюся, как будто гомункул бежал или таскал тяжести – мелкие неровные вдохи и выдохи, торопясь, следовали один за другим.

– Надо снять колпак... скорее... ему трудно дышать... – проговорил Учитель, хотя на стеклянном колоколе было несколько небольших отверстий, позволявших воздуху проникать внутрь. Алкивиад торопливо приподнял, а потом почти совсем убрал стеклянный колпак. «Давно уже, – подумал Бонифацио, – я не видел Учителя таким взволнованным: ... да... вот... смотри, он...»

Дыхание человечка теперь стало слышнее, кроме того, стал слышен еще какой-то полужвук – агрр... агрр... агрр..., вырывавшийся из его распухших губ..., агрр... агрр... агрр; в его хрипе можно было даже распознать мутные зародыши гласных – аоо...

– Я узнаю его, Бонифацио. Я вижу, что у гомункула в голове уже возникают обрывки мыслей, которые принадлежали графу Маурицио, я узнаю его характер... Не стесняйся, спроси меня о том, что тебя мучает: действительно ли он заговорит? Ну, уважаемый Бонифацио (была ли доля насмешки в этом обращении?), разум дан нам Богом, и поэтому мы должны верить в него.

Известно, для какой цели создано все, что существует в этом мире. Компас, чтобы знать, где мы находимся и куда движемся. Порох, чтобы убивать на расстоянии. Песьеголовые люди, амазонки не для того, чтобы знать, кто они, а чтобы знать, кто мы.

Сбитый с толку Бонифацио слушал патетические восклицания Учителя: «Поэтому и он с сегодняшней ночи получает имя. Маурицио. (Бонифацио повторил имя за Учителем.) Будем к нему обращаться так, как будто он снова родился. Я возвращаю ему жизнь, Бонифацио, оживляю графа Маурицио».

Предыдущих человечков Учитель просто нумеровал: Примо, Секондо, Терцио... (что, по мнению Бонифацио, звучало слишком весело, принимая во внимание их печальную судьбу). Этот гомункул был девятым по счету и должен был получить имя Ноно (!), что явно противоречило цели Учителя и тому значению, которое он придавал появлению этого гомункула.

Случай с графом Маурицио Бенедетти большинством жителей Республики был оценен как преднамеренное политическое убийство, но требовалось большое мужество, чтобы сказать такое даже шепотом, потому что шпионы подслушивали за каждым углом, и казни совершались быстро и бесшумно. Известное семейство Бенедетти было из тех, которым на протяжении десятилетий не было равных по знатности и богатству. Бернардо, отец Маурицио, долгие годы, вплоть до своей смерти, успешно служил городу в качестве члена Совета Шести, высшего органа управления в Республике. Все ожидали, что его сын, Маурицио, займет его место. Но этого не произошло. По крайней мере, сразу. Чиновники официально обратились к народу с заявлением, в котором они лицемерно – лукаво, как сказали бы одни, или подло, как сказали бы другие, – сообщили, что властям необходимо время, чтобы оценить поведение графа

Маурицио в обществе, так как ряд инцидентов с его участием указывает на склонность графа к насилию, то есть на его неготовность к такой высокой и ответственной должности. У Маурицио действительно не было врожденного благородства его отца, он часто ввязывался в ссоры и драки, но разве нельзя сказать того же о многих молодых людях, живших в городе? Ими властвовала огненная стихия, холерический, жаркий и сухой темперамент, плод нетерпеливой молодости. Но тем, что у графа Маурицио этот темперамент был выражен ярче, чем у других, и воспользовались, по мнению Учителя, его противники, чтобы его уничтожить.

Граф Маурицио Бенедетти был уже три года женат на самой красивой женщине в городе. Бонифацио однажды видел ее, когда Алессандра ди Прана, впоследствии графиня Бенедетти, проходила мимо него по улице, и он, как, впрочем, и каждый, кому посчастливилось видеть ее, был совершенно потрясен необыкновенной красотой этой женщины. Она была на пять или шесть лет старше его, что Бонифацио по малолетству казалось огромной разницей в возрасте, но ее красота оставалась не тронутой временем, как красота Елены Троянской или Симонетты Веспуччи. Она полностью заслуживала прозвище, под которым ее знал весь город. *La Bella*. Красавица. Необыкновенно белокожая, что подчеркивалось ее густыми рыжими волосами, на которых красовалась жемчужная диадема. Девушки и женщины в городе не жалели денег, чтобы достичь хотя бы приблизительно такой белизны кожи (для Бонифацио не было секретом, что немалая часть доходов Учителя шла от заказов дам на средства для отбеливания кожи). У Алессандры ди Прана нежная бледность лица и темнопламенные кудри волос были даром природы или Бога. Для каждого, кто был поражен ее красотой, третьим чудом являлись ее огромные миндалевидные светло-

карие глаза, которые можно было бы даже назвать меланхоличными, если бы не смелый, открытый, даже пронзительный взгляд, который приводил человека в замешательство.

Еще в детстве Бонифацио слышал рассказы о La Bella, ходившие по городу – о ее красоте, прекрасном голосе и умении музицировать на виоле да гамба и флейте. Говорили и о том, что она пишет замечательные стихи о любви с нежной восточной изысканностью, но хранит их для себя и своих близких. И объявление о ее браке с графом Маурицио Бенедетти, бретёром и забиякой, вызвало у всех большое удивление. Похоже, она была вынуждена выйти замуж за графа из-за его богатства, злорадно судачили дамы в годах. Алессандра ди Прана принадлежала к одной из старейших, но обедневших семей, и брак дал ей возможность войти в богатый дом. Но почему же ее отец, рассуждали злопыхатели, не выбрал младшего графа Бенедетти, Джакомо, который, в отличие от своего старшего брата, был покладистым, любил искусство и уж, во всяком случае, гораздо больше подходил для того, чтобы стать мужем прекрасной Алессандры. Да потому, был ответ, что именно граф Маурицио как первенец унаследует все семейное богатство Бенедетти, и потому, что он уже давно искал красавицу благородного происхождения, достойную стать матерью его детей. В городе, гордящемся своим свободомыслием, остроумными и фривольными канцонеттами и фроттолами, женщинам после шести лет брака было запрещено носить цветные платья и вменено ходить только в черном. Им разрешалось еще какое-то время носить высокие воротники и широкие рукава, но после двенадцати лет замужества и они должны были исчезнуть из их жизни.

– Мы не идем против устоев церкви, если это пугает тебя, Бонифацио. Мы в данном случае оживляем чело-

века, чтобы исправить несправедливость. Бог выше ценит того, кто трудится, стремится выполнить свою миссию в жизни, или, если хочешь, назови ее долгом, чем того, кто не работает и пассивен, считая, что регулярное посещение церкви – это его единственная задача. Граф Маурицио, если мы сумеем вернуть его, может быть, и не будет иметь тот же физический облик, что раньше, но зато сумеет сказать правду, которую не дали ему высказать его лже-судьи. Как считал блестящий Пико: Бог дал человеку возможность самому решить, в какой форме ему существовать на Земле. Если он выберет растительное существование, то будет растением, если захочет жить, как собака, будет собакой. Но если он захочет стать человеком, то тем самым он выбирает и образ, в котором будет существовать. Хотя тело – и человеческое, и гомункула – смертно и тленно, и век его короток, оно даст нам возможность вернуть душу графа Маурицио, чтобы она сказала то, в чем я твердо убежден – он не виновен!

Произошедшее убийство было воспринято в Республике с ужасом, хотя многие уже привыкли к мрачным, таинственным происшествиям. Зверски убиты красавица и всеобщая любимица Алессандра ди Прана и великолепный граф Джакопо!

На место убийства немедля вызвали Алкивиада, которого высоко ценили как знатока медицины, последователя Гиппократы, Галена, Аристотеля и учителей медицинских школ Салерно и Монпелье, методы лечения которых он с успехом применял. «Женщина была уже мертва, но граф Джакопо еще дышал, хотя жизненная сила в нем значительно ослабла, почти не было слышно сокращений сердца, и пульс был, как мышинный хвост... (Тут Бонифацио быстро повторил про себя симптомы мышинного хвоста: «Когда положишь четыре пальца на жилу, под первым пальцем биенье едва чувствуется, под

вторым оно яснее, еще яснее под третьим, а под четвертым его практически нет. Такой пульс указывает на близость летального исхода») ... ужасное зрелище... глубокий разрез в верхней части шеи чуть ниже подбородка, жилы и сухожилия перерезаны с точностью профессионального убийцы. Из раны хлестала кровь. Человек лежал с широко открытыми глазами и пытался что-то сказать, что-то непонятное, потому что кровь заливала ему рот. Я наклонился над ним и с трудом мне удалось понять: «C'è una speranza di salvezza». «Надеюсь на спасение». Да, мой добрый Бонифацио, он сказал именно это. Надеюсь на спасение. Это были его последние слова перед смертью».

Графа Маурицио немедленно арестовали по обвинению в двойном убийстве из ревности. Последовал скорый суд и приговор – смерть через повешение. Не помогли усилия друзей, которые требовали дать суду время для сбора доказательств в пользу графа.

– Основания для сомнения, конечно, были, мой добрый Бонифацио. Почему граф Джакопо был устранен именно таким образом, а не в поединке ударом кинжала в грудь, что больше соответствовало бы темпераменту его брата. Зачем убили Алессандру ди Прана? Маурицио Бенедетти мог поскандальить, мог оскорбить, но никогда не пошел бы на хладнокровное убийство женщины.

Через несколько дней после убийства Алессандры и Джакопо граф Маурицио Бенедетти шел к виселице с ненавистью в глазах и проклятиями на устах. «Я вернусь, мерзавцы, я отомщу!» – грозил он перед повешением.

– Он ушел в ярости, с криками и в гневе.

Гомункулу стал больше не нужен защитный колокол. Он начал двигаться, переваливаясь с ноги на ногу, как и предыдущие гомункулы, но так как он был крупнее их, то и ходить ему было труднее, и походка у него была медленнее. Он потихоньку бродил под неусыпным на-

блюдением Алкивиада по всему дому, хромая, подволакивая ноги, одна из которых была короче другой, что-то бормоча и с интересом останавливаясь то перед железной кроватью, то перед шкафом со старинными рукописями, то перед полками со стеклянными сосудами. Он даже попытался взять одну из колб (к счастью, пустую, подумал Бонифацио), она выскользнула у него из рук и, упав на пол, разбилась вдребезги. Учитель сразу же прибежал и стал собирать осколки. «Как ты, Маурицио? Не поранился?» – спросил он с тревогой. – «Ака». – «Что?» – «Аква». – «Асqua! – закричал Учитель. – Бонифацио, он сказал асqua! Он хочет воды. Он понимает!» – и запрыгал, как ребенок.

– Отныне, Бонифацио, он будет сидеть с нами за столом, – немного успокоившись, сказал Алкивиад торжественно, – и мы будем обедать вместе.

Идея «обеда» показалась Бонифацио немного смешной, потому что Учитель, увлеченный работой, часто забывал о еде, а когда вспоминал, ел хлеб с чесноком, запивая легким вином. Но на этот раз он, светясь от гордости, накрыл обеденный стол вышитой фландрской скатертью и принес парадное столовое серебро. Обед начался с супа из сушеных овощей, который гомункул быстро выхлебал. «Еще», – пробормотал он, дожевывая последний кусок. Учитель был счастлив: каждое новое полуслово, сказанное гомункулом, с жадностью пожирившим кролика в гаруме – ферментированном рыбном соусе – и приправленную чесноком капусту, он встречал с бурным энтузиазмом. Хотя гомункул выговаривал некоторые звуки нечетко, Бонифацио был поражен точностью, с которой гомункул употреблял слова, как будто знал их раньше.

В конце трапезы Алкивиад налил медовухи, наполнив до краев серебряные бокалы для себя и Бонифацио и налив до половины стакан для гомункула Маурицио, к ко-

тому он обращался по имени или «граф». Но тот, выпив медовуху одним глотком, немедленно потребовал, на удивление хорошо выговаривая слова, «красного бордо». Ужин проходил под постоянное бормотание человека, что вызывало громкое восхищение Учителя, и продолжался до позднего вечера. Оба, учитель Алкивиад и гомункул Маурицио, проводили Бонифацио до порога и вместе пожелали ему «buona notte».

Спеша по узким улочкам города к родительскому дому, Бонифацио не мог избавиться от беспокоящей его мысли о том, что, в отличие от прошлых ночей, когда после долгих часов работы он возвращался домой уставшим, но спокойным, сегодня он не хотел оставлять Учителя одного. Наедине с опасным существом, которое с каждой минутой все больше казалось ему похожим на реального графа Маурицио Бенедетти, грубого и подверженного приступам неконтролируемой ярости. Весь ритуал с гомункулом и посмертной мистерией представился взволнованному Бонифацио темной тучей, нависавшей над Учителем. «Чего же ты ждешь? Возвращайся немедленно!» – сказал он себе и побежал назад. Запыхавшийся и испуганный, он вскоре оказался перед домом Учителя.

Входная дверь была приоткрыта, из трапезной слышались стоны. Среди разбросанных тарелок, бокалов и объедков, скорчившись на полу, с ножом в груди, которым за ужином резали жареного кролика, лежал учитель Алкивиад.

– Он, Маурицио... ошибка... неестественно... операция... неверная идея...

Бонифацио представил себе графа – прихрамывая на одну ногу, бредет он по темным улицам города, неизвестно куда, злобное существо, способное на любое преступление.

– Он огромный... Я мечтал об этом... вернуть его... испытать Время... я отпустил его... в ночь...

– Все будет хорошо, Учитель. Главное, лежите спокойно. Не волнуйтесь. Все будет в порядке.

– ... чтобы вернулся к Богу... в прежнем виде... для человека недостижимо... Время...

Осторожно подкладываявший шелковые подушки под голову раненого, Бонифацио не знал и не мог предположить, что спустя столетия алхимик стиха по имени Райнер Мария под невидимыми для невежественного взгляда цепями синхронизации выскажет в тех же словах мысли Учителя, которые Бонифацио посчитал предсмертными хрипами раненого:

Чего он добивался – сгоряча
он ночью отпустил его, и к Богу
оно вернулось, прежний вид приняв.
А он, как пьяный, что-то лепеча,
внезапно растянулся у порога¹.

---

¹ Цитата из стихотворения Р.М. Рильке «Алхимик» в переводе К. Богатырева.

Эрмис Лафазановский

Палица

В прошлой жизни я был кукольником. Этому ремеслу я учился в Царьграде и Конье у Шакир-бея, Аги Сакаоглу и Ибрагима Менсура, в Эпире у Барбаяниса Барахалиса из Каламанте и Илии Йоргоса из Пелопоннеса. Потом я овладел новыми знаниями, получив их от своих великих наставников Андре де Совиньона из Франции и Бартоломео Казы из Рагузы, которые недолгое время учительствовали на Эгейском побережье.

Я стал знатоком всех кукол, от простых до самых сложных: от Карагеза, Хадживада и Ходжи Насреддина до персонажей Мольера.

И вот, однажды вечером в конце мая 1855 года, после пятилетнего обучения, получив звание мастера, довольный собой, но с тяжестью на сердце, я возвратился домой в Скопье.

Мои бедные родители: отец Павле и мать Панда, моя невеста, прекрасная Ангелина, и друзья со всей округи встречали меня песнями и музыкой. Никто не знал, каким ремеслом я овладел, даже отец, который освободил для меня старый сарай, выходивший на главную улицу, и пробил в нем окна и дверь, чтобы я мог открыть там лавку.

Бедный папа! Он не имел понятия, кем я стал: шорником, сапожником, портным, пивоваром, жестянщи-

ком или, может быть, углежогом, чесальщиком, скорняком, гребенщиком, на худой конец, хоть бондарем. Но отец и помыслить не мог, что я его послушался, ведь что-бы заплатить за мое обучение, он продал половину своего имущества.

И мать во мне не сомневалась: глядя, как я вытаскивал из пролетки тяжеленные и новехонькие чемоданы и сумки, она сказала, что к свадьбе все готово и что сыграть ее хорошо бы до того, как я начну зарабатывать своим ремеслом. А у меня, бедолаги, язык не поворачивался сказать, какой профессии я выучился, настолько я боялся разочаровать родителей.

Но не прошло и суток, как выяснилось, что это за профессия, причем, по общему мнению, это произошло самым непристойным образом, а причиной тому стала моя склонность к шутовству.

Все случилось в первую брачную ночь, когда мы с красавицей Ангелиной впервые должны были разделить ложе. Как только она откинула одеяло, чтобы лечь рядом со мной, она заверещала что есть мочи, потому что вместо меня увидела Черного Арапа, который вдруг сел, замахал ручищами, как припадочный, а потом протянул к ней руки, чтобы ее схватить.

Бедная Ангелина – она мигом побелела и упала без сознания. Я, лопаюсь от хохота, высунулся из-под кровати, держа в руках проволоочки и палочки, с помощью которых управлял движениями Черного Арапа, и увидел, что тут не до смеха.

Конечно, на вопль, который издала Ангелина перед тем, как упасть в обморок, в нашу комнату набежал весь дом: так и пропала моя первая брачная ночь! А я-то всего-навсего хотел немножко развеселить Ангелину.

Отцу не много времени понадобилось, чтобы разгадать, каким «ремеслом» я занимаюсь, и когда он понял, то начал рвать на себе волосы и честить меня сатаной-

ловым сыном, который деньги предков спустил на куклы вместо настоящего ремесла. После этого он перестал со мной разговаривать. Тщетно я пытался доказать ему, что то, что я делаю, тоже ремесло, пусть и не лучшее из всех.

Мама и Ангелина плакали несколько дней, но потом смирились.

Слухи, что я стал кукольником, расползлись по Скопье гораздо быстрее, чем вести о том, что в Битолу из Франции приехал какой-то то ли Белин, то ли Пелин, который учит тех, кому это нужно, говорить на разных языках, включая и змеиный.

Ко мне приходили дети со всей округи – сначала из мест поближе, потом и из тех, что подальше, и смотрели через окошечко, как я раскрашиваю куклы, как шью им одежду, шапки, туфли, одеваю их, как привязываю к ним веревочки, ставлю их на ноги и двигаю во все стороны.

Я начал делать куклы, похожие на уличных попрошайек, местных пекарей, соседских евреев, городских бахвалов, известных скупердяев.

За это время отец заметно поседел и постоянно ругал меня, а однажды даже попытался сжечь сарай вместе со мной и моими куклами, хотя я еще не дал ни одного представления.

Первый спектакль, который назывался «Как Карагез крестьян околпачил», состоялся под музыкальный аккомпанемент слепого аккордеониста Никифора; на него явились с десяток зрителей. Потом один за другим пошли «Счастья за деньги не купишь», «Битва Цане со змеем», «Доне Поцков и Мара Камара».

Народу на мои представления приходило все больше, люди шли все охотнее, популярность моя росла, и перед тем как поставить «Палицу» – комическую аллегория без антракта – я уже продавал билетов по пятьдесят.

Отец никак не хотел смириться с моим занятием, хотя я и приносил домой деньги и все отдавал ему. Мать

и Ангелина не только ничего не имели против, но даже начали шить костюмы для представлений и явно были довольны. Я в это время был полностью захвачен работой, старался вложить в куклы душу и сделать каждую как можно более похожей на человека, чтобы казалось, что они думают и разговаривают, как обычные люди по соседству.

Я хотел, чтобы зрители постепенно научились в том, что им показывают, видеть и нечто большее.

Отец же, сменив гнев на милость, пришел однажды ко мне в сарай, который мы уже расширили, встал между мной, Ангелиной и матерью и показал мне маску своего врага, янычара Али, сделанную из дерева и наряженную в тряпки, с огромным носом и длинными ушами. Мы все рассмеялись, и примирение состоялось.

Но дальше случилось вот что: один австрийский офицер (а может быть, и генерал), некий Айзенблатт под видом обычного крестьянина ехал к своему брату в Царьград, никаких других развлечений в наших краях не было, поэтому он пришел на представление «Палицы», однако спектакль ему не понравился.

Я потом слышал, что в Скопье у него была тайная встреча по вопросу о сферах влияния, но это я узнал много позже, уже после того, как вся эта беда приключилась.

Спектакль «Палица» был для нас самым трудным, потому что в нем мы использовали куклы в человеческий рост, и вспомогательный реквизит был соответствующий.

Содержание же было очень простое, народное: молоденькая девушка, сирота (девушку представляла кукла, сделанная с Ангелины), заперта в башне, и ее охраняет семиглавый дракон, у которого каждая голова говорит на своем языке. Храбрый молодец (в нем я видел самого себя) отправляется ее спасать, огромной палицей-була-

вой он бьет дракона по головам, и при этом они одна за другой молят о пощаде по-французски, по-английски, по-немецки, по-итальянски, по-гречески, по-болгарски и по-турецки, а богатырь каждый раз приговаривает: «Сдохни, сдохни!»

И все время, пока шло представление, Никифор на аккордеоне играл разные зажигательные быстрые мелодии, а в конце, когда падала последняя голова, уж не знаю почему, сыграл печальную народную песню «На срет село тапан чука»¹.

На этом представлении было человек сто зрителей со всего Скопье, и отец проверял билеты.

Сразу после спектакля, во время которого все просто помирали со смеху, глядя, как палица мутузила змея по головам, ко мне подошел Айзенблатт и сказал, что хочет поговорить со мной лично.

Как только все разошлись, мы с отцом провели его в комнату с широко открытыми окнами, и он на скверном турецком сказал нам, что великолепно уразумел, что именно мы хотим сказать своим представлением, и что он сообщит об этом властям, если мы немедленно не снимем этот спектакль с репертуара, потому что он подстегивает национальную рознь и разжигает ненависть к иностранцам, а это очень плохо. Он даже стал угрожать, что утром придет со своими подручными, перевернет все в доме вверх дном и заберет кукол, если мы не сделаем, как он нам приказал.

Мы с отцом переглянулись только один раз, но этого нам было достаточно, чтобы прекрасно понять друг друга.

На следующее утро к нам в дом ввалилось с десяток турецких жандармов, и один из них вышел вперед и сказал, что одно важное лицо вчера вечером в последний

---

¹ «Средь села бьет барабан» (макед.).

раз видели у нас в доме и что после этого его следы потерялись. Мы с отцом стали отнекиваться и говорить, что их осведомители, наверное, видели куклу, которая была похожа на того, кого они ищут, вот и обознались.

Жандармы обыскали весь дом, но человека, которого они искали, так и не нашли.

Увидев палицу, которую мы использовали в спектакле, они насторожились, но в руки ее не взяли. А если бы взяли, могли бы заметить на ней кровь.

Они пожали плечами и ушли, ругая тех, кто навел их на ложный след.

Вот так меня с отцом окончательно сблизило мое ремесло и молчаливое осознание того, что мы сделали большое дело и что теперь, после того, как Айзенблатт исчез, кукольный спектакль «Палица» можно играть сколько угодно.

Когда в Скопье появились зонтики

Такая вот болезнь. Болезнь, о которой не говорят, сначала ее вообще не замечают и очень редко обнаруживают вовремя – когда это происходит, обычно бывает уже поздно. Она приходит тихо и коварно, у человека ничего не болит, но она изнуряет и истощает в два раза сильнее, чем можно было бы ожидать; ее проявления множественны и разнообразны, а ее цель – сделать так, чтобы всё сошлось воедино – в центре тела. Сначала она нападает на пальцы ног и рук, потом на волосы, которые седеют прямо на глазах, она входит через рот и через нос, через глаза, попадает внутрь сквозь кожу, которая не закрыта одеждой, и потихоньку, как вор, все дальше проникает в тело человека, да так, что он и не чувствует, что с ним что-то происходит, как говорится:

ни сном, ни духом. Ее многочисленные слагаемые, как разносчики новостей, встречаются в душе человека и там сливаются в единое целое; болезнь не причиняет боли, не вызывает жара, ничем особым не проявляет себя, но человек, который носит ее в себе, обречен страдать вечно: он проклят до конца своих дней.

* * *

Это был день, чтобы помыться и побриться, причесться на пробор, поменять белье, обиходить малышня, сквозь слезы на глазах посмотреть на икону Богородицы, вдохнуть запах ладана, послушать звон колоколов, этот день был в то время, когда где-то на белом свете уже изобрели фотографию, день, когда Трендафил – спасибо, Господи, за то имя, которое Ты ему дал, – впереди, а двое его детей и жена за ним, отправились фотографироваться, впервые в жизни, радостные, но все же слегка смущенные, присмиревшие и от волнения немножко не выспавшиеся.

Они держались друг друга – жена и дети вместе, чтобы не потеряться в суматохе города и не упустить из виду его, Трендафила (одетого и принаряженного по-деревенскому, как будто он собрался на ярмарку), который пробивал им дорогу в разномастной толпе, локтями расчищая проход среди торговцев и бездельников, барышников и янычар, арапов и продавцов каштанов, между имамами и ходжами, ворами и хулиганами, бесцеремонно расталкивая всех.

Перед ними мелькали окна богатых горожан, витрины продавцов сладостей, блестящие золотые зубы ювелиров и темные взгляды воров, притаившихся в еще более темных переулках; мимо пролетали лавки с ситцем и шелком, кофейни и чайные, и никому и ничему Трендафил не давал себя задержать.

Он бежал вперед, как безумный, толкаясь и пихаясь, при этом он то поглядывал на свой пиджак – удостовериться, что его никто не попортил, то оборачивался назад – убедиться, что семья следует за ним.

А они спешили изо всех сил, боясь остановиться, чтобы перевести дух, хотя глаза детей и жены так и липли, как коровьи лепешки, к витринам чистеньких и таких привлекательных лавок, и если бы их не ждало такое значительное событие, как фотографирование, наверняка один из них, не удержавшись от соблазна, остановился бы перед какой-нибудь витриной и без зазрения совести сказал бы: «Хочу это» или «Хочу то». И вот тогда Трендафилу пришлось бы развязывать свой кошель и доставать из него несколько дукатов или наполеондоров, которые он хранил, как последний скряга, еще со дня свадьбы, на черный день, для особого случая.

Болезнь настигла Трендафила, когда он, а за ним и его домочадцы, добрался до фотографической лавки. На них из-за стекла глядели запечатленные навечно лица, повернутые так или этак, подкрашенные или подретушированные, где следует, лица мужчин и женщин, турок и арнаутов, которые навсегда оставили свои души здесь, поработенными в этих картонных квадратиках, и теперь без душ блуждали где-то по белу свету. Чувство радости, смешанное со страхом, охватило и их тщеславные душонки. Откуда-то снизу, от пят к голове начала приливать кровь. Застывшие в изумлении и восхищении, они сами были похожи на тех, кто смотрел на них с другой стороны витрины. Казалось, все шло прекрасно, все были счастливы. Но это продолжалось до того момента, пока Трендафил, собравшись с духом, с решимостью главы семейства не сказал: «Куплю зонтик!»

Поскольку день был необычный (вот, наконец-то, после стольких откладываний, споров и убеждений друг

друга, они все вместе будут фотографироваться – на память, а потом дома повесят снимок на стенку, как это делают богатые торговцы ситцем и шелком, да и те, что продают кофе), жена и дети были готовы ко всему, но в их головах никак не укладывалось, зачем нужен зонтик, обычный зонтик, который никто, кроме Трендафила, и не заметил – он стоял, прямой и гордый, в углу, в той же витрине с фотографиями. Конечно же, зонтик был выставлен на продажу.

Естественно, она, не веря своим ушам, переспросила мужа, он ответил, она еще раз спросила, он еще раз ответил. Трендафил оправдывался тем, что вообще не имел намерения фотографироваться и что идею купить зонтик он вынашивал с давних времен, а не говорил об этом только потому, что опасался, как бы в голове его жены не зародился план, который бы сделал покупку невозможной.

В случае с Трендафилом первым заметным проявлением болезни можно считать тот момент, когда перед витриной с фотографиями он, как дитя малое, хотя был уже далеко не ребенок, начал канючить: хочу да хочу зонтик. Даже его маленькие дети смотрели на него в недоумении от такого поворота событий. А его жене тогда стало ясно, что с Трендафилом что-то произошло, а особенно после того, как он напрямую во всеуслышание заявил, что хочет стать если не богачом, то, по меньшей мере, господином, ну а если у него не будет зонтика, то как можно будет опделить, что он из себя представляет?

– Хорошо, а на какие шиши ты его собрался покупать, чтоб у тебя вся голова зонтиками обросла, – попыталась спасти положение жена, если вообще его можно было спасти, и продолжала в том смысле, что неужто он думает, что, как только купит зонтик, то сразу станет на одну доску с богачами, он, Трендафил-могильщик, Трендафил-

огородник, он, маляр и каменщик, мусорщик и носильщик, он, голодранец, у которого в кармане вошь на аркане!

– Пусть, только зонтик я все равно куплю! – твердит Трендафил, и глаза его все сильнее загораются, а у его собеседницы гаснут.

– А зачем тогда вчера обещал нам, что завтра, да, завтра пойдем фотографироваться... а мы-то, дураки, тебе поверили, прыгали от радости и обнимали тебя! – опять заговорила было женщина, но голос ее слышался все слабее, так как тонул в криках детей, которые разорались, чувствуя, что что-то пошло не так.

Она в отчаянии попыталась напомнить ему, что детям надо купить обувь и что керосин и соль почти кончились, а он...

Ей стало абсолютно понятно, что любые доводы бесполезны, когда он во весь голос закричал (и хотя было шумно от людских голосов, хлопанья дверей и других звуков улицы, несколько прохожих все же повернули головы посмотреть, кто это так орет): «Куплю зонтик, и точка, раз сказал куплю, значит куплю!»

Дальше говорить было не о чем. Глаза Трендафила не были его глазами, зрачки опустились глубоко в колодец чувств, на дне которого лежала эта болезнь.

Трендафил достал из кармана платок и начал вытирать им свою здоровенную, как у быка, шею. Он вертел головой то влево, то вправо, чтобы увидеть, пялит ли кто на него глаза в удивлении, что и он желает купить зонтик именно в том самом месте, где до него зонтики купили тупица Трайко и господин Митре, поп Иосиф, госпожа Магдалена для зятя Милана и даже Трипун, тот, с двумя дочками, которых он сумел выгодно выдать за торговцев.

Трендафил уже не был тем, кем был вчера.

Болезнь уже завладела всем его телом, сначала она потихоньку дошла до желчного пузыря, потом до желудка, где не нашла ничего интересного, поэтому оставила в нем все, как есть, без изменения, и продолжила поиски подходящего места, пока в одном из закутков его тела не обнаружила сжавшуюся от страха душу Трендафила, в чье мягкое тельце она, без долгих размышлений вонзила свои синие когти, тем самым дав понять, что она никоим образом не планирует уходить, а наоборот имеет твердое намерение там остаться. И чем крепче болезнь сжимала его душу, тем равнодушнее становился он к собственной жене, ведь благодаря своей настойчивости он сумел открыть ее сущность, к собственным детям, начавшим хныкать, не понимая ничего толком, но чувствуя, что что-то не в порядке, к зевакам, которые с всё возрастающим интересом начали описывать небольшие круги вокруг их семейства.

Трендафил же тогда видел только самого себя, как он с зонтиком в руке присоединяется к другим важным шишкам из их округи и как они вместе гуляют по рынку туда и обратно.

Болезнь совсем скрутила человека.

Трендафил изо всей силы оттолкнул от себя жену, крича: «Пошла отсюда!», а она, не ожидая удара, не удержалась на ногах, повалилась на детей, и они все трое упали на землю. Напрасно она просила: «Ради всего святого, ради детей, не трать деньги впустую», ничего не помогало. Тогда она, плача, собрала скарб и детей, отошла в сторону и оттуда закричала ему, да так, чтобы ее слышали и собравшиеся вокруг люди: «Трендафил, совсем ты очумел, что ли, на что тебе зонтик, здесь же никогда не бывает дождя!»

Когда он остался один перед витриной, разогнав народ своей бранью (Трендафил ругался, как могильщик,

маляр и извозчик), он достал из кармана кошель, развязал его, отсчитал деньги и смело вошел в лавку.

Был полдень, солнечный, может, самый солнечный из всех ясных дней, когда Трендафил, счастливый как никогда, вышел от фотографа, прямой и гордый, довольный своим видом: с феской на голове, в шерстяных шароварах, заправленных в крестьянскую обувь из сыромятной кожи, в белой рубаше, схваченной на талии поясом, и в черной суконной жилетке. В правой руке он держал длинный черный зонтик и посматривал на спящий вокруг народ. Он прошелся по улице и остановился, чуть расставив ноги, опираясь на зонтик, будто для фотографии. И он действительно не остался незамеченным: кто только не начал с ним здороваться: и албанцы, и турки, и арнауты, и цыгане, и арапы, и азербайджанцы, и курды.

Какими словами можно описать лицо Трендафила, круглое и смешное в своем самодовольстве?! Он и его болезнь были счастливы!

Но неожиданно, чего никогда не бывало до этого, народ бросился бежать, принялись кричать женщины и плакать дети, поскакали куда-то лошади, заревели ослы и мулы, стали закрываться лавки, началась паника. Внезапно образовалась невиданная толкотня на тесных улочках: толпа лилась рекой, лавой. Будто наступил конец света. Вдалеке показались языки пламени, слышались выстрелы и голоса умирающих.

* * *

Да, это был день, чтобы помыться, сходить в церковь, купить рахат-лукум и халву, выпить кофе, чтобы погулять и сфотографироваться и даже купить зонтик, но это был и день для восстания и бунта, для пожара, унич-

тожающего все до основания. Вот и Трендафил упал на мостовую. Рубаха и жилетка в крови, штаны порваны. Глаза вытаращены, на лице перекошенная улыбка. В руках зажат зонтик. Обезумевшая толпа бегущих в страхе людей растоптала Трендафила.

Трендафил умер, а болезнь эта осталась, чтобы завладеть миром.

Блаже Миневский

Окно верхней комнаты с балконом

Она ничего не видит: одинокая и озлобленная, воло-
ча больную ногу, она переходит дорогу, машины несутся,
гудят, тормозят, но она ничего не видит: идет дальше,
замотанная в черные тряпки, останавливается на пол-
пути и кричит в голос, подняв голову вверх, к небосводу:
садится посреди дороги и плачет, разрывая на себе пла-
тье: гнилье, от платья остаются одни лохмотья, тогда
она встает и, подволакивая ногу, тащится по переулку:
потом в темноте скрипит старая деревянная дверь, за
ней прогнившие ступеньки и еще одна дверь, и ни луча
света не пробивается из дома, пока она медленно открыв-
вает все двери и окно верхней комнаты с балконом
и смотрит оттуда вверх на небосвод и низкие деревья
у дороги: полночь, все тихо, спит: веет теплый ветерок,
путаясь между суставчатыми ветками засохших деревь-
ев, облитых легким лунным светом: она совсем ничего
не ест, а все еще жива: от дома отделяется серая тень,
и окно верхней комнаты с балконом скрипит, когда ве-
терок добирается до верха, карабкаясь по плющу: ночь,
вспотевший молодой месяц скрывается за облаками:
ветер порывами бьется о дом, и дверь внизу сперва по-
скрипывает, а затем приоткрывается: одна рука у нее
сухая: она садится под куст и смотрит на дом: что-то не-
разборчиво и долго бормочет: наконец вынимает сло-

женный листок, вертит его в руках и опять складывает и сует в карман: там, на большой улице перед ее домом останавливается машина, и она машет издали, хватается за траву руками, как будто пытается привстать, но машина сразу уезжает, и она опять спокойно садится и вытаскивает из челюсти единственный передний зуб, черный и гнилой, она держит его в руке, обтянутой воспаленной кожей, потом быстро вставляет обратно в рот и молчит: она кажется камнем, случайно брошенным в траву, пока не начинает опять громко и хрипло кричать вслед машинам и пока не начинает стонать и всхлипывать, глядя на трещину у окна верхней комнаты с балконом, потому что отсюда, из-за чахлых деревьев, и оттуда, с другой стороны дороги, из-за акаций видно только эту часть дома и только это окно:

дверь медленно открывается и при этом тихо скрипит, и кажется, что открывается медленно, потому что скрипит: скоро должно появиться то, что так таинственно готовится к выходу: легкая ночь стекает по черепице дома и пенится волнами поверх густого плюща, обвившего балкон: ночь льется на улочку и плещет буйными ароматами по обглоданным ветвям акаций, вслед за ней из-под стрехи вылетает испуганная птица, и от стены отваливается кусок штукатурки: пока штукатурка падает на крытый железом выступ дома, дверь медленно закрывается, скрипят деревянные ступеньки, и потихоньку закрывается дверь наверху: по весне дом обрастает плющом: он скрывается под акациями, весь в белом цвету, весной ему снятся источающие запахи сны, и раз в день, чаще всего по утрам, через окно верхней комнаты вылетает куча грязи: балкон над входной дверью летом полон зелени и травы, растущей по углам: дверь на балкон сгнила и покоробилась, где было стекло, выросли желтые былинки, оплетенные паутиной и мохнатой пылью: а так как балкончик маленький, тяжелая кованая

ограда вдоль кромки едва видна: плющ прорастает сквозь ограду и спадает вниз, опускается занавесом перед входной дверью: плющ в своем буйстве весной закрывает даже трещину у окна, зеленеет вся стена: на зеленом фоне только открытое окно верхней комнаты с балконом зияет дырой, темной, а оттого кажущейся глубокой и холодной: иногда на нижнюю планку, расстрескавшуюся от влаги и жары, слетаются птицы, но сразу испуганно снимаются и прячутся где-то там, в листе плюща: от малейшего ветерка оконная створка бьется о стену комнаты с таким грохотом, будто ломаются ветки большого трухлявого дерева, а звук доносится, как из пещеры, скорее всего потому, что в комнате пусто, внутри только плотная темнота: балкон завален плющом, прелыми листьями, ветками и битой черепицей, нападавшей с крыши, выдающейся немного вперед, так, чтобы вода не лилась на решетку и та не ржавела, и чтобы можно было, опершись на ограду балкона, разглядывать накрапывающий весенний дождик, напоенный весной, стелющейся внизу по садам и деревьям, а еще там внизу: дверь опять начинает скрипеть, как будто над головой рвется гнилая ткань: сначала между досками что-то белеет, потом становится видна нога: и опять тишина, теплая, легкая: на улочку выходит обнаженная девушка с длинными волосами: она босая и неслышным шагом, на цыпочках, будто летя, перебегает под фонарь напротив, все так же легко, на пальчиках, бежит через большую улицу, при этом длинные и густые волосы волнами пенятся у нее на спине, она поднимается на заросший травой пригорок с кустами наверху и ложится: над ней трепещет листва и тихо шелестит ветерок, летящий откуда-то сверху, со стороны парка: она скатывается по траве вниз, встает, опять так же легко и беззвучно взбегает вверх и встает на колени: потом руками шарит в траве под кустами, что-то ищет: волосы падают ей на глаза,

потом она выпрямляется и мягко и расслабленно растягивается на траве: как будто парит в разреженной темноте над дорогой: после этого откуда-то с другой стороны темноты, волоча за собой ее рвущиеся нити, появляется высокий красивый мужчина, завиток русых волос закрывает ему правое веко, длинные спутанные пряди достают сзади до лопаток: темнота, казалось, слетает с низких деревьев, и здесь вокруг них мерцает слабый свет, будто пробивающийся из-под земли: она льнет к нему и приглушенно смеется: он целует ее и нежно обнимает за талию: и оба, стоя на коленях, прижимаются друг к другу низом живота: тяжелые волосы девушки ниспадают с чуть запрокинутой назад головы, блестя, тонут в траве: он ложится на нее, свет понемногу угасает какими-то волнами и обрывками: она прерывисто дышит, хватаясь за нижние ветви кустов, ее ноги проступают в темноте окружностью, в которую заключен он, и которую он будто пытается всем своим телом, всей тяжестью разъединить, как-то разорвать ее там, внизу, где эта окружность прижимается к земле: она дышит еще тяжелее, судорожно рвет ветки руками: ее тело тает и пропадает в траве: под ветками и под руками дергается голова, облитая розовым сиянием: потом сверкает свет: у нее в руке остается сломанный стебелек с желтым цветком наверху: из кустов выпархивает ночная птица и пропадает во тьме: эти двое скатываются по траве до дороги, и она в самозабвении кричит: напрасно она потом орет вслед машинам, напрасно целует и обнимает его: она с трудом встает и, волоча ногу, с глазами, полными слез, выходит на залитую грязным светом улочку: дверь медленно затворилась, потом проскрипела деревянная лестница и тихо закрылась верхняя дверь: оттуда, изнутри, вдруг послышался крик, громко затрещала внутренняя дверь, и тело старухи вывалилось из окна верхней комнаты с балконом: с балкона шумно слетела

ночная птица: старуха зарылась в куче золы, которую она каждый день, чаще всего утром, выбрасывала из окна во двор: лицо у нее было мокрое, с налипшей на него пылью, у нее не было одной ноги: в руке она стискивала сгнивший стебелек с сухим цветком на конце: после этого вылетело окно верхней комнаты: рухнул балкон, полный битой черепицы и плюща: потом разошлась треснувшая стена, к утру развалился весь дом.

Венко Андоновский

Комната для души

Греческий учитель не мог надивиться быстроумию молодого царевича. Всего за десять дней тринадцатилетний мальчик, изучив наклон эклиптики, сосчитал, что один великий год состоит из пятидесяти девяти малых лет по триста шестьдесят пять дней в каждом, ошибившись всего на полчаса в год! У учителя волосы встали дыбом, когда он сравнил результат с календарем Энопида: совпадение чисел говорило, что перед ним гений!

Через месяц мальчик уже изучал трисекцию угла, ему легко давались и алгебра, и арифметика. С жадностью он проглотил «Начала» Евклида и мечтал, что когда-нибудь сумеет решить задачу квадратуры круга. В начале третьего месяца, когда учитель готовился приступить к преподаванию этики, случился скандал. Слуги с жаром судачили: Александр дал пощечину учителю, потому что тот поправил его при решении одной геометрической задачи. О неприятном происшествии перешептывались даже воины и стражники. В конце концов, весть дошла и до ушей царя.

Тот сразу же приказал привести к нему учителя.

– Я хочу, чтобы ты рассказал мне всю правду! – бушевал император. – Нечего его щадить, мне его нрав известен: в его жилах течет моя кровь! Я знаю, что он скор, как молния, что ослеплен собою и что от самовлюбленности может и убить. Но я хочу знать: за что он ударил тебя, учитель?

Учитель молчал, взгляд его был прикован к земле. Он гладил свою куцую бородку и подбирал слова; наконец, он сказал: «Он гений, ваше величество. И от этого ему не спастись. Когда-нибудь, не знаю, когда, ему потребуется весь мир, и он покорит его. Но его душа будет страдать, потому что она хрупкая, как египетское стекло, и не сможет вынести гранита его алканий».

Великий Филипп пристально глядел на стоявшего перед ним человека средних лет, знаменитого философа. Филипп сидел на троне, в роскошной одежде, с драгоценными перстнями на руках, приложив ладонь к слепому глазу. Выслушав ответ учителя, он щелкнул пальцами и спросил, но уже мягче: «Но все же, за что он тебя ударил?»

Учитель колебался. Он поднял голову, и милостивый взгляд императора отворил ему душу, как небо, открывающееся в бурю: «Мы сидели сегодня утром в библиотеке, и я проверял его знания, о, властитель. Я дал ему задачу из науки, которую я ему еще не преподавал. Он нашел решение, но в последней попытке, когда твердой рукой нужно было провести касательную и достичь цели, рука его, как будто обрадовавшись своему успеху, дрогнула, и он промахнулся мимо точки, в которой нужно было закончить линию. Я видел, что он знает решение, клянусь головой. Но его неумное стремление быстрее достичь цели и пламенное желание получить похвалу отвели его от успеха; он побледнел и сми-

ренно спросил, правильно ли он решил, хоть и сам знал, что нет. Я ответил, что он ошибся, и тогда он ударил меня и в слезах выбежал из библиотеки. Вот что произошло».

Настроение у царя упало. Он потемнел, в его взгляде появилась безнадежность. Потом он сокрушенно сказал: «Я знал, что мой сын очень умен и что он будет злоупотреблять своей силой, чтобы прикрыть слабость». «Но, всемилостивейший владыка! – воскликнул учитель. – Заклинаю не вменять ему это в вину, прегрешение на мне, это я не начал преподавать ему этику вовремя! Поэтому он еще не знает, что доблесть лежит на полпути между слишком большим и слишком малым; он мудр, умен, но обуреваем желаниями, упрям и неумерен. Это моя вина, о, властитель!»

На великого Филиппа было страшно смотреть. Его решимость была сродни поднятому мечу. И он сказал, как отрубил: «Все. Поздно учить его умеренности. Он уже завоеватель».

Потом он простился с философом и велел, чтобы Аристотелю собрали его сундуки, дали сопровождающих и охрану.

* * *

Утром, когда навьюченные лошади медленно выходили из городских ворот, откуда ни возьмись появился молодой царевич, догнал философа и, продолжая бежать рядом с караваном, протянул ему руку. Учитель остановил коня, положил ладонь на буйные кудри мальчика, а тот глядел смиренно и умоляюще, и по его румяным щекам, по преждевременно повзрослевшему, но все еще детскому лицу лились крупные слезы.

– Я не хочу, чтобы ты уезжал, учитель! – всхлипывал царевич. – Я обидел тебя, но я не хочу, чтобы ты уезжал.

– Все в порядке, – сказал философ. – Я должен ехать, ты еще молод, и чувства обманывают тебя, но у тебя еще есть время.

Из окна башни в них впивался властный взгляд Филиппа. В какой-то миг отрывистым движением головы он подал знак ехать; Аристотель пустил коня, но позади себя слышал: «Учитель, дай мне задачу, которую я не смогу решить». Учитель обернулся. Настороженно посмотрел на царевича, как на некую диковину. Потом подъехал к нему, наклонился в седле, обхватил взлохмаченную голову мальчика и, целуя его в лоб, прошептал: «Душу твою обуревают желания. Нет в тебе меры ни в стремлениях, ни в силе, ни в знаниях. Не требуй этого от меня».

– Заклинаю тебя, о, повелитель мудрости! Дай мне задачу, которую я не смогу решить!

Учитель нахмурил брови и с усилием проговорил: «Хорошо. Тогда познай свою душу. Выстрой комнату, закрытую со всех сторон, но так, чтобы стена в ней была только одна; стена эта не должна иметь ни начала, ни конца, а в комнате должно быть столько окон, сколько в ней стен. Когда ты ее построишь, ты увидишь, что эта комната и есть ты. Тогда ты можешь похвалиться, что познал самого себя».

После этого Аристотель погнал коня вслед за конвоем. У городских ворот еще долго виднелся четкий силуэт царевича, он исчез, только когда стражники закрыли ворота. В его глазах больше не было слез.

* * *

Тридцать лет спустя, жаркой ночью, когда военные советники умоляли больного Александра отказаться от похода на Кавказ, в Аравию и Средиземноморье, говоря ему, что он достиг всего, чего может достичь смертный, и что если кто-нибудь отправится из одного конца его

царства восемнадцатилетним юнцом, то к другому он придет шестидесятилетним старцем, царь вдруг потерял сознание и рухнул на землю. Когда он пришел в себя, то приказал военному советнику готовить армию к походу и передал ему руководство военными операциями. Потом велел привести к нему лучшего землемера, лучшего строителя и лучшего скорохода во всем царстве. Землемеру и строителю он дал чертежи невиданного сооружения и приказал немедленно начать работу, а скороходу дал письмо.

Через три месяца в дверь Ликея в Афинах постучался ночной гость. Он передал письмо седовласому старцу и исчез в темноте, погоняя уставшего коня.

В глазах старца заблестело чудесное сияние. Послание гласило: «Привези душу для моего желания». На следующий день старец отправился в Рим, на улицу мастеров-стеклодувов.

* * *

Александр лежал на смертном одре в круглой комнате башни, которую главный строитель и землемер воздвигли всего за три месяца. Он приказал никому в нее не входить, а только приносить раз в день еду. Он изнемог и тяжело дышал; только его глаза говорили о том, что некогда это был человек, обладавший силой и упорством зверя.

Собравшиеся снаружи подданные тихо, украдкой плакали, боясь, как бы не услышал царь. Все они удивлялись высокой, уродливой круглой башне с одним-единственным незастекленным оконным проемом, выросшей по непонятному желанию их властителя. Никто не знал, что это – решение задачи, не имеющей решения.

Прошел слух, что издалека приехал какой-то чужестранец с важной вестью и что он хочет немедленно ви-

деть царя. Он был стар, с длинной белой бородой, грязен и изможден от долгого пути. В руках он нес маленький, но тяжелый ларец, завернутый в кусок ткани. Он вошел в башню и опустил ларец на землю.

Внутри посередине комнаты на смертном одре лежал ученик. Он долго смотрел на старца с неожиданным жаром в темных глазах. Наконец он заговорил.

– Вот она: комната с одной стеной, закрытая со всех сторон, – сказал он. – Стена не смыкается, потому что у окружности нет начала и конца, нет и неумеренности. Но в этой стене трудно сделать окно. Окно и стекло в нем – это моя душа; при первой же попытке согнуться она треснет и разобьется под алчной тяжестью гранита. А я умру, когда ты попытаешься вставить стекло и закончить строительство.

– Все хорошо, Александр! – сказал старец. – Все хорошо. Ты решил задачу, которую, как я считал, ты решить не сможешь. Но ты не понял ее смысла: ты думал о решении, а не о том, что значит сама задача.

Александр с трудом слотнул. Потом удрученно сказал: «Знаю. Смысл задачи таков: не решай задачи, которые ты хочешь оставить без решения». И добавил: «Прошу тебя, закончи строительство. Вставь окно. Комната без окна, что тело без души».

Старец немного наклонился и открыл ларец. – Я привез стекло для этой комнаты. Новое вогнутое литое стекло, последнее изобретение мастеров-стеклодувов Рима. Оно сделано по меркам твоей души; оно предвосхищает наступление нового времени, времени Алчущих. Смотри, Александр, как оно согнуто; напряжено, как стрела, вложенная в натянутый лук.

И когда старец произносил эти слова, внезапно, как случается со стеклами и с душами, стеклянный полуцилиндр сам по себе, без видимой причины раскололся на тысячи мелких осколков, разлетелся во все стороны от

страсти, вложенной в него стеклодувами. Трепеща телом и душой, Аристотель медленно повернулся к одру.

На нем лежало мертвое тело Ученика.

Сразу после этого в комнату неумеренности потекли несчастные подданные, рыдая по мертвому царю. С изумлением глядели они на осколки под ногами пришельца.

Один из них спросил: «Что это?»

– Его душа, – ответил чужестранец.

И потом под удивленными взглядами подданных он собрал осколки – остатки души Гранитного Властителя, положил их в ларец и вышел наружу.

Димитрие Дурацовский

На автовокзале, Мирьяна...

Ее звали Мирьяна – девушку, которую той ночью я провожал на старый автовокзал, временное сооружение напротив муниципалитета, огромной современной коробки с большим количеством окон, – Мирьяна Николич, ту красивую девушку, я еще подумал тогда, сколько ей лет, 16, наверное, уже исполнилось, но так и не спросил, и не узнал, но это было неважно той ночью, когда я провожал Мирьяну, это была наша первая и последняя встреча, *такая* встреча под большими акациями у старой автобусной станции, в нескольких шагах от моста, она мне сказала на пляже около кабинок утром: «сегодня я здесь последний день» и «если хочешь попрощаться, приходи на автобусную станцию вечером, автобус отправляется в 4 часа утра, мы с сестрой выпишемся из гостиницы сегодня, чтобы не платить за ночь, уложим сумки и с багажом будем ждать автобуса там».

Парни и девушки заполонили весь пляж, на мелком песке и ступить было некуда, под канадскими тополями, отбрасывавшими густую тень, кто-то играл в карты, кто-то спал, многие, особенно девушки, читали книги, лежа на больших махровых полотенцах, всяких людей было полно, но нас, местных мальчишек, интересовали только девушки, приехавшие из других городов, они были объектом нашего вожеления, а мое желание сосредото-

точилось на маленькой Мирьяне из Белграда, у нее были длинные прямые черные волосы и красные пухлые губы, да и сама она, с фигурой еще растущей девушки, была несколько полноватой, нет, не толстой, но я, глядя на нее, думал, что если бы я до нее дотронулся, то почувствовал бы эту ее округлость, мне казалось, что, когда я мечтаю о ней, я ощущаю ее мягкость, у нее была белая кожа и почти сформировавшиеся красивые белые незагорелые маленькие груди, я видел их тайно, смущенный, боковым зрением, когда она, сняв верхнюю часть мокрого купальника, перекинула его через стенку кабинки, так как стенка была низкой, мне стали видны ее груди – в этот момент мне показалось, что я вижу двух красивых маленьких белых теплых котят, и я подумал, как хорошо было бы иметь возможность поиграть с ними. Ей было интересно сидеть со мной на скамейке рядом с кабинками. Ей не нравились приставучие мальчишки с их глупыми и избитыми фразами, которыми они пытались добиться расположения девушек, да они и вправду были неумными, хотя не все девчонки так думали, находились и такие, кому были по душе их провинциальные уловки. Мирьяна любила просто сидеть со мной на лавке, что-то меня время от времени спрашивала, потом замолкала, после длительных пауз опять спрашивала, например, что за люди живут здесь, какую музыку я слушаю, пробовал ли я марихуану, люблю ли я Дженис Джоплин, потому что она – то, что надо, какой мой любимый актер, какую книгу я прочитал летом, есть ли у меня девушка, какие предметы в школе я ненавижу, с какими отметками я закончил год, как меня называют друзья, был ли я в Белграде, а за границей... миллион вопросов упорно задавала мне эта маленькая Мирьяна, а я, нервничая, на них отвечал, с меня рекой тек пот, не из-за безжалостно жарящего адского солнца, а из-за

того, что не всегда я мог ответить на эти удивительные вопросы. В ближайшем кафе я покупал себе и ей холодную колу, посчитав сначала, хватит ли мне денег, потом мы пили это пойло со вкусом шиповника и жженого сахара и молчали до нового шквала ее неустанных расспросов, заставлявшего меня решать – остаться или уйти, но магнетизм маленькой Мирьяны не позволял мне пошевелиться. Кто тебе больше нравится... начиналась новая серия вопросов, летняя игра, которая была ей хорошо знакома, она играла в нее, думал я, со многими, это ей не впервой, кто знает, сколько парней она так измучила... скажи, кто, Битлз или Стоунз, старая и неразрешимая дилемма, которую и сейчас, после стольких лет, люди того поколения до сих пор не решили, Битлз или Стоунз, неразрешимая дилемма, для которой нет нормального объяснения, никто не знал, почему те, а не другие. И всегда, что бы я ни сказал, она была за других, если мне нравилась Джин Сиберг, то ей нравилась Анука Эме, иногда наоборот. Весь день мы играли в эту игру, в которой действовали только ее правила, до тех пор, пока солнце не начинало заходить и закатные краски не затопляли озеро, затем пустели пляжи, уходили полуголые мужчины и женщины, загоревшие, а некоторые покрасневшие и даже обгоревшие на солнце. «Неосторожные глупые туристы», – думали, глядя на них и жалея их, жители города.

И на прощание Мирьяна мне опять сказала, чтобы я, если хочу, приходил ночью на автовокзал, она с сестрой уезжает, отдых закончился, автобус отходит в 4 утра, они сдадут гостиничный номер, оставят багаж в камере хранения и будут коротать ночь в парке перед автовокзалом.

Как же так вышло, подумал я в отчаянии, она вот-вот уедет, и все кончится, что же я делал все это время, все

эти дни, просто сидел с ней, был рядом с ней, и ничего... ни прикосновения, ничего... она, она, повторял я и чувствовал, как слезы набегают мне на глаза. Я взбежал по лестнице, вихрем влетел в дом, я не хотел, чтобы кто-то меня увидел, и сам не хотел в тот момент никого видеть, мою мать, которой, к счастью, не было дома, скорее всего, она пошла за покупками, мою десятилетнюю сестру, которая, впрочем, даже если бы и была дома, сидела бы за компьютером и, конечно, не обратила бы внимания на страдания своего брата. А тебя в доме не было, тебя, тебя, кто должен был быть рядом со мной именно тогда и там, чтобы ты, ты сказал мне что-то, пусть пару слов, которые бы облегчили мои адские страдания. Я знаю, знаю, что ты бы посмеялся надо мной, но не открыто, в лицо, а в душе, так чтобы не оскорбить меня, не надругаться над моими чувствами, хотя, думаю, ты бы обязательно посмеялся над моими глупыми страданиями... если бы ты был со мной, ты бы сказал мне те слова, которые меня бы вмиг утешили, сказал бы ту магическую формулу, которую знают все отцы и говорят ее своим страдающим и безнадежно влюбленным сыновьям. Но тебя там не было, не было уже шесть лет и не будет до конца дней, но это мне не важно, важно то, из-за чего я был в ярости больше всего, что тебя, папа, не было в тот момент, когда я так страдал, раньше я никогда такого не чувствовал. Как это возможно, думал я, лежа на кровати в своей комнате, уставившись пустым взглядом в белый потолок, повторяя тысячу раз бессмысленное «как это возможно», почему вышло так, что мы только разговаривали, все эти дни, она была готова только разговаривать, а я подглядывал за ней, когда она переодевалась в кабинке, нет, нет, не нарочно – только тогда, когда она нагибалась, а потом выпрямлялась, одним движением перебрасывая мокрый купальник через стенку, тогда я видел ее двух красивых маленьких белых котят,

готовых к играм и шалостям, и в мыслях мне представлялось то, что ниже, ее небольшое гладкое тело, живот и еще ниже, эти непостижимые пределы женского тела, такие далекие в тот момент для подростка, который стоял у стены и молчал, зажатый и потерянный в волшебном летнем дне, медленно гаснущем в удлинняющейся тени больших канадских тополей. Веселый людской гомон постепенно стихал, все, что до того момента двигалось, замирало, пляж становился пустынным, отчаянно пустынным и будто изношенным, ненужным без людей, если ты когда-нибудь видел картины Кирико, то поймешь, о чем я говорю. Но это чувство, возникавшее, когда я смотрел на пустынный пляж, длилось недолго, до следующего утра, когда все становилось таким же, как и вчера, как и все эти летние дни и годы, и шло своим обычным чередом и порядком.

И знаешь, я сейчас скажу тебе, хотя никому раньше об этом не рассказывал, только тебе, потому что тебя со мной нет, в ту ночь я пошел на автобусную станцию, и она ждала меня там, она была одна, ее сестра куда-то ушла, потом я понял, что она ушла, чтобы повидаться с Филиппом, парнем, с которым она встречалась тем летом, до отъезда было еще много времени. Мирьяна не тратила время на разговоры, как в прошлые дни, нет, она была как вихрь, будто обезумела, эта маленькая фурия, только увидев меня, потянула за руку в темноту парка под высокую акацию, я прислонился к дереву, а она ко мне, но ничего не было, только то, о чем много лет спустя один писатель, Паич, написал в рассказе со знаменитым злым названием «Петтинг в ночи», иронической аллюзией на название романа Басары «Пекин в ночи»¹, вот что произошло в ту ночь, пока мы ждали автобуса

---

¹ Речь идет о рассказе Миленко Паича «Petting by night» и романе Светислава Басары «Peking by night».

Мирьяны, на котором она должна была уехать из моего города и уйти из моей жизни навсегда.

Дальше я рассказывать не буду, добавлю только еще пару слов. Когда я вернулся домой на рассвете, после того, как ушел их автобус, я тайком пробрался в свою комнату, посмотрел на себя в зеркало, все лицо было красным, а шея искутана до крови, так что на следующее утро, когда мы сели завтракать, я не нашелся, что ответить маме на ее недоуменный вопрос: «Скажи, ради бога, зачем ты в такую жару напялил водолазку», и мне пришлось врать, что у меня болит горло, что я простыл и меня трясет лихорадка.

Эта давняя микроситуация была моим ненаписанным ответом на письмо, присланное Иреной по электронной почте, я сказал ей, что мне приснился сон, и она потребовала его рассказать, странное, настойчивое и почти ультимативное требование, а сон был связан с тем событием в детстве, которое я запомнил навсегда... небольшая травма, шрам, который не исчез и по сей день, сам знаешь. Но я рассказал о том, что тогда произошло, только тебе, потому что ты во всем виноват, я на самом деле всю вину за случившееся возлагаю на тебя, то есть, если быть совсем точным, не на тебя, а на твое отсутствие, причину моего отчаяния, ты не поверишь, но мне, тогда десятилетнему, было стыдно перед моими друзьями за твое непристствие, твое внезапное исчезновение, не знаю, почему во мне жило это проклятое чувство стыда, но видишь, я не забыл его даже через сорок лет.

Я и написал это для Ирены, понятно, не пересказывая ей сна, сославшись на то, что в нем было много бесстыдного, непристойного, а я по своей природе человек застенчивый. Вот послушай, что я написал:

Date: Sun, 22 Feb 2006 09:45:26 +0100
Reply to: <augur@freemail.com.mk>
To: "Irena" <irenamirjana@yahoo.com>
Subject: Как мы...

Как мы договорились, я сел писать тебе письмо, чтобы рассказать свой сон, хотя я и колебался, в нем есть непристойные моменты, а я застенчив, и поскольку он связан с некоей Мирьяной, и история эта давняя, да и напрасно пытаться объяснять сны в рациональном ключе, то вместо того, чтобы пересказывать сон, я решил написать тебе о другом, к тому же, чтобы объяснить одну-две секунды увиденного сна, пришлось бы просидеть у компьютера добрых два-три часа и написать несколько страниц текста, как часть воображаемого целого, который нужно было бы расширить, то есть написать еще *приквел* и *сиквел*, что до, что после.

Мы говорили сегодня со Ставре и Ириной, пока пили кофе, разговор зашел о вещах, типа: а кому теперь легко? Я сказал, что мне очень трудно и я чувствую: мне теснит грудь то, что существует во мне, очень многое собралось и накопилось, а я постоянно изо дня в день делаю одно и то же, но потихоньку готовлюсь к тому, чтобы освободиться от этого. «Тогда рисуй», – сказал Ставре. Но мне не до рисования, это было бы самым простым, но мне не поможет. Речь идет о словах, мыслях, чувствах, эмоциях, которые переполняют и душат меня, поэтому я чувствую ужасное давление в груди, то, что наросло, и нужно, как в увиденном сне, все это откашлять и выплюнуть.

Мертвый отец, нерожденные дети, отказ от близости, бегство от интимности, неприкаянность, миллион невысказанных слов, спрятанные и подавленные чувства –

как со всем этим в себе человек может жить нормально или, по крайней мере, почти нормально?

Но откуда пришла ты, чтобы выслушать это?

Д.

Тебе кажется это глупым? Слишком пафосным, банальным и, возможно, даже отвратительным?

Видишь? Я вспомнил и о тебе – моем мертвом отце.

Пьесы

Горан Стефановский

Чернодринский¹ возвращается домой

Театральные картины

Посвящается Слободану Унковскому

ПЕРЕЧЕНЬ СЦЕН И ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ:

Примечание: разные роли могут и должны исполняться одними и теми же актерами.

1. Сочинение на заданную тему

Ребенок, лишенный воображения

Отец

Мать

2. Китайская делегация в Прилепе

Рампо Пырцеский

Переводчица

Китаец Чуань Ли

Второй китаец

3. Любовная идиллия на пляже в Бургасе

Госпожа Балбакова

Господин Балбаков

Лирический любовник Чорбе

4. Секретная папка в подвалах тайных архивов

Молодой архивариус

Старый архивариус

Женщина в военной форме

---

¹ Войдан Чернодринский, наст. имя – Войдан Поп Георгиев (1875–1951) – основоположник македонского национального театра. Драматург, актер, режиссер.

5. Небольшой инцидент в кафе «Балканы»

Господин Гырчев

Госпожа Цаневская

Господин Аризан

6. Ярмарка в Юрьев день в квартале Юджбунар

Иосиф

Славе

Анастасия

Негр с трубой

7. Распределение ролей в спектакле «Царь Симеон»

Актер Ицо

Директор Славейков

Незнакомый господин

Советник

8. Встреча

Цветко

Неда

Джафер-ага

9. Посещение Суботицы

Александр

Каталина

Старуха

10. Что происходило ранним утром после свадьбы

Посаженый отец

Его жена

Учитель музыки

Трактирщик

Музыканты

11. Случай с Белодринским

Первый инкогнито

Второй инкогнито

Посредник

Белодринский

12. Литературный кружок сюрреалистов и дадаистов

Руса

Тцара

Бретон

13. Пикник в покинутой деревне Сельцы

Элица

Жан

Человек во фраке

14. Скажи, почто меня оставил

Георгий

Марина

Мать

1. Сочинение на заданную тему

Гостиная в маленькой квартире. Послеобеденное время. Отец лежит и читает газету. Сын, умный не по годам, сидит за столом над раскрытой тетрадью.

СЫН. Пап, мне нужно домашнюю работу сделать.

ОТЕЦ. Так делай, сынок. Кто тебе мешает?

СЫН. Я не знаю, что писать.

ОТЕЦ. Что нужно, то и пиши.

СЫН. А что нужно?

ОТЕЦ. Что тебе учительница задала.

СЫН. Ничего не задала.

ОТЕЦ. Как это ничего не задала? Она тебе что, не сказала, о чем писать?

СЫН. О Чернодринском.

ОТЕЦ. Ну вот. Значит, сказала.

СЫН. Чего писать?

ОТЕЦ. Как чего, сынок? Это же такая тема большая.

СЫН. Кто он был?

ОТЕЦ. Откуда я знаю, сынок? Это у вас все в учебниках расписано. Я же тебе купил учебники. Мы с мамой за них кучу денег отдали.

СЫН. Как это ты не знаешь?

ОТЕЦ. Сынок, я сейчас отдыхаю. Я пообедал, газетку читаю, а потом прикорну. Вечером хочу на свежую голову посмотреть спорт. Папа все свои сочинения в жиз-

ни уже написал. Теперь твоя очередь. Помучайся немножко. Мне вон никто не помогал. Я пусть не выучился, но и не пропал. И работа у меня теперь – не бей лежачего. Только я хочу, чтобы ты у меня ученым стал, а не маялся, как я. Уж лучше штаны на стуле протирать. Азбука – наука, а ребятам – мука. Чтобы не получилось, как в поговорке: худо Николе, что не был в школе.

СЫН. Пап, не знаю я, чего писать. Не могу придумать.

ОТЕЦ. Ну, разве это так трудно, сынок. Ты маленько зажмешься, соберись. Вот и поможет.

Сын зажимуливается.

ОТЕЦ. Помогло?

СЫН. Да.

ОТЕЦ. Ну, вот видишь.

СЫН. И тебе, когда так делаешь, помогает?

ОТЕЦ. И мне. Всем помогает.

СЫН. Я увидел, каким он был, когда женихался.

ОТЕЦ. Чего?

СЫН. Смотрю, как он был одет, когда ходил в женихах.

ОТЕЦ. Кто?

СЫН. Он. На нем свадебный наряд. У него за три года до свадьбы все было готово. Не хотел ни у кого одалживать, чтобы сглазу не было. Белая рубаха из домотканого полотна, с двадцатью клиньями по подолу, с оберегами, зашитыми желтыми хлопковыми нитками, окрашенными желтой краской цвета «тюльпан». Нитки навошены желтым воском, чтобы не линяли при стирке. Белые суконные штаны со вставками спереди и сзади, а под ними шерстяные подштанники, онучи с черными завязками, белые шерстяные вязаные чулки. На чулках – подвязки. На них длинная темно-красная бахрома из шерстяной пряжи, вышивки с нанизанными монистами и металлическими блестками на них. Опинки с крестами.

Рубаха подпоясана вышитым кушаком. На плечах – черный кафтан без рукавов, с прорезями под мышками. Поверх кафтана – суконная накидка. На голове свадебная шапка. Спереди пришита золотая монета, спадающая на лоб. Справа – платок с семью серебряными грошами, по три с каждой стороны, а еще одна монетка посередине, пришитая так, чтобы спускалась над виском.

Пауза. Отец встревоженно смотрит на сына.

ОТЕЦ. Ты, сынок, учиться-то учись, только иногда свою книжку в сторонку отложи, передохни, в футбол с приятелями поиграй.

СЫН. Поздно, папа. Уже поздно.

Он выворачивает лампочку из настольной лампы. Берет ее в руку и поднимает над головой. Лампочка начинает светиться у него в руках. Отец, остолбенев, глядит на него. Входит мать с чашкой кофе. Она в изумлении смотрит на сына.

СЫН.

Возводила самовила,
Возводила стройный терем,
Между небом и землею
Возводила в черных тучах.
Возводила в черных тучах,
Между небом и землею
Возводила стройный терем,
Возводила самовила¹.

МАТЬ: Мамочки! (*Чашка выпадает у нее из рук*).

---

¹ Из мифологической песни южных славян «Терем самовилы». Перевод А. Ревича.

2. Китайская делегация в Прилепе

Китайская экономическая делегация гуляет по Прилепу.
Два китайца, переводчица и директор Рампо Пырцеский
с сопровождающими из местных.

РАМПО. А сейчас, товарищи, пойдемте, закусим.
Посидим, как следует, будет дружеский обед в честь под-
писания долгосрочного договора о сотрудничестве меж-
ду нашими двумя овощеконсервными заводами. Да
здравствует македонско-китайская дружба!

ЧУАНЬ ЛИ. Да здравствует!

ВСЕ. Да здравствует!

ПЕРЕВОДЧИЦА. Да здравствуют товарищи Чуань
Ли и Рампо Пырцеский!

ВСЕ. Да здравствуют!

ЧУАНЬ ЛИ. Завершая наше пребывание в Прилепе,
мы хотели бы подчеркнуть, что здесь мы пережили не-
забываемые минуты. Наши хозяева действительно по-
старались, чтобы этот визит навсегда остался в нашей
памяти. Когда мы вернемся в свои далекие края, в город
Дзиньцао в провинции Шаньдун, мы познакомим наших
граждан с вашими обычаями, вашим образом жизни
и вашими производственными достижениями. Особое
впечатление на нас произвели ваша прекрасная приро-
да, благородство людей и красота ваших женщин.
(Аплодисменты).

РАМПО. Скажи ему, чтобы побыстрее, а то все остынет.

ЧУАНЬ ЛИ. А это что за здание?

ПЕРЕВОДЧИЦА. Это наш театр.

ЧУАНЬ ЛИ. Театр? У вас есть театр?

ПЕРЕВОДЧИЦА. Конечно, есть.

ЧУАНЬ ЛИ. А как он называется?

ПЕРЕВОДЧИЦА. Народный театр имени Войдана Чернодринского.

ЧУАНЬ ЛИ. Кто это такой?

ПЕРЕВОДЧИЦА. Это один наш... (*Растерянно смотрит на Рампо*).

РАМПО. Деятель.

ПЕРЕВОДЧИЦА. Деятель.

ЧУАНЬ ЛИ. Кто?

ПЕРЕВОДЧИЦА. Ну, как вам сказать? Писатель. Писал про освобождение от неволи, про тяжелую жизнь народа под турецким игом.

ЧУАНЬ ЛИ. И у нас есть театр.

ПЕРЕВОДЧИЦА. И у них есть театр.

РАМПО. Прекрасно.

ЧУАНЬ ЛИ. Наш театр называется «Кан Цзинь-чжи».

ПЕРЕВОДЧИЦА. Их театр называется «Кан Цзинь-чжи».

РАМПО. Да наплевать.

ЧУАНЬ ЛИ. В честь нашего писателя одиннадцатого века. Одна из его пьес называется «Терзания Ли Чжи»¹. С вашего позволения: небольшой отрывок перед обедом! (*Поет*).

«О, как печально наше расставанье.

Я знаю, что тебе идти пора,

Но сердце за тобой летит на север.

Тебя во сне теперь искать я стану,

Забвения вельможам не дано».

---

¹ Реальному китайскому драматургу XIII в. Горан Стефановский приписал несуществующую пьесу, а также стилизованный фрагмент из нее.

ВТОРОЙ КИТАЕЦ (*снимает пиджак, вешает его себе на руку. Поет*).

«Сегодня я блистаю при дворе,
Невестою маньчжура буду завтра.
Как твой подарок, драгоценный шелк,
Носить смогу я пред людьми чужими?»
ЧУАНЬ ЛИ (*поет*).

«Пойди в нем танцевать, и ветер свежий
Мне принесет шелков благоуханье.
Покинуть должен Чжао Цзинь свой дом.
Когда ж гонениям конец настанет?»
(*Аплодисменты*). Теперь вы.

ПЕРЕВОДЧИЦА. Что, простите?

ЧУАНЬ ЛИ. Вы. Сцену. Из Черноморинского.

Рампо в замешательстве смотрит на переводчицу.

РАМПО. Чего ему надо?

ПЕРЕВОДЧИЦА. Чтобы мы ему спектакль сыграли.

РАМПО. Ты знаешь чего-нибудь?

ПЕРЕВОДЧИЦА. Нет. А вы?

РАМПО. Откуда, мать его. Давай какую-нибудь народную. (*Говорит, как будто это драматический текст*).
«Посреди села барабаны бьют...»

ПЕРЕВОДЧИЦА. ...барабаны бьют дум дум дум дум дум...

РАМПО И СОПРОВОЖДАЮЩИЕ ЛИЦА.

Парни девушек в хоровод ведут.

Парни девушек в хоровод ведут.

РАМПО. Рум дум дум дум дум дум дум дум дум дум...

ПЕРЕВОДЧИЦА. Рум дум дум дум дум дум дум дум дум дум дум...

РАМПО И СОПРОВОЖДАЮЩИЕ ЛИЦА.

Парни девушек в хоровод ведут.

Парни девушек в хоровод ведут.

Аплодисменты.

ЧУАНЬ ЛИ. Это Чернодринский?

РАМПО. А то.

Посередине улицы стоит мальчик и уже давно
наблюдает за ними.

РАМПО. А ну, брысь отсюда. (*Смотрит на китайца.
Улыбается*). Дети.

3. Любовная идиллия на пляже в Бургасе

Пляж гостиницы «Сплэндид» в Бургасе в 1909 году. Кабинка для переодевания. Зонтик от солнца. Под зонтиком лежат госпожа Балбакова, весьма полная для своих лет дама, и ее любовник господин Чорбе, оба в купальных костюмах того времени.

БАЛБАКОВА. Теперь уходите. Муж может заявиться в любой момент. Если он увидит нас вместе, нам придется тужиться.

ЧОРБЕ. Госпожа Балбакова!

БАЛБАКОВА. Господин Чорбе!

ЧОРБЕ. Я умираю от любви к вам.

БАЛБАКОВА. И я невероятно страдаю.

ЧОРБЕ. Такой трагической страсти не знала даже античная литература.

БАЛБАКОВА. А вы ее читали?

ЧОРБЕ. С вашего позволения, немного читал. Я убью вашего мужа.

БАЛБАКОВА. Ах, господин Чорбе.

ЧОРБЕ. Он не должен закрывать нам путь к счастью. Я отвезу вас назад в Софию. Мы, как голубки, сошьем тихое, теплое гнездышко. Я буду возить вас в театр, на балы, на курорты.

БАЛБАКОВА. А на что мы жить будем?

ЧОРБЕ. Ах, разве это важно, госпожа Балбакова, разве это важно?

БАЛБАКОВА. Важно, господин Чорбе, важно. Я привыкла жить в определенном достатке.

ЧОРБЕ. Пусть только этой ночью мне пойдет карта, и этот вопрос мы снимем с повестки дня. Можно еще сто левов взаймы, голубка моя? Я чувствую, что сегодня вечером фортуна мне улыбнется. Этот день надолго запомнят в казино гостиницы «Палас».

БАЛБАКОВА. Гостиницы «Спленид».

ЧОРБЕ. Гостиницы «Спленид». О черноморском призраке напишут все газеты. Некий господин Чорбе выиграл в рулетку миллион и исчез в неизвестном направлении с избранницей своего сердца.

БАЛБАКОВА (*дает ему деньги*). Если и эти проиграете, то учтите: больше нет.

ЧОРБЕ. Как мне выразить чувство искренней благодарности за проявленное понимание?

БАЛБАКОВА. Теперь уходите.

ЧОРБЕ. До вечера.

БАЛБАКОВА. И потише, когда прыгаете с балкона на балкон. Вчера полгостиницы перебудили.

Появляется господин Балбаков. Крупный, злой, хмурый.

ГОСПОДИН БАЛБАКОВ. Дорогая, кто этот молодой господин, составляющий тебе компанию в мое отсутствие?

БАЛБАКОВА. Мой супруг. А это господин Чорбе.

ЧОРБЕ. Мне исключительно приятно.

БАЛБАКОВА. Господин Чорбе... (*Пауза*).

ГОСПОДИН БАЛБАКОВ. Да?

БАЛБАКОВА. ... он из театра.

ЧОРБЕ. Госпожа, ну зачем вы первая сказали, я хотел, чтобы господин угадал.

ГОСПОДИН БАЛБАКОВ. И чем вы занимаетесь в театре?

ЧОРБЕ. Господин Балбаков, вы не поверите. Кочевая жизнь. То тут, то там, то одно, то другое, все делаю, что нужно и что не нужно.

ГОСПОДИН БАЛБАКОВ. Актерствуете?

ЧОРБЕ. Когда надо, то и актерствуем. Кто нас спрашивает!

ГОСПОДИН БАЛБАКОВ. Сегодня вечером даете представление?

Чорбе смотрит на Балбакову.

БАЛБАКОВА. Они на гастролях.

ЧОРБЕ. Мы на гастролях.

ГОСПОДИН БАЛБАКОВ. Сегодня вечером есть представление?

ЧОРБЕ. Конечно, когда гастрологи, представление каждый вечер.

ГОСПОДИН БАЛБАКОВ. До какого гастрологи?

ЧОРБЕ. Еще долго.

ГОСПОДИН БАЛБАКОВ. Как театр называется?

БАЛБАКОВА. Театральная труппа Чернодринского.

ЧОРБЕ. Я член труппы и лучший друг господина Чернодринского. Мы почти компаньоны. Он мне часто говорит, мол, когда помру, ты, Чорбе, бери труппу и веди дела сам.

ГОСПОДИН БАЛБАКОВ. А что вам надо от моей жены?

ЧОРБЕ. Я рекламирую спектакль. Продаю билеты. Хожу по пляжу и уведомляю уважаемых постояльцев гостиницы «Палас».

ГОСПОДИН БАЛБАКОВ. «Сплендид».

ЧОРБЕ. Гостиницы «Сплендид».

ГОСПОДИН БАЛБАКОВ. У входа висит афиша.

ЧОРБЕ. Это я повесил. Многолетний опыт показывает, что одной афиши недостаточно. Такая свободная продажа всегда лучше.

ГОСПОДИН БАЛБАКОВ. Какую пьесу даете?

ЧОРБЕ. Простите?

ГОСПОДИН БАЛБАКОВ. Как пьеса называется, которую вы рекламируете?

Пауза. Чорбе смотрит на Балбакову.

ГОСПОДИН БАЛБАКОВ (*своей жене*). А ты молчи.

ЧОРБЕ (*бьет себя по лбу*). Вчера маленько перепил, знаете, люди театра, вино никудышное, а тут еще это солнце. К врачу надо.

ГОСПОДИН БАЛБАКОВ. «От собственной глупости страдаем».

ЧОРБЕ. Вы совершенно правы. Вообще не надо было никуда идти. С самого утра мне нездоровилось.

ГОСПОДИН БАЛБАКОВ. Так пьеса называется. «От собственной глупости страдаем».

ЧОРБЕ. Именно. Именно. Все, хватит, завтра начинаю новую жизнь.

ГОСПОДИН БАЛБАКОВ. А о чем пьеса?

ЧОРБЕ. О чем? О чем пьеса? Пьеса... это французская штучка, комедия, об одном старом скупердье. У него жена, сравнительно молодая, она его ограбила. Деньги забрала. И сбежала.

ГОСПОДИН БАЛБАКОВ. С любовником?

ЧОРБЕ. Точно.

ГОСПОДИН БАЛБАКОВ. А вы кого играете?

ЧОРБЕ. Спасибо, что интересуетесь. Только роль у меня... маленькая. Почти незаметная.

ГОСПОДИН БАЛБАКОВ. Мы с супругой вчера вечером были в театре.

ЧОРБЕ. Так.

ГОСПОДИН БАЛБАКОВ. И смотрели представление.

ЧОРБЕ. Так.

ГОСПОДИН БАЛБАКОВ. Пьеса не про французско-го скупердяя, а про освобождение македонского народа от турецкого гнета. Про храбрую девушку Бисеру и ее парня Цветко.

ЧОРБЕ. Так.

ГОСПОДИН БАЛБАКОВ. Что так?

ЧОРБЕ. Продолжайте.

ГОСПОДИН БАЛБАКОВ. Никакой роли любовника в ней нет. И вы в ней не играете.

ЧОРБЕ. Ах, господин Балбаков, какой вы шутник. *(Пауза).* Чорбе, Чорбе, голова садовая, что тебе теперь делать?

ГОСПОДИН БАЛБАКОВ *(вынимает мясницкий нож).* Теперь ты заплатишь жизнью.

БАЛБАКОВА. Прошу тебя, дорогой, не надо, это я во всем виновата.

ГОСПОДИН БАЛБАКОВ. Я все знаю о вашей связи.

ЧОРБЕ. Господин, смилуйтесь. Я сирота. Жил, как собака, в бедняцком квартале македонских беженцев на окраине Софии. Меня растила тетка, которая била меня по голове утюгом. Дядя сам пил и меня бросил в пучину алкоголя и азартных игр. Я всю жизнь был лишен человеческого тепла и любви. Имейте же сочувствие к таким, как я, отверженным, жертвам социальной несправедливости. Я попал в сети криминала не потому, что выбрал его, а потому что он сам меня выбрал.

ГОСПОДИН БАЛБАКОВ. Ты разговариваешь с жестокосердным финансистом-капиталистом. Тщетны твои пролетарские страдания.

Вонзает ему нож прямо в сердце. Чорбе хватается за рукоять.

ЧОРБЕ. Всю жизнь мое сердце шло навстречу этому ножу. Прощайте, госпожа Балбакова. Минуты с вами были редкими мгновениями счастья в моей жизни.

Сегодня вечером я долго колебался, пойти в театр или к карточному столу. Моя низкая страсть к азартным играм победила. Так мне и надо. Если бы я пошел в театр, я бы знал, что идет не французская комедия про обворованного скрягу, а другое. Совсем другое, что останется навсегда для меня неизвестным.

Умирает.

БАЛБАКОВА. Убей и меня.

ГОСПОДИН БАЛБАКОВ. Ты еще поживешь. И вместе со мной до могилы будешь помнить об этом необычном происшествии. *(Пауза)*. Есть у нас время искупаться перед обедом?

БАЛБАКОВА. Время-то есть. Есть ли желание?

4. Секретная папка в подвалах тайных архивов

Подвал полицейского архива. Между грудями разбросанных папок и бумаг сидят два архивариуса – молодой и старый. Снаружи слышатся взрывы и стрельба.

МОЛОДОЙ АРХИВАРИУС. Чего мы ждем? Бунтовщики в любой момент могут ворваться в здание. У нас есть приказ сжечь архив. Если они нас схватят, они нас убьют! (*Старый архивариус закуривает сигарету*). Правительство бежало! Город горит! Террористы занимают улицу за улицей! (*Старый архивариус глубоко затягивается*). Архив не должен попасть в руки новой власти! Давайте подожжем и сбежим!

Старый архивариус выпускает колечки дыма.

СТАРЫЙ АРХИВАРИУС. И разрушим нашу жизнь? Наш мир? Нашу филигранную профессию?

МОЛОДОЙ АРХИВАРИУС. А есть другой выход?

СТАРЫЙ АРХИВАРИУС. Кто, кроме нас, сможет помочь новой власти разобраться в этих лабиринтах реестров, печатей и папок? В политических и государственных тайнах?

МОЛОДОЙ АРХИВАРИУС (*вдруг прозревая*). Вы думаете... осуществить акт приема и сдачи?!

СТАРЫЙ АРХИВАРИУС (*вынимает жареную курицу и бутылку вина*). Ножку или грудку?

МОЛОДОЙ АРХИВАРИУС. Наконец-то я все понял. (*Едят*).

СТАРЫЙ АРХИВАРИУС. Почитай! (*Молодой архивариус в недоумении глядит на него*). Это для меня как музыка. Помогает пищеварению. Почитай-ка чье-нибудь дело. (*Молодой архивариус глядит на него, все еще не понимая. Старый архивариус берет первое попавшееся под руку дело. Бросает его молодому архивариусу*). Читай!

МОЛОДОЙ АРХИВАРИУС (*вынимает из дела документ. Читает*). Табель.

СТАРЫЙ АРХИВАРИУС. Номер?

МОЛОДОЙ АРХИВАРИУС. Сто двадцать три, дробь римское пять.

СТАРЫЙ АРХИВАРИУС. Документ без номера, как партитура без скрипичного ключа.

МОЛОДОЙ АРХИВАРИУС. Табель успеваемости ученика...

СТАРЫЙ АРХИВАРИУС. Никаких имен. Надо самим догадаться, что это за человек, каков род его деятельности, за что его преследует закон.

МОЛОДОЙ АРХИВАРИУС: Ученику первого класса школы имени Святого Климента города Охрида выдается табель успеваемости первой степени с отличием за 1888/1889 учебный год.

СТАРЫЙ АРХИВАРИУС. Какие выводы можешь сделать из прочитанного? (*Молодой архивариус озадаченно смотрит на старого*). Доживешь до моих лет, научишься и выводы делать.

МОЛОДОЙ АРХИВАРИУС. Поведение: примерное. Прилежание: превосходное. Успехи: закон Божий – отлично. Церковнославянский язык – очень хорошо. Болгарский язык – хорошо. Арифметика – очень хорошо. Общая история – очень хорошо. География – отлич-

но. Чистописание – очень хорошо. Турецкий язык – хорошо. Французский язык – хорошо. Внешний вид письменных работ – опрятный. Пропущено уроков: по уважительной причине 100, без уважительной причины 20. Классный руководитель Н. Настев.

СТАРЫЙ АРХИВАРИУС. О, *tempi passati!*

МОЛОДОЙ АРХИВАРИУС. А зачем тут этот табель?

СТАРЫЙ АРХИВАРИУС. Он хлеба не просит, а известно, вдруг понадобится.

МОЛОДОЙ АРХИВАРИУС. Но ведь табель выдали ребенку!

СТАРЫЙ АРХИВАРИУС. Был ребенком, а стал взрослым!

МОЛОДОЙ АРХИВАРИУС. Рост: сто семьдесят. Цвет глаз...

СТАРЫЙ АРХИВАРИУС. Не торопись! Подожди маленько. Представь его себе во весь рост. Для окончательной картины важна каждая мелочь.

МОЛОДОЙ АРХИВАРИУС. Цвет глаз: черный. *(Пауза. Представляет себе цвет).* Нос: прямой. *(Представляет себе нос).* Спит в носках. Пьет вино с содовой – на четыре пальца вина, остальное содовая. Курит в постели. Когда бреется, напевает легкие классические мелодии, главным образом Штрауса.

Врывается женщина в военной форме с винтовкой.

ЖЕНЩИНА В ВОЕННОЙ ФОРМЕ. Руки вверх!

СТАРЫЙ АРХИВАРИУС. Наконец-то. Братья! Сестры! Освободители. Кровавые предатели народа сбежали. Они облили архив бензином и хотели его поджечь. Приложив нечеловеческие усилия, мы сумели помешать этому злодеянию. Может быть, эти архивные материалы будут полезны новой власти. Мы, со своей стороны, предлагаем ей свои скромные услуги.

ЖЕНЩИНА В ВОЕННОЙ ФОРМЕ. Вы правильно сделали. Новая власть оценит ваши заслуги. Назначаю вас хранителями архива на переходный период. Под моим руководством.

СТАРЫЙ АРХИВАРИУС (*пристально смотрит на нее. Узнает*). Вы очень похожи на известную артистку.

ЖЕНЩИНА В ВОЕННОЙ ФОРМЕ. Я ветеринар. Сейчас играю в спектакле жизни. (*Дает им клочок бумаги*).

СТАРЫЙ АРХИВАРИУС. А это что такое? (*Женщина солдат холодно смотрит на него*). Это что за имена?

ЖЕНЩИНА В ВОЕННОЙ ФОРМЕ. Передайте мне их дела! Немедленно! Что вы на меня смотрите? Вы что, не желаете выполнять мои приказы?

СТАРЫЙ АРХИВАРИУС. Что вы! Что вы!

ЖЕНЩИНА В ВОЕННОЙ ФОРМЕ. Тогда за работу!

СТАРЫЙ АРХИВАРИУС. Как мы их найдем? Сами видите, сколько тут папок навалено!

ЖЕНЩИНА В ВОЕННОЙ ФОРМЕ. Вы хотите, чтобы я вас под трибунал отдала? Вас повесить или расстрелять? Или то и другое сразу?

СТАРЫЙ АРХИВАРИУС. Не желаете ли закусить? (*Предлагает ей курицу и вино*).

Женщина в военной форме повязывает себе на шею салфетку.

СТАРЫЙ АРХИВАРИУС. Может, вам спеть что-нибудь. Молодой человек хорошо держит терцию.

ЖЕНЩИНА В ВОЕННОЙ ФОРМЕ. Что вы читали, когда я вошла?

МОЛОДОЙ АРХИВАРИУС. Документы из чьего-то дела. Ничего интересного.

ЖЕНЩИНА В ВОЕННОЙ ФОРМЕ. Читай! (*Ест и пьет*).

МОЛОДОЙ АРХИВАРИУС. «Дорогая моя. Я должен идти. Сто раз целую твои волосы. Сто раз целую тебя ниже, в лобик. Сто раз еще ниже, в носик. Сто раз еще ниже, в глазки. Сто раз еще ниже, в губки. Сто раз еще ниже, в подбородок. Сто раз еще ниже...»

ЖЕНЩИНА В ВОЕННОЙ ФОРМЕ. Хватит! Что это такое?

МОЛОДОЙ АРХИВАРИУС. Письмо.

ЖЕНЩИНА В ВОЕННОЙ ФОРМЕ. Кому?

МОЛОДОЙ АРХИВАРИУС (*читает*). Г-же Смилке Байраклиевой, Струмица, бульвар Энтузиастов, дом 4.

ЖЕНЩИНА В ВОЕННОЙ ФОРМЕ. От кого?

МОЛОДОЙ АРХИВАРИУС (*читает*). От Войдана Поп-Георгиева. Сценический псевдоним – Чернодринский.

ЖЕНЩИНА В ВОЕННОЙ ФОРМЕ (*протягивает руку. Ей дают дело. Она просматривает его*). Голубчик ты мой, кто бы ты ни был, где бы ты ни был, теперь ты тут. В сухом, темном и безопасном месте.

Швыряет дело обратно в кучу. Запивает кусок курицы вином.

5. Небольшой инцидент в кафе «Балканы»

Кафе «Балканы» на Балканах в двадцатых годах двадцатого века. В бархатных креслах сидят молодой красавец господин Гырчев и молодая красавица госпожа Цаневская.

ГЫРЧЕВ. Как ты?

ЦАНЕВСКАЯ. Хорошо.

ГЫРЧЕВ. Знаю, что не хорошо. Хорошо быть не может. Особенно в первый раз. Будешь коньяк?

ЦАНЕВСКАЯ. Нет.

ГЫРЧЕВ. Сразу не стреляй. Сначала пусть сядет. Пусть устроится поудобнее. Ты дыши размеренно, спокойно. Потом вытаскивай пистолет и стреляй в грудь. Не в голову. Трудно выстрелить в голову тому, кто на тебя смотрит.

ЦАНЕВСКАЯ. А ты води разговор.

ГЫРЧЕВ. Я поведу разговор. Потом пистолет отдашь мне. Уходим через главный вход. Спокойно. Не бежим. Автомобиль будет ждать.

ЦАНЕВСКАЯ. И?

ГЫРЧЕВ. И потом заслуженный отдых. Среди сосен и шишек. Ни забот, ни хлопот, подальше от этой бойни. Все твои тревоги сразу как рукой снимет.

ЦАНЕВСКАЯ. Ты любишь меня?

ГЫРЧЕВ. Люблю ли я тебя? Ты спрашиваешь, люблю ли я тебя? Что за вопрос!

ЦАНЕВСКАЯ. Скажи, это не охладит наших отношений?

ГЫРЧЕВ. Мы подогреем их икрой и шампанским, у тебя будут шиншилловые шубки и жемчужные ожерелья.

ЦАНЕВСКАЯ. И убийство на совести.

ГЫРЧЕВ. Авот ты и докажешь, что можешь обойтись без совести. Не смотри на часы. Ты что, торопишься? Посмотри на меня. Дыши глубже. Ты не волнуешься? Не боишься?

ЦАНЕВСКАЯ. Не боюсь.

ГЫРЧЕВ. Этот человек – предатель и убийца. Ты ему только услугу окажешь. Уменьшишь Господню кару.

Входит Аризан, пожилой господин.

ГЫРЧЕВ. Помяни черта – он тут как тут. Пожалуйста, господин Аризан. Вы прекрасно выглядите для ваших лет. Познакомьтесь с госпожой Цаневской. Не трудитесь представляться, я ей о вас все рассказал.

ЦАНЕВСКАЯ. Очень эффектно вас описал.

Аризан целует ей руку. Садится.

ГЫРЧЕВ. Что будем пить? Госпожа Цаневская, вы, по-моему, немного бледны.

ЦАНЕВСКАЯ. Погода меняется.

ГЫРЧЕВ. Чистая правда. Эти резкие перемены климата просто невыносимы. Тут хоть из камня будет человек, все равно не выдержит. У меня вон указательный палец почти не сгибается. Весь сустав опух. Артрит. И у моего отца то же самое было, не удивительно, это наследственное. Но мало того, что с климатом творится, еще и другие опасности. Людей убивают прямо на улице. Страшно в кафе зайти коньяка выпить. Может, всем коньяка? И вам, господин Аризан. А то вы что-то загрустили.

АРИЗАН. Вы, Гырчев, весьма самоуверенный человек.

ГЫРЧЕВ. Вы себе даже не представляете, насколько. Из-за этого у меня есть враги, но человек, у которого нет врагов, – не человек.

АРИЗАН. Человек, у которого много врагов, – тоже.

ГЫРЧЕВ. У меня их не много. Ровно столько, сколько нужно. (*Смеется. Пауза. Тишина*). Какая неприятная тишина.

Аризан кланяется кому-то, кого мы не видим.

Гырчев и Цаневская смотрят в том направлении.

АРИЗАН. Это Чернодринский. Он учился в Берне, когда я работал там в консульстве. Мы часто вместе ходили в театр посмотреть на Мину Фельдек. Прекрасная актриса.

ГЫРЧЕВ. Ну, так что, коньяку?

ЦАНЕВСКАЯ. Спасибо, нет.

ГЫРЧЕВ. Дорогая, у вас дрожит голос. Вас что-то тревожит?

ЦАНЕВСКАЯ. Да.

ГЫРЧЕВ. Что именно?

ЦАНЕВСКАЯ. Лучше вам не знать.

ГЫРЧЕВ. Вы меня заинтриговали.

ЦАНЕВСКАЯ. Вы не поверите.

ГЫРЧЕВ. А мы попробуем.

ЦАНЕВСКАЯ. Я собираюсь убить человека.

ГЫРЧЕВ. Что?

ЦАНЕВСКАЯ. Я должна совершить убийство.

ГЫРЧЕВ. Вы?

ЦАНЕВСКАЯ. Я.

ГЫРЧЕВ. Да вы муравья задавить не сможете. Только послушайте, что она говорит, господин Аризан!

АРИЗАН. Меня уже ничто не удивляет.

ГЫРЧЕВ. А кого вы хотите убить?

ЦАНЕВСКАЯ. Одного предателя и убийцу. Я окажу ему услугу. Уменьшу Господню кару.

ГЫРЧЕВ. И как вы собираетесь это сделать?

ЦАНЕВСКАЯ. Выстрелю ему в грудь. Трудно выстрелить в голову тому, кто на тебя смотрит.

ГЫРЧЕВ. Я смотрю, вы хорошо подготовились.

ЦАНЕВСКАЯ. А вы думали, нет?

Цаневская встает, вытаскивает револьвер и стреляет в Гырчева. Он с изумлением смотрит на нее. Падает. Цаневская не знает, что делать с револьвером.

АРИЗАН. Револьвер. (*Цаневская ему отдает*). Теперь спокойно. Не бежим. Автомобиль ждет.

Цаневская берет Аризана под руку. Они направляются к выходу. Выходя, Аризан приподнимает шляпу и кланяется вышеупомянутому знакомому, которого мы не видим.

6. Ярмарка в Юрьев день в квартале Юджбунар

Пустырь. Ярмарка. Иосиф, Славе и Анастасия в масках.

ИОСИФ. Сегодня Юрьев день.

СЛАВЕ. День, когда земля прощается с зимой.

АНАСТАСИЯ. Когда появляется трава, лопаются почки на деревьях, а птицы несут радостную весть партизанам в горах.

ИОСИФ. В нашем квартале ярмарка.

СЛАВЕ. Наш квартал называется Юджбунар.

АНАСТАСИЯ. Это новый квартал, и в нем живут беженцы из Македонии.

ИОСИФ. Как видите, тут везде весело. Медведей водят...

СЛАВЕ. ... дети грызут сахарные яблочки, играют трубаچی и барабанщики...

АНАСТАСИЯ. А политические агитаторы агитируют.

ИОСИФ. Мы – это семья Чернодринских. Я его брат Иосиф, автомеханик и шиномонтажник.

СЛАВЕ. Я – его брат Славе, цирковой артист и учитель танцев.

АНАСТАСИЯ. Я – его сестра Анастасия, домохозяйка.

ИОСИФ. Был еще один брат, Васил, но он умер в детстве.

СЛАВЕ. Пьесы нашего брата Войдана имеют большой успех, и мы им очень гордимся.

АНАСТАСИЯ. Мы хотим сейчас его поздравить.

ИОСИФ. И передать ему привет от нас и от публики.

СЛАВЕ. Мы переехали сюда, потому что на нашу деревню Сельцы около Дебара нападали разбойники-арнауты, и у наших родителей уже кончилось терпение.

АНАСТАСИЯ. И однажды моя мать, Кита Ноева, взяла и стулом проломила голову одному бандиту.

ИОСИФ. Вот нам и пришлось убежать. Войдану было тогда одиннадцать лет.

СЛАВЕ. Наш отец Георгий Славковский был священником. Войдан в детстве носил ему в церковь судки с едой.

АНАСТАСИЯ. Как-то раз Войдан целую ночь плакал и кричал «Мой дай», а мать с отцом спрашивали его, что ему надо, что значит «Мой дай», а он все повторял «Мой дай», и мы так и не поняли, что это означало.

ИОСИФ. Сейчас мы представим вам по номеру, каждый из своей области. Я покажу, как вулканизировать резину.

СЛАВЕ. Я покажу свое искусство циркача.

АНАСТАСИЯ. Я покажу, как легко отчистить подгоревшую кастрюлю. И при этом буду петь.

Славе показывает цирковой номер, Анастасия чистит подгоревшую кастрюлю, а Иосиф вулканизирует кусок резины.

ИОСИФ. Термин «вулканизация резины» происходит от латинского слова «вулканус» и означает процесс нагревания резины, каучука и гуттаперчи, смешанных с серой, при температуре 130-140 градусов по Цельсию. При этом эти вещества, сами по себе твердые, размягчаются, становятся эластичными и не растворяются в эфире, бензоле и скипидаре.

Входит негр с трубой.

НЕГР. Я – негр из Америки. Я играю на трубе. С пьесой это никак не связано. В честь брата этих людей я сыграю блюз. (*Играет*).

7. Распределение ролей в спектакле «Царь Симеон»

Помпезный кабинет директора театра Славейкова.
Входит маленький и неказистый артист Ицо.

ИЦО. Господин директор.

СЛАВЕЙКОВ. Ты что вваливаешься, как к себе домой?

ИЦО. Два часа уже жду.

СЛАВЕЙКОВ. Будешь ждать хоть два дня, хоть две недели. Или в этом театре будет настоящий порядок, или самого театра не будет. Ты из тех, кого уволили?

ИЦО. Да.

СЛАВЕЙКОВ. Значит, с тобой все решено.

ИЦО. Нельзя ли что-нибудь сделать?

СЛАВЕЙКОВ. Нет. Никому никакого снисхождения. *(Читает список).* Цонка Василева, 19 лет, из Дупницы, ампула неопределенное. Пантелей Картелов из Охрида, 21 год, роли возрастные, характерные и другие. Фания Кырстова из Прилепа, 24 лет, роли интригенок и другие. Каре Никифоров из Крушево, 22 года, роли любовников и турок. Пере Атанасов из Демир Хисара, 26 лет, играл редко, ампула неопределенное. Славе Козарков из Казанлыка, 28 лет, комические и исторические роли. Войдан Чернодринский из Дебара и Мария Чернодринская, его жена, любые роли. Все вылетают вместе с тобой.

Ицо подает ему письмо.

СЛАВЕЙКОВ (*просматривает письмо*). Знаешь что, ты вот это вот отнеси тем, кто это написал и скажи, чтобы засунули себе в одно место. Я не ребенок и не боюсь шантажа и угроз. Пусть ваша тайная организация найдет себе кого-нибудь другого, с кем будет шутки шутить.

Входят два опасных типа в длинных плащах и шляпах.
Спокойно садятся в кресла, кладут шляпы на колени.

СЛАВЕЙКОВ. Вы что тут ходите? (*Пауза*). Кто вас звал? (*Пауза*). Что вам надо? (*Пауза*). Кто вы такие? (*Долгая пауза и тишина*).

НЕЗНАКОМЫЙ ГОСПОДИН. Как ты, Ицо?

ИЦО. Спасибо, хорошо.

НЕЗНАКОМЫЙ ГОСПОДИН. Как здоровье?

ИЦО. Грех жаловаться.

НЕЗНАКОМЫЙ ГОСПОДИН. Дома как?

ИЦО. Все в порядке, благодарствуйте.

НЕЗНАКОМЫЙ ГОСПОДИН. Что-нибудь нужно?

ИЦО. Слава Богу, нет.

Пауза. Неприятная тишина.

СЛАВЕЙКОВ. Господа, театр в тяжелом финансовом кризисе.

НЕЗНАКОМЫЙ ГОСПОДИН. Вас кто-нибудь спрашивал?

СЛАВЕЙКОВ (*пауза. Тишина*). Список не окончательный. Всего лишь черновик. (*Пауза*). Что я могу для вас сделать? (*Пауза. Тишина*). Хотите кофе?

НЕЗНАКОМЫЙ ГОСПОДИН. Что вы собираетесь ставить в этом сезоне, господин Славейков?

СЛАВЕЙКОВ. Пьесу «Царь Симеон».

НЕЗНАКОМЫЙ ГОСПОДИН. А кто играет царя?

СЛАВЕЙКОВ. Предполагается, что господин Бачев. (*Тяжелая тишина*). Так хочет режиссер. (*Тяжелая тишина*).

на). Вы требуете невозможного, господа. (*Тяжелая тишина*). Я подумаю, что можно будет сделать.

НЕЗНАКОМЫЙ ГОСПОДИН. Ицо, другую роль будешь играть?

СЛАВЕЙКОВ. Господа, это от меня не зависит. Господин Ицо для этой роли не подходит по своему телосложению. Мелок. То есть недостаточно крупен. Была бы моя воля, я бы отдал ему роль. Но есть публика. Есть критика.

НЕЗНАКОМЫЙ ГОСПОДИН. Господин Ицо – хороший актер?

СЛАВЕЙКОВ. Ну, конечно.

НЕЗНАКОМЫЙ ГОСПОДИН. Тогда почему вы его выгнали с работы?

СЛАВЕЙКОВ. Господа, никого я с работы не выгонял. Это только черновой вариант.

НЕЗНАКОМЫЙ ГОСПОДИН. Если вы даже про Ицо ничего толком не знаете, откуда такая уверенность, что царь Симеон был высокого роста?

СЛАВЕЙКОВ. Но это же исторический факт.

Незнакомый господин подает сигнал советнику.

СОВЕТНИК. В девятой главе своей «Поэтики» Аристотель, говоря о различии между историей и поэзией, пишет, цитирую: «... задача поэта – говорить не о действительно случившемся, а о том, что могло бы случиться, следовательно, о возможном по вероятности или по необходимости». Кавычки закрываются. Чуть ниже говорится, цитирую: «Поэтому поэзия философичнее и серьезнее истории, поэзия говорит более об общем, история – о единичном»¹. Конец цитаты.

СЛАВЕЙКОВ (*Советнику*). Вы кто?

---

¹ Перевод В. Апфельрота.

СОВЕТНИК. Советник по вопросам драматургии.
НЕЗНАКОМЫЙ ГОСПОДИН. Даже кофе не угостили. *(Встают).*

СЛАВЕЙКОВ. Я предложил, вы не захотели.

НЕЗНАКОМЫЙ ГОСПОДИН. Я ничего не забываю.
Ицо, твоим привет. *(Выходят).*

СЛАВЕЙКОВ. Я предлагал им кофе. Вы все свидетели, что я предлагал кофе. Скажите, правда ведь, предлагал?

ИЦО. Когда начинаются репетиции?

СЛАВЕЙКОВ. Господин Ицо, прошу вас, скажите, я предлагал им кофе?

ИЦО. Не волнуйтесь, господин Славейков. Мы обо всем сумеем договориться.

8. Встреча

Декорации представляют скалы, густой лес и родник около озера. Входит молодая героиня Неда.

НЕДА. Любезные дамы и господа, уважаемая публика, только для вас, здесь и сейчас, в первый и последний раз, без предупреждения, но не без вдохновения, гастрوليрующая труппа Войдана Чернодринского «Скорбь и утешение» проведет открытую репетицию неизвестной версии пьесы в стихах «Встреча», о борьбе за политическое освобождение от турецкого ига. Мы вам заранее благодарны за ваше внимание и аплодисменты, которых эта тема, несомненно, заслуживает сама по себе, а их небольшую часть усердно постараемся заработать и мы, скромные любители театра.

Кланяется. Пауза. Входит в образ. Умывается, наполняет кувшины водой, смотрит на восток. Последующий текст поется и декламируется.

НЕДА.

Гой еси ты, солнце, Божье око,
Каждый день ты даришь нас весельем,
Каждый вечер даришь нас улыбкой,
Вкруг тебя весь Божий мир вертится.
Я же, бедная, несчастная сиротка

Днем и ночью, солнце, горько плачу,
Горько плачу, жалостно кручинюсь
О моем ли о сердечном друге,
О пилоте Цветко, моем милком.
Уж полгода весточки все нету
Жив он, солнце, иль сошел в могилу!
Ты скажи мне, солнце, Божье око,
Где же Цветко, где мой друг сердечный?

На небольшом аэроплане спускается Цветко. На нем летный шлем и очки. Неда его не замечает.

ЦВЕТКО.

Не печалься, не тужи напрасно.
Скоро, Неда, ты его увидишь.

НЕДА.

Чу, мне голос слышен незнакомый,
От греха уйти мне лучше сразу.

ЦВЕТКО (*притворно*).

Девушка-красавица, Бог в помощь!

НЕДА.

И тебе дай Боже, чужестранец!

ЦВЕТКО.

Что ты, девушка, так рано встала?

Что так по воду пошла далёко?

Аль колодца нет у вас в деревне?

НЕДА.

Как не быть колодцу, чужестранец,

Но недавно турки-басурмане

Испоганили колодец, осквернили,

Кровью христианской оросили.

Хочет уйти с кувшинами.

ЦВЕТКО.

Ты почто так, Неда, поспешаешь?

Ты почто не хочешь молвить слова?

НЕДА.

Что ты, чужестранец, бог с тобою,

Не о чем с тобой вести мне речи!

ЦВЕТКО.

Повести мы, Неда, можем речи

О твоём ли, Неда, ясном взоре,

О твоих ли, Неда, белых персях,

О твоих ли, Неда, черных косах,

О твоих очах, что солнца ярче,

О твоих устах, что меда слаще.

НЕДА.

Видно, потерял совсем ты разум,

Коль дерзнул сказать слова такие.

Если их мой суженый услышит,

Худо тебе будет, чужестранец.

ЦВЕТКО *(подходя ближе)*.

А скажи мне, Неда, без утайки:

Кабы милого ты увидала,

Ты его бы, девица, узнала?

НЕДА.

Ну, какие могут быть сомненья?

Я бы вмиг любезного признала:

У него есть родинка у локтя.

ЦВЕТКО *(показывая родинку на руке)*.

Ах, ты, Неда, верная подруга,

Глянь на эту родинку у локтя

И узнай во мне ты друга сердца,

Горемычного пилота Цветко.

НЕДА.

Я узнала, о, красавец Цветко,

Ты мой суженый, ты мой желанный,

Первая любовь души невинной,
Сердца моего и жизни радость.

Обнимаются. Идут к аэроплану. Летят над озером.

ОБА ВМЕСТЕ.

Мы с тобой три года не видались,
Друг от друга были так далёко.
Но теперь мы снова с милым вместе
В радостных объятиях застыли.
Друг сердечный, сладко быть любимым,
Мы до смерти будем неразлучны.

ЦВЕТКО.

Что там, Неда, погляди туда?!

НЕДА.

Турки-нехристи идут сюда!

ЦВЕТКО.

Гонятся за нами, там их тучи!

НЕДА.

Убежим от смерти неминучей!

ЦВЕТКО.

Что ты говоришь, моя зазноба,
Я вернулся, чтобы с ними биться,
Мне от них скрываться не годится.

НЕДА.

Вон они, идут сюда гурьбою,
Схватят, друг мой милый, нас с тобою.

ЦВЕТКО.

Пусть идут, пускай скорей подходят.
Скажем туркам: здесь погибель ваша,
Вам домой живым не воротиться!
Ты ж не бойся, Неда, не пугайся.

С противоположной стороны в одноместном аэроплане
появляется Джафер-ага. Перед ним пулемет.

ДЖАФЕР-АГА.

А тебя, проклятая сквернавка,
За потворство мерзостным гяурам
На куски я саблей порубаю.

НЕДА. Джафер-ага!

ЦВЕТКО.

Ой, ты, Неда, верная подруга,
Первая любовь пилота Цветко,
Отодвинься, Неда, чуть в сторонку.
Ну, теперь держись ты, пес турецкий,
Сломишь шею в сшибке молодецкой.

Начинается жестокое воздушное сражение над озером.
Аэроплан Джафера подбит и падает.

ДЖАФЕР-АГА.

О, Аллах, Аллах, что с миром стало,
Головы гяуры поднимают,
Против нас и взрослые, и дети!

ЦВЕТКО И НЕДА.

Эй, поганцы, грязные собаки,
Македонцы бьются за свободу
И крушат гнилое ваше царство.

Пауза. Действие останавливается. Все смотрят в сторону
в темноту. Пауза.

ДЖАФЕР-АГА. На нас кто-то смотрит. *(Пауза).*

НЕДА. Эй, ты! *(Пауза).*

ЦВЕТКО. Выходи! *(Пауза).*

ДЖАФЕР-АГА. Кто это?

НЕДА. Придется закончить!

ЦВЕТКО. Кто там есть?

Все напряженно смотрят в темноту.

9. Посещение Суботицы

Комнатка в маленькой квартире. В углу сидит старуха. Каталина, венгерская еврейка лет сорока, нервничая, ждет. Звонок в дверь. Каталина открывает. Там стоит Александр, лысеющий сорокалетний мужчина с брюшком.

АЛЕКСАНДР. Каталина.

КАТАЛИНА. Александр.

Александр входит. Они смотрят друг на друга.

КАТАЛИНА. Легко нашел?

АЛЕКСАНДР. Да.

КАТАЛИНА. Садись.

АЛЕКСАНДР *(садится. Смотрит на старуху. Пауза)*. Так странно. Двадцать лет прошло.

КАТАЛИНА. Если не больше.

АЛЕКСАНДР. Если не больше.

КАТАЛИНА. Хочешь что-нибудь выпить?

АЛЕКСАНДР. Я знаю, что у тебя дела. Как ты?

КАТАЛИНА. А ты?

АЛЕКСАНДР. Да так. Я в Суботице случайно. В командировке. Я теперь коммивояжер. У меня маленькая фирма. Экспорт-импорт. Надо же на что-то жить. Я много лет проработал в просвещении. Там ничего не зарабо-

таешь. Сейчас чуть получше, но до беззаботной жизни далеко. Работаю 24 часа в сутки, семь дней в неделю. (Пауза). Рад тебя видеть. Семья есть?

КАТАЛИНА. Да.

АЛЕКСАНДР. Дети?

КАТАЛИНА. Трое.

АЛЕКСАНДР. Дай бог им здоровья. А у меня двое. Два сына.

КАТАЛИНА. У меня три дочери. (Пауза). Прости, что не смогла принять тебя дома. Муж бы не понял. Это квартира одной моей приятельницы. А это ее мать.

АЛЕКСАНДР. Я надеялся, что мы сможем пойти куда-нибудь пообедать.

КАТАЛИНА. Это непросто. Городок маленький.

АЛЕКСАНДР. Тогда я сразу поеду обратно. Я на машине. (Пауза). Мне кажется, что они все еще в Дубровнике.

КАТАЛИНА. Кто?

АЛЕКСАНДР. Они. Каталина и Александр двадцатилетней давности.

КАТАЛИНА. Александр и Каталина. Едят зубатку и пьют херес.

АЛЕКСАНДР. Хотя херес не пьют под рыбу. (Смеются. Пауза).

КАТАЛИНА. Они пахнут кипарисом.купаются нагишом в полнолуние. (Пауза).

АЛЕКСАНДР. У меня теперь нет волос, зато есть живот. (Пауза). А что с книгой, которую я тебе дал?

КАТАЛИНА. С книгой?

АЛЕКСАНДР. Пьесы Чернодринского. Ты обещала, что выучишь македонский и переведешь их на венгерский.

КАТАЛИНА. Не помню.

АЛЕКСАНДР (пауза. Тишина). Очень приятно было с тобой повидаться. В прошлом году переезжал. Нашел

твои письма. И сказал себе, буду как-нибудь проездом в Суботице, позвоню. Позвонил, а там другие люди, говорят, номер изменился. Не знал, здесь ли ты еще.

КАТАЛИНА. Где же мне быть?

АЛЕКСАНДР. Может, не надо мне было приезжать. *(Пауза. Тишина. Александр смотрит на старуху)*. Ну, ладно. Я уж поеду потихоньку. Впереди долгий путь. *(Пауза)*. Если ты будешь случайно на юге...

Прощаются. Коротко и неловко обнимаются. Александр быстро выходит. Пауза. Каталина садится. Смотрит перед собой. Старуха приносит и кладет перед ней книгу и стопку исписанных листов.

СТАРУХА *(по-венгерски)*. Чернодринский. «Македонская кровавая свадьба». Почему ты не показала ему перевод? *(Пауза)*. Это был он?

КАТАЛИНА. Нет.

СТАРУХА. Не нужно было его отпускать. Ты ждала столько лет, тебе надо было просто прижать его к сердцу. *(Берет листы и читает по-венгерски)*.

КАТАЛИНА. Перестань. *(Пауза)*. Прошу тебя. *(Пауза)*. Мама.

Звонит звонок. Каталина открывает. В дверях стоит Александр.

АЛЕКСАНДР. Я приехал в Суботицу не в командировку, а только чтобы с тобой повидаться.

КАТАЛИНА. Это квартира не приятельницы, а моя. И это моя мать, а не ее.

АЛЕКСАНДР. Я не женат, и у меня нет двух сыновей.

КАТАЛИНА. Я не замужем, и у меня нет трех дочерей.

АЛЕКСАНДР. Я хочу тебя кое о чем спросить.

КАТАЛИНА. Я отвечу «да».

Александр достает кольцо. Надевает его на палец Каталине.
Они обнимаются.

СТАРУХА. Вы даром потратили столько лет. Устали от долгого ожидания. Теперь вы должны любить друг друга сильнее, чем обычные люди.

10. Что происходило ранним утром после свадьбы

Городская улица, зима 1902 года. Ночь.

Играют три музыканта. Впереди идут посаженный отец, трактирщик, жена посаженного отца и учитель музыки в пальто, наброшенном на пижаму. Посажённый отец поёт отрывок из народной песни с руладами.

ТРАКТИРЩИК. Господа!

ПОСАЖЁННЫЙ ОТЕЦ (*жене*). Прости в последний раз, душа моя.

ЖЕНА. Не желаю больше тебя прощать. Не могу больше тебя прощать. Сил моих больше нет прощать. Моя любовь растаяла, как прошлогодний снег.

ТРАКТИРЩИК. Господа, прошу вас.

ПОСАЖЁННЫЙ ОТЕЦ. Я больше не употребляю, провалиться мне на этом самом месте, если до конца гастролей еще хоть раз напьюсь.

ЖЕНА. Ты так говорил, когда мы были в Святом Враче, и напился, так говорил в Неврокопе, и опять напился, так говорил в Симитли и все равно напился, так же говорил в Брежани, Разлоге и Банско и напился. Ты так же будешь говорить и в Мелнике, и в Доспате, и в Ковачевице, и в Якоруде, и в Горной Джумайе.

ПОСАЖЁННЫЙ ОТЕЦ. А это, учитель? Это что такое?

УЧИТЕЛЬ. Это просто восторг. Каденция. Музыкальное украшение, состоящее в быстром чередовании зву-

ков определенной высоты с наложением на них диатонического полутона. Часто встречается в наших песнях.

ПОСАЖЕННЫЙ ОТЕЦ. Видишь, мамочка, наука всему названия придумала.

ТРАКТИРЩИК. Прошу вас, господа, больше не могу, весь город исходили. Рассвет скоро.

ПОСАЖЕННЫЙ ОТЕЦ. Какой же ты, брат, надоедливый. Ты чего хочешь?

ТРАКТИРЩИК. Чтобы вы за свадьбу заплатили.

ПОСАЖЕННЫЙ ОТЕЦ. Это можно. А ну, скажи еще раз, почему именно я должен платить.

ТРАКТИРЩИК. Потому что вы – посаженный отец.

ПОСАЖЕННЫЙ ОТЕЦ. Это правда. А давай-ка еще разок послушаем, почему мне выпала такая честь – быть посаженным отцом?

ТРАКТИРЩИК. Потому что молодожен Чернодринский вас больше всех любит и почитает. И доверяет вам больше всех. Он вам сказал: все хлопоты по свадьбе я возлагаю на тебя. А вы ему сказали: можешь ни о чем не беспокоиться.

ПОСАЖЕННЫЙ ОТЕЦ. Молодец. Выучил. Играйте.

Музыканты играют.

ТРАКТИРЩИК. Прошу вас, подождите. Давайте сначала рассчитаемся.

ПОСАЖЕННЫЙ ОТЕЦ. Ты что, сомневаешься, что тебе заплатят?

ТРАКТИРЩИК. Нет, господин. Сто раз вам говорил. Просто хочу пойти домой поспать, у меня семья.

ПОСАЖЕННЫЙ ОТЕЦ. Ну, так и иди, брат. Завтра тоже день будет.

ТРАКТИРЩИК. Где же я вас утром найду?

ПОСАЖЕННЫЙ ОТЕЦ. Мы сами тебя найдем.

ТРАКТИРЩИК. Вы на гастролях. Македонская драматическая труппа: «Скорбь и утешение». Завтра утром вы уезжаете.

ПОСАЖЕННЫЙ ОТЕЦ (*пауза*). Знаешь, ты прав. Читай счет.

Трактирщик быстро вытаскивает счет.

ПОСАЖЕННЫЙ ОТЕЦ. Как у тебя руки трясутся.

ТРАКТИРЩИК. В третий раз начинаю. А вы меня всё никак не дослушаете.

ПОСАЖЕННЫЙ ОТЕЦ. Очень уж ты читаешь нудно. Читай маленько повеселее.

ТРАКТИРЩИК. Четыре жареных барашка. Шестьдесят пять литров вина. Семь бутылей водки. Салаты. Хлеб.

ПОСАЖЕННЫЙ ОТЕЦ. Все равно плохо. Внеси в текст что-нибудь свое. Четыре жареных барашка. А где интонация? Где логическое ударение? Ну, ладно. И сколько всего?

ТРАКТИРЩИК. Сто семьдесят левов.

ПОСАЖЕННЫЙ ОТЕЦ. Сколько?

ТРАКТИРЩИК. Сто семьдесят левов.

ПОСАЖЕННЫЙ ОТЕЦ. Слишком много, брат. (*Музыкантам*). Играйте.

ТРАКТИРЩИК. Вы самый обыкновенный пьяница.

ЖЕНА. Кто пьяница? Да вы понимаете, как тяжело ему выходить к публике в роли отрицательного персонажа? На него тарашится этот тысячеглазый дракон и хочет разорвать его на куски. На него смотрят, как на мерзкого поработителя, попирающего права народа, а он пылает патриотизмом. Сердце требует одного, профессия требует другого, а все вместе требуют водки. Какое из них его настоящее «я»? Только алкоголь может ему подсказать. Даже мне это понятно.

ПОСАЖЕННЫЙ ОТЕЦ. Верная моя подруга. Ты, которая нежно держит меня в руках. Не дай мне упасть.

Музыканты играют народную песню.

ПОСАЖЕННЫЙ ОТЕЦ. Учитель, а это что?

УЧИТЕЛЬ. Импровизация с модуляцией. Перемена ключа. Имеется три вида модуляций. Диатоническая, хроматическая и энгармоническая.

ПОСАЖЕННЫЙ ОТЕЦ. А почему она мне нравится?

УЧИТЕЛЬ. Наука бессильна объяснить этот феномен.

ПОСАЖЕННЫЙ ОТЕЦ. Вот это я и хотел услышать. *(Дает ему несколько купюр).* Хватит?

УЧИТЕЛЬ. Это три моих оклада.

ПОСАЖЕННЫЙ ОТЕЦ. Не сердитесь, что разбудили вас среди ночи?

УЧИТЕЛЬ. Можете будить, когда заблагорассудится.

ПОСАЖЕННЫЙ ОТЕЦ. Господа, пришло время расплатиться по счетам с господином трактирщиком. Мы должны ему сто семьдесят левов. Думаю, он заслужил еще тридцать левов на чай. *(Трактирщику).* У вас есть особые желания, или можно что-нибудь из обычного репертуара?

ТРАКТИРЩИК. Про что это вы?

ПОСАЖЕННЫЙ ОТЕЦ. Про спектакль!

ТРАКТИРЩИК. Какой спектакль?

ПОСАЖЕННЫЙ ОТЕЦ. За 200 левов.

ТРАКТИРЩИК. Я сейчас полицию позову. В суд на вас подам. *(Хватается в отчаянии за голову).*

ПОСАЖЕННЫЙ ОТЕЦ. Шиллер! *(Музыка играет туш. Посаженный отец читает монолог из «Разбойников» Шиллера под подходящую драматичную музыку. Его жена поет печальную песню).* «Моя невинность! О, моя невинность! Смотрите! Все вокруг греется в мирных лучах весеннего сол-

нца! Почему лишь мне одному впивать ад из всех радостей, даруемых небом? Все счастливо крутом, все сроднил этот мирный дух! Вселенная – одна семья, и один отец там, наверху! Отец, но не мне отец! Я один отвержен, один изгнан из среды праведных! Сладостное имя “дитя” – мне его не услышать! Никогда, никогда не почувствовать томного взгляда любимой, объятий верного друга! Никогда! Никогда! *(С ужасом отшатывается)*. Среди убийц, среди шипения гадов, железными цепями прикованный к греху, по шаткой жерди порока бреду я к гибели – Абадонна, рыдающий среди цветения счастливого мира!»¹

ТРАКТИРЩИК *(заливается слезами. Посаженный отец с удивлением смотрит на него)*. За сердце хватает. Какие слова! Какие мысли! Да еще моя любимая песня! *(Плачет)*. Не надо. Хватит. Больше не могу.

Трактирщик достает деньги. Сует их жене посаженного отца за пазуху.

ЖЕНА *(возвращает ему деньги)*. Это мы вам платим, господин. Кроме того, мы люди искусства.

ТРАКТИРЩИК. Вы уже заплатили, господа. Кроме того, это вам за искусство.

Жена сует деньги обратно за пазуху.

ТРАКТИРЩИК. Братья, можно от чистого сердца пригласить вас в мой скромный трактир, чтобы пропустить еще по одной и выпить кофе.

ПОСАЖЕННЫЙ ОТЕЦ. Да нет, это уж чересчур. Мы вас и так задержали. У вас семья.

ТРАКТИРЩИК. Прошу вас, господа, не отказывайте мне в такой торжественный миг моей жизни.

---

¹ Монолог Карла Моора. Перевод Н. Ман.

ПОСАЖЕННЫЙ ОТЕЦ. Я всю жизнь в театре, но до этого утра не испытывал власти музыки Талии.

ТРАКТИРЩИК. Завтра Святой Трифон, день выпивох, пойдемте вместе на виноградник лозу обрезать. Откопаем бочонок двадцатилетней выдержки, только я знаю, где он закопан.

УЧИТЕЛЬ. Хотя у меня и язва двенадцатиперстной, но отказаться не могу.

ТРАКТИРЩИК. Пойдемте позовем всю честную компанию. И молодых тоже.

ПОСАЖЕННЫЙ ОТЕЦ. Мы идем к тебе, Чернодринский! Идем к вам, братья и друзья, трагические герои, драматические образы, комические типы и характерные статисты. А вам, добропорядочные граждане, спящие мирным сном, пусть вам приснится мы, грезящие наяву! Мы, в чьих сердцах горит мечта о новом мире, которая когда-нибудь станет явью!

11. Случай с Белодринским

Хижина в горах. Два чрезвычайно серьезных господина в длинных пальто и их посредник.

ПЕРВЫЙ ИНКОГНИТО. Опаздывает.

ПОСРЕДНИК. Придет.

ПЕРВЫЙ ИНКОГНИТО. Я просто не люблю, когда опаздывают.

ВТОРОЙ ИНКОГНИТО. Я тоже.

ПОСРЕДНИК. Не переживайте. Он знает про конспирацию. *(Пауза. Тишина).*

ПЕРВЫЙ ИНКОГНИТО. Тсс! *(Прислушиваются. Все вынимают револьверы. Пауза. Суют револьверы обратно).* Повтори задание.

ВТОРОЙ ИНКОГНИТО. Я хотел сказать то же самое.

ПОСРЕДНИК. Обеспечены кров и еда на две недели. И бумага с чернилами. Я даю Чернодринскому аванс. Передаю ему материалы, по которым надо написать пьесу. Жить будем вместе. Он пишет. Я буду руководить работой и редактировать готовые сцены.

ВТОРОЙ ИНКОГНИТО. Он поймет политическое значение?

ПЕРВЫЙ ИНКОГНИТО. Сумеет уловить нюансы? Представить нас победителями?

ВТОРОЙ ИНКОГНИТО. Если...

ПЕРВЫЙ ИНКОГНИТО. Умными?

ВТОРОЙ ИНКОГНИТО. Если узнаем...

ПЕРВЫЙ ИНКОГНИТО. Храбрыми?

ВТОРОЙ ИНКОГНИТО. Если узнаем, что...

ПЕРВЫЙ ИНКОГНИТО. Могу я хоть что-нибудь сказать, чтобы меня не перебивали?

ВТОРОЙ ИНКОГНИТО. А я?

ПОСРЕДНИК. Он знает, в чем цель его ремесла и искусства вообще. Народ будет смотреть эту трагедию, рыдать и прославлять ваши заслуги.

ПЕРВЫЙ ИНКОГНИТО. Достоин он такой задачи?

ПОСРЕДНИК. Он честный человек и семьянин, отец троих детей. Аккуратно платит нам процент со всех доходов. Понимает ход истории, симпатизирует нашему делу, язык не распускает, держит себя с достоинством.

Слышатся шаги. Все трое вытаскивают револьверы.

Входит подчеркнуто женоподобный мужчина.

БЕЛОДРИНСКИЙ. Ой, револьверы!

ПОСРЕДНИК. Вы кто?

БЕЛОДРИНСКИЙ. Добрый вечер.

ПОСРЕДНИК. Что вам здесь надо?

БЕЛОДРИНСКИЙ. Вы сами меня пригласили.

ПОСРЕДНИК. Это какая-то путаница.

БЕЛОДРИНСКИЙ. Ясно, путаница! Ах, как все мы рады путанице. Путаница делает нашу жизнь невероятно увлекательной. Представьте себе жизнь без путаницы – такая пустота.

ПЕРВЫЙ ИНКОГНИТО. Вы писатель?

БЕЛОДРИНСКИЙ. Да, писатель. Разве я не похож на писателя? Для меня драма – это не страдания, слезы и пот. Для меня она – легкая игра воображения. Вариация на самые воздушные темы. Зов удачи.

ПОСРЕДНИК. Господа, это недоразумение.

ПЕРВЫЙ ИНКОГНИТО. Что вы для нас напишете?

БЕЛОДРИНСКИЙ. Как договоримся, господа. Как договоримся. Что-нибудь эдакое, с клубничкой. Пикантное. Любовная интрижка. Легкое надувательство. Она думает, что он умный, честный и храбрый, а он оказывается тряпкой и дрянью.

ПОСРЕДНИК. Вы Чернодринский?

БЕЛОДРИНСКИЙ (*плачет*). Ах, нет, нет и нет!

ПОСРЕДНИК. Что с вами?

БЕЛОДРИНСКИЙ. О, это имя! Постоянно это имя! Это становится невыносимым. Ни одного заказа за три месяца. Я должен платить за квартиру, отопление, нижнее белье. Знаете, почему нынче шелк? Не упоминайте при мне это имя. Куда ни сунься, везде меня пугают с конкурентом. Чернодринский – по части трагедий, а мое дело – комедии. Я – Белодринский.

Первый и второй инкогнито наставляют револьверы на посредника.

ПОСРЕДНИК. Господа, я вам все сумею объяснить.
(*Пауза*). Господа, я вам ничего не сумею объяснить.

12. Литературный кружок сюрреалистов и дадаистов

Париж, 1920 год. Ресторан со стеклянными стенами на Эйфелевой башне. Тристан Тцара и молодая македонка Руса ждут прихода Андре Бретона на заседание литературного кружка сюрреалистов и дадаистов. Тцара пьет шампанское. Руса – его секретарша и стенографистка, одета в мужской костюм.

ТЦАРА. Взгляните на Париж с высоты Эйфелевой башни, дорогая госпожа Руса, моя балканская дева.

РУСА. Господин Тцара, если вы еще раз мне напомните, что мы находимся на такой высоте, я вам двину между ног. Вы же знаете, что у меня бывают сильные головокружения.

ТЦАРА. Позвольте порадоваться вашей беде.

РУСА. Как вас может так веселить страшная бессмыслица жизни?

ТЦАРА. Я не поэт, а одно недоразумение. Наш кружок дышит на ладан. Бретон вот-вот будет, а у меня нет ничего написанного, ничего задуманного. Я пуст, как выжатый лимон, а он наверняка принесет с десяток новых стихотворений. Он лучше меня как поэт.

РУСА. Не лучше.

ТЦАРА. За это я вам и плачу, чтобы вы меня убеждали, что я лучше. Хотя вы сами знаете, что это не так.

РУСА. Я – бедная провинциалка, заблудившаяся в городе света. Хватит пьянствовать. Если нужно что-нибудь записать, диктуйте, если нет, отпустите меня.

ТЦАРА. Пишите. (*Пауза. Безрезультатные творческие потуги*). Помогите мне, госпожа Руса. Не пишется. Дайте мне какое-нибудь слово.

РУСА. Ходжа.

ТЦАРА. Вы мне однажды это слово уже говорили. Я его вставил в стихотворение: химерические хамелеоны художники, хронологически хроматизированные хиромантами холиста ходжи.

РУСА. Что-то смутно припоминаю.

ТЦАРА. Найдите мне слово, которого я еще не слышал. Мне необходимо вдохновение. Дайте, я укушу вас за ухо.

РУСА. Я вчера вам давала укусить.

ТЦАРА. Дайте еще.

РУСА. Дайте лучше денег! Сколько месяцев вы мне уже не платите?

ТЦАРА. Слово, Руса, слово!

Руса вынимает из сумки лист бумаги. Подает ему.

ТЦАРА (*читает*).

«Аты баты, аты баты,

Оседлай коня из золота.

И на Велью поскачи,

Там есть копья и мечи.

Там султан сидит всех выше,

А русалка письма пишет

Перышком орлиным,

Крылышком куриным.

А еще со мной Иван,

У него на лбу семь ран.

Он пуляет из ружья,
Пока патроны не кончатся».
(Пауза). Чье это?

РУСА. Мое.

ТЦАРА. Это гениально.

РУСА. Благодарю.

ТЦАРА. Совершеннейшая бессмыслица. Суть моего замысла. Одолжите мне его. Продайте. 100 франков. Я сказал 100? Я имел в виду 150. Бретон позеленеет от зависти.

«Аты баты, аты баты,
Оседлай коня из золота.
И на Велью поскачи,
Там есть копья и мечи.
Там султан сидит всех выше,
А русалка письма пишет...»

Входит Бретон.

БРЕТОН. Уже начали?

ТЦАРА. Ждем вас с нетерпением.

БРЕТОН. Вы протрезвели, дадаист Тцара? Вчера вечером я оставил вас вдрызг пьяного под мостом около собора Нотр-Дам. Ваша печень гораздо крепче ваших поэтических сочинений.

ТЦАРА. В моих творческих глубинах царит полное спокойствие, сюрреалист Бретон. В похмельном состоянии я написал кристальное стихотворение. Бриллиант без огранки.

БРЕТОН. Не поверю, пока не смогу убедиться сам. Давайте, послушаем.

ТЦАРА. Только после вас.

БРЕТОН (вынимает из кармана лист бумаги). Набросал горстку новых стихов, рожденных, некоторым образом, космополитическим духом города Парижа, Франция,

в котором, как известно, я родился. Не знаю, насколько они будут близки вам, Тцара, который родом, как известно, из Мойнешти, Румыния, и вам, госпожа Руса, которая, как известно, родом... откуда там вы родом. *(Читает).*

«Аты баты, аты баты,
Оседлай коня из злата.
И на Велью поскачи,
Там есть копья и мечи.
Там султан сидит всех выше,
А русалка письма пишет
Перышком орлиным,
Крылышком куриным.
А еще со мной Иван,
У него на лбу семь ран.
Он пуляет из ружья,
Пока патроны не кончатся».

ТЦАРА *(показывает стихотворение Бретону)*. Плагиат.

РУСА *(Бретону, который огорченно смотрит на нее)*. Вы переписали стихотворение из этого письма, которое пришло сегодня утром. *(Вынимает большой конверт)*. Я увидела, что оно из моих краев и открыла. Не выдержало сердце молодецкое, хоть и женское. Я тоже играю в свою игру.

ТЦАРА. Какое письмо?

РУСА. Один мой соотечественник просит напечатать это в вашем журнале.

ТЦАРА. Как его звать?

РУСА. Чернотинский.

ТЦАРА. Вот это имя! У всех имена лучше, чем у меня. А что он прислал?

РУСА. Пьесу.

ТЦАРА. Невозможно! Мы не печатаем пьес. Мы не-навидим пьесы.

Бросает листки в окно.

РУСА. Ох, боже мой.

Руса бежит за листками. Подбегает к окну. Смотрит в бездну. Теряет равновесие. Падает с верха Эйфелевой башни. Тцара и Бретон подходят к окну. Смотрят вниз.

БРЕТОН. Руса!

ТЦАРА. Дорогая.

БРЕТОН. Невероятно.

ТЦАРА. Она схватила листки на лету.

БРЕТОН. Не падает.

ТЦАРА. Парит в воздухе.

БРЕТОН. Поднимается ввысь.

ТЦАРА. Выше.

БРЕТОН. Еще выше.

ТЦАРА. Пропадает в вышине.

БРЕТОН. Опишите это в стихотворении.

ТЦАРА. Чудеса происходят вокруг нас, а мы их не замечаем.

БРЕТОН. Прощайте, Руса. Передайте привет неизвестному поэту!

ТЦАРА. Там, откуда вы родом. Там, куда вы летите.

13. Пикник в покинутой деревне Сельцы

Покинутая деревня с разрушенными домами. На развалинах сидят одетые не вполне по-городскому Жан и Элица и едят. Рядом стоит небольшой мотоцикл.

ЭЛИЦА. Жан! (*Смотрит на нож*). Погляди! (*Жан смотрит на нее*). Нож тяжелый, как гиря. Что-то его вниз тянет. (*Жан пробует. Кивает*). Из-за чего это?

ЖАН. Магнетизм. (*Пауза. Элица смотрит на него*). Под землей есть железная руда. Дождь идет. Магнетизм усиливается. Природное явление. (*Доедает. Закуривает*).

ЭЛИЦА. Ты что-то не в духе. (*Пауза*). Не веришь мне. (*Пауза*). Что ты у меня второй. Хочешь еще баклажанной икры? (*Жан мотает головой, отказываясь*). Вкусная была? (*Кивает*). Сама делала.

ЖАН. Забудь прошлую жизнь, Элица. Мать, отца, подругу, приданое и баклажанную икру. Мы отправляемся в джунгли городов. Ты автоматически становишься другой личностью. Эстрада становится твоим вторым «я».

ЭЛИЦА. Значит, эстрада для меня готова, только готова ли я для эстрады?

ЖАН (*показывает на свой нос*). Когда я кого-то выбираю для раскрутки, я всегда выбираю наверняка. Назови это третьим глазом, интуицией, телепатией или попросту нюхом, это все равно. У меня нет времени на ошибки.

ЭЛИЦА. Я не умею петь.

ЖАН. Бесспорно, но это не проблема.

ЭЛИЦА. А что я буду делать, если не петь?

ЖАН. Возможностей великое множество.

ЭЛИЦА. Ты, случаем, не думаешь о... (*Жан смотрит на нее*). ... ну, об этом... (*Жан смотрит на нее*).

ЖАН. Ну, спасибо, Элица. Большое тебе спасибо. Я что, похож на сводника? Если ты считаешь, что похож, давай расстанемся сразу, здесь и сейчас. Чтобы время попусту не тратить. Будем играть, раскрыв карты.

ЭЛИЦА. Я не имела в виду ничего плохого. Хотела только сказать, раз нужно, значит нужно. Сказав «а», надо сказать и «б».

ЖАН. Мне нравится твое чувство реальности.

ЭЛИЦА. А все-таки в долгие ночные часы мне недостает журчания деревенского ручейка, запаха лип деревенской весной, веселого деревенского ржания деревенских жеребят, пасущихся на деревенских лугах.

ЖАН. Представь себе, что однажды ты на «Мерседесе» вернешься в деревню и построишь там больницу с физиотерапией. Пусть эта надежда поддерживает тебя в жизни.

ЭЛИЦА. Ты умеешь привести меня в хорошее настроение.

ЖАН. А ты меня? А ты его? А ты их?

Элица сначала скромно, потом все смелее демонстрирует свой репертуар техники соблазнения. Жан оценивающе смотрит на нее. Входит какой-то сомнительный небритый тип во фраке. В руках у него футляр от скрипки. Он смотрит на Элицу. Она смотрит на него.

ЧЕЛОВЕК ВО ФРАКЕ. Ты, курва, не мостись, меня не заведешь, времена сейчас суровые, ответственность велика, я на посту, а вы кто такие?

ЖАН. На каком еще посту?

ЧЕЛОВЕК ВО ФРАКЕ. Отвечайте, вопросы задаю я, предъявите документы, куда направляетесь?

ЖАН. В город. Остановились немного передохнуть.

ЧЕЛОВЕК ВО ФРАКЕ. Так вы здесь, именно здесь остановились передохнуть? Как бы случайно, так, мол, получилось, и вы хотите, чтобы я вам поверил, вы же, черт побери, не настолько наивны, не дети, в конце концов, здесь когда-то была деревня Сельцы, сейчас она заброшена, а вы сидите на фундаменте дома. *(Пауза. Они смотрят, где сидят).* Здесь родился Чернодринский. *(Жан и Элица смотрят непонимающе).* Не знали, да? Сначала послушайте, я по образованию скрипач, а работы нет, я безработный скрипач, лабух, не зря меня звали Паганини, которому воткнули в спину двенадцать ножей.

ЖАН. Падение коммунизма – это всемирный процесс, оказавший влияние на всех нас.

ЭЛИЦА. Здесь есть магнетизм.

ЧЕЛОВЕК ВО ФРАКЕ. Вы думаете, это магнетизм?

ЭЛИЦА. Что?

ЧЕЛОВЕК ВО ФРАКЕ. Вы думаете, это магнетизм?

ЭЛИЦА. Вы нам что-нибудь сыграете?

ЧЕЛОВЕК ВО ФРАКЕ. Лучше не надо.

ЭЛИЦА. Не настроена?

ЧЕЛОВЕК ВО ФРАКЕ. Настроена, настроена. Настроена и отлажена. «Чернодринский возвращается домой», спектакль, в театре, видели?

ЖАН. Мы по театрам редко ходим.

ЧЕЛОВЕК ВО ФРАКЕ. Ваше счастье, у нас списки составлены, всех, кто ходил, всех зрителей. Всех... *(Делает рукой жест, как будто перерезает горло).* Автора, режиссера, артистов вместе с родственниками до третьего колена. *(Тот же жест).* Включая тех, кто у них на свадьбе плясал. *(Тот же жест).*

ЖАН. Почему?

ЧЕЛОВЕК ВО ФРАКЕ. «Кто спрашивает, не знает, кто знает, не спрашивает», статья четвертая, общая теория защиты его самого и его творчества, мы ударная группа, карательная дивизия имени Чернодринского, раньше они нас мочили, теперь мы их будем, против нас вам никак, для вас будет лучше нам помочь, на этом этапе нашего развития нам потребуются такие люди, как вы, но сперва вас надо проверить, ты играть умеешь? *(Дает скрипку Жану)*. Ничего, научишься. Пошли в банк!

ЖАН. В банк?

ЧЕЛОВЕК ВО ФРАКЕ. Будем там твою шкуру спасать. *(Садится на мотоцикл)*. Троим места не хватит, мы потихоньку поедem, а ты сзади беги.

Элица садится позади него. Человек пытается завести мотоцикл, но тот не трогается.

ЧЕЛОВЕК ВО ФРАКЕ. Не хочет ехать.

ЭЛИЦА. Магнетизм.

ЖАН. Значит, мотоцикл навсегда останется здесь в этой пустыне?

ЧЕЛОВЕК ВО ФРАКЕ *(падает на колени. Шепчет, пригнувшись к земле)*. Чернодринский, отпусти нас, дай нам уехать.

14. Скажи, почто меня оставил

Маленькая, душная, неприбранная комната в гостинице на берегу Охридского озера. Входят Георгий и Марина. У Георгия в руках саксофон. Он включает свет. Она с любопытством разглядывает комнату. Он смотрит на нее. Закуривает. Пауза.

ГЕОРГИЙ. Я сказал тебе, что тут смотреть не на что.

МАРИНА. Как ты можешь тут жить?

ГЕОРГИЙ. Давай спустимся вниз.

МАРИНА. Это бывший чулан. Тут уборщицы ведра да швабры хранили. Потребуй, чтоб тебе дали нормальную комнату.

ГЕОРГИЙ. Да я в основном сижу внизу в ресторане.

МАРИНА. За стойкой? *(Пауза)*. А остальных музыкантов где расселили?

ГЕОРГИЙ. Они в городе живут. У них семьи.

МАРИНА. А у тебя? *(Пауза)*. Это что гудит?

ГЕОРГИЙ. Это вытяжка с кухни. Ее только в час ночи выключают.

МАРИНА. Значит, раньше часа не заснешь. А включают в пять утра. И ты сразу просыпаешься.

ГЕОРГИЙ. Слушай, я тебя в первый раз вижу. Ты мне ни мать, ни сестра. Я от тебя ничего не хочу, и сам тебе ничего не должен.

МАРИНА. Я бы чего-нибудь выпила.

ГЕОРГИЙ. Пошли вниз в ресторан.

МАРИНА. От тебя озеро видно? *(Подходит к окну)*. Только котельную. Снег начинается. *(Пауза)*. Давай по телефону закажем.

ГЕОРГИЙ. Здесь нет телефона.

МАРИНА *(берет с кровати книгу)*. Любовный романчик. О чем там?

ГЕОРГИЙ. Еще не понял.

МАРИНА. Вроде Хайдеггера. Я им мужчин пугаю. Спрашиваю, читали или нет. У них сразу челюсть отваливается.

ГЕОРГИЙ *(пауза. Они смотрят друг на друга)*. Пошли вниз.

МАРИНА. Тебе со мной плохо? Я только хотела на твою комнату поглядеть. *(Плачет. Пауза. Георгий смотрит на нее. Она успокаивается и улыбается. Вынимает сигарету)*. По три пачки выкуриваю. Даже какие-то итальянские таблетки пила, чтобы бросить. *(Пауза)*. Я когда маленькой была, меня мама заставляла ходить на музыку. Я с уроков сбегала и шла в кино на утренние 'сеансы. А может, стала бы музыкантшей. *(Пауза. Тишина)*. О чем ты хочешь поговорить?

ГЕОРГИЙ. Ты зачем здесь?

МАРИНА. Что ты такой подозрительный? *(Пауза)*. Я отдохнуть приехала. Мне скучно. Меня вчера директор гостиницы приглашал на кофе. Я его о тебе спрашивала.

Пауза. Георгий вынимает из-под кровати бутылку водки. Наливает. Они пьют.

МАРИНА *(снимает туфли)*. Я познакомилась с парнями, которые в гостинице работают. Они меня в нарды играть учили. Один из них мне позвонил поздно вечером и спросил, можно ли ему ко мне прийти. А я его сразу спросила, читал ли он Хайдеггера.

ГЕОРГИЙ. Что тебе про меня сказали?

МАРИНА. Что ничего не знают. Ни кто ты, ни откуда. *(Пауза)*. Ты кто по гороскопу? Я думаю, козерог.

ГЕОРГИЙ *(смотрят друг на друга)*. А еще что тебе про меня сказали?

МАРИНА. Сказали: странный он. Плюнь ты на него. Я сидела рядом с тобой за стойкой целый вечер. Ты мне ни слова не сказал. Я тебя этим летом в первый раз увидела. Я водила туристов, пенсионеров из Бенилюкса. Следила, чтобы краны не подтекали, чтоб кормили, чем им нравится. В конце программы вы играли «Скажи, почто меня оставил», у тебя там сольная партия. А сейчас зима. В гостинице постояльцев нет. Вы играете только по субботам и воскресеньям для тех, кто из ближних деревень приезжает. Потом музыканты отправляются по домам, а ты остаешься один. Что ты тут делаешь в понедельник, вторник, среду, четверг и пятницу? Мне просто интересно.

Пауза. Они смотрят друг на друга. Она наклоняется к нему, как будто хочет его поцеловать. Вынимает и протягивает ему фотографию.

ГЕОРГИЙ *(смотрит на фотографию)*. Что это?

МАРИНА. Фотография. Вас сняла, когда вы играли. *(Пауза)*. Смотри, все музыканты на своих местах. А там, где должен стоять ты, ничего нет. Пусто. Тебе не кажется, что это странно? *(Пауза)*. Не кажется, что странно?

ГЕОРГИЙ. Допивай и иди домой.

МАРИНА. На этой фотографии тебя нет, зато ты есть на других. *(Вынимает фотографии. Дает их ему)*. Войдан Чернодринский, в профиль, в цилиндре, в пивной в Граце, около 1899 года. Чернодринский, слева, на гастролях. Чернодринский, второй ряд, справа, с трубкой. Я давно голову над этим ломаю. Ты – дух.

ГЕОРГИЙ. Я тебя совершенно не понимаю.

МАРИНА. Это я не понимаю. А ты все понимаешь, и я хочу, чтобы ты мне объяснил. Я уже несколько месяцев спать не могу.

ГЕОРГИЙ. У тебя не все дома.

МАРИНА. Чернодринский!

ГЕОРГИЙ. Уходи! Немедленно. Прошу тебя.

Она выходит. Он смотрит на дверь. Пауза.

Дверь неожиданно распахивается.

МАРИНА (*стоит в дверях*). Драматург. Родился 2 января 1875 года. По знаку козерог. По китайскому гороскопу – дикий кабан, по гороскопу ацтеков – кремьень. (*Георгий затаскивает Марину в комнату. Закрывает дверь*). Во втором рождении – джазовый музыкант. Который скрывается в этой паскудной гостинице.

ГЕОРГИЙ. Я несколько лет просидел в тюрьме. Поэтому про меня никто ничего не знает. Нет тут никакой мистики.

МАРИНА. И ты здесь не один. С тобой вся труппа. Вы играете спектакли в полночь посреди озера.

ГЕОРГИЙ. Ты рехнулась.

МАРИНА. Я все видела. Вы танцуете на воде. Висите в воздухе.

Открывается шкаф. Там стоят все актеры, участвовавшие в предыдущих сценах. Впереди ребенок, лишенный воображения, его отец и мать в тех же костюмах, в которых были в первой сцене. Марина в изумлении смотрит на них. Мать выходит из шкафа. Подходит к Марине. Проводит рукой у нее перед глазами. Целует в губы. Марина впадает в транс.

МАРИНА.

Возводила самовила,

Возводила стройный терем,

Между небом и землею
Возводила в черных тучах.
Возводила в черных тучах,
Между небом и землею
Возводила стройный терем,
Возводила самовила.

МАТЬ. Мамочки!

МАРИНА. Спокойной ночи, люди добрые. Спокойной
ночи, Чернотинский. Скажи, почто меня оставил?
(*Уходит*).

ГЕОРГИЙ. Бедная девочка.

МАТЬ. Завтра ничего не вспомнит. Подумает, присни-
лось. (*Смотрит на Георгия*). Ты что? Уж не влюбился ли
часом? Давай. Пошли. (*Входит назад в шкаф*).

ГЕОРГИЙ. Куда?

МАТЬ. Нас раскрыли. Надо отсюда уходить.

ГЕОРГИЙ. Куда?

МАТЬ. В другое место.

ГЕОРГИЙ. Какое другое место?

МАТЬ. В другое место. В другие места. Домой.

Войдан берет саксофон. Смотрит на актеров. Смотрит на
дверь, в которую ушла Марина. Пауза.

ЗАНАВЕС

Деян Дуковский

Пороховая бочка

Сцена 1: За все хорошее

Полупустое кафе. За столиком сидит Ангеле. Средних лет. Пьет пиво. Входит Дмитрий. Старый, хромой. Ходит на костылях. Тяжело садится за соседний столик. Ангеле смотрит на него. Допивает пиво. Подходит к Дмитрию.

АНГЕЛЕ. Как дела, дядя Дмитрий?

ДМИТРИЙ. Слава богу.

АНГЕЛЕ. Выпьешь чего-нибудь?

ДМИТРИЙ. Пива.

АНГЕЛЕ. Помнишь меня?

ДМИТРИЙ. Нет.

Смотрят друг на друга. Ангеле встает. Приносит два пива. Садится.

АНГЕЛЕ. Как ты?

ДМИТРИЙ. Потихоньку. *(Пауза)*.

АНГЕЛЕ. Что с тобой случилось?

ДМИТРИЙ. Отстань. Не спрашивай.

АНГЕЛЕ. Несчастье какое?

ДМИТРИЙ. Не спрашивай.

АНГЕЛЕ *(поднимает бокал)*. Давай, за все хорошее. *(Пьют)*.

АНГЕЛЕ. В аварию попал?

ДМИТРИЙ. Если бы...

АНГЕЛЕ. А что тогда? *(Пауза)*. Упал, что ли?

ДМИТРИЙ. Нет.

АНГЕЛЕ. Избил кто-нибудь? *(Пауза)*.

ДМИТРИЙ. Да.

АНГЕЛЕ. Кто?

ДМИТРИЙ. Вот именно, кто?

АНГЕЛЕ. Не помнишь?

ДМИТРИЙ. Я его не видел.

АНГЕЛЕ. В маске был? *(Пауза)*. За долг? Дорогу кому-нибудь перебежал? Здорово тебя отделали.

ДМИТРИЙ. А как, ты сказал, тебя зовут?

АНГЕЛЕ. Ангеле.

ДМИТРИЙ. Ангеле?

АНГЕЛЕ. Не помнишь меня?

ДМИТРИЙ. Старый стал. *(Пауза)*.

АНГЕЛЕ. Чем же это он тебя так уделал? Все кости переломал.

ДМИТРИЙ *(допивает пиво)*. Монтировкой.

АНГЕЛЕ. Монтировкой?

ДМИТРИЙ. И молотком. *(Пауза)*. Монтировкой и молотком. Кувалдой, килограммов в семь-восемь. Не меньше. Кость за костью. Ни одной не пропустил. Двадцать семь костей сломаны. Три треснули. Череп пробил. Перелом ребер. Позвоночник. Повреждение спинного мозга. *(Пауза)*. С головой проблемы. Все время болит, мать ее. Левая нога теперь короче. Трех пальцев лишился. Штопали меня, чинили, но все без толку. Правая рука не работает. Геми... пу, как это, мать его, гемипарез всей правой стороны. Моторная афазия в тяжелой форме. Мышечный тонус и... гипертония. Челюсть не двигается. Какая-то кость сместилась. Одну почку мне удалили, да и с другой не все в порядке. Пить мне нельзя. А все равно пью. А еще ночное недержание. Как засну, обмочусь. И дышалка ни к черту, мать ее. Лучше б меня грузовик сшиб. *(Пауза)*. На пенсию выперли. Без учета стажа,

никаких доплат. Несчастный случай на производстве. (Пауза). Ладно. Я не жалуюсь. Отжил свое. Мне много не надо. Старый да убогий. Ты бы раньше спросил, кто такой Дмитрий. Главный мент. Сколько у меня баб было. Не сосчитать. До сих пор еще своей пихаю, чтоб ты знал. А старая орет, ты что, мол, рехнулся, Дмитрий, сам одной ногой в могиле и туда же. (Пауза).

АНГЕЛЕ. Значит, так на роду тебе было написано.

ДМИТРИЙ. Ну, будем. Давай, за все хорошее.

АНГЕЛЕ. За все хорошее. (Пьют. Ангеле смотрит на Дмитрия). Ты знаешь, кто тебя бил? (Пауза).

ДМИТРИЙ. Кто?

АНГЕЛЕ. Я. (Пауза). Монтировкой и кувалдой. Девять кило. А я думал, что тридцать две кости тебе сломал. Во всяком случае, хотел сломать именно столько. А ты даже не защищался, мать твою. Не мог. Я будто по груде мяса бил. А ты только визжал, как свинья. (Пауза). Помнишь меня? У меня новый красный Форд Эскорт был. Это когда все хрен знает на каких развалюхах ездили. И ты мне яйца отбил. Я с девушкой был. Хотел выглядеть круто. А ты меня из машины вытащил и отбил все мне, твою мать. Ни за что, просто так. Со всего размаха прямо между ног. Прямо между ног, дядя Дмитрий. До сих пор больно. Что я тебе сделал, твою мать? Я на тебя в суд подал. Без толку. Закон, что дышло. Ты был большой человек. А я никто и звать никак. Два дня с кровати встать не мог. На третий день встал и опять на кровать повалился. Яйца как шары раздулись. Не яйца, а арбузы. Две операции. Обе неудачные. На женщин даже смотреть не мог. Когда встает, то больно. Детей нет. А встает редко и плохо. (Пауза). Хочешь еще пива? (Пауза).

ДМИТРИЙ. Теперь я угощаю. (Встает. Незаметно вытирает глаза. Приносит два пива).

АНГЕЛЕ. Зачем это, дядя Дмитрий?

ДМИТРИЙ. Что зачем?

АНГЕЛЕ. Изувечили друг друга.
ДМИТРИЙ. Заживет, как на собаке.
АНГЕЛЕ. Только вот что-то не заживает.
ДМИТРИЙ. Не заживает.

Пауза. Обнимаются. Сидят так некоторое время.

АНГЕЛЕ (*поднимает бокал*). За все хорошее.
ДМИТРИЙ. За все хорошее. (*Пьют*).

Сцена 2: Случай

Дверь. Перед дверью стоят Ангеле и Свето.
Ангеле держит в руке монтировку.

СВЕТО. Ты уверен, что это здесь?

АНГЕЛЕ. Не бери в голову. Ты только не мешай.

СВЕТО. А ты его помнишь?

АНГЕЛЕ. После встречи со мной, он уже не будет выглядеть таким, каким я его помню.

СВЕТО. Только не переборщи. И, главное, не нервничай, прошу тебя.

АНГЕЛЕ. А ты мне, главное, не мешай.

Стучит в дверь. Дверь открывает Благоя.

АНГЕЛЕ. Добрый день.

БЛАГОЯ. Здравствуйте.

АНГЕЛЕ. Аце дома?

БЛАГОЯ (*смотрит на монтировку*). Александр? Нет.

АНГЕЛЕ. А где он?

БЛАГОЯ. Не знаю. Ему что-нибудь передать?

АНГЕЛЕ. Мы его подождем.

БЛАГОЯ. Я не знаю, когда он вернется.

АНГЕЛЕ. Мы не спешим. А вы ему кто будете?

БЛАГОЯ. Александру? Отец.

АНГЕЛЕ. Можно войти?

БЛАГОЯ. Вы его друзья?

АНГЕЛЕ. Нет. *(Пауза)*. Входи, Свето. *(Входят)*. Давай, сядем.

БЛАГОЯ. Может, я могу вам чем-то помочь?

АНГЕЛЕ. Нет.

Садятся. Пауза.

БЛАГОЯ. Кофе хотите?

АНГЕЛЕ. Лучше ракии. Да, Свето? *(Свето кивает)*. Давайте ракию. *(Благоя приносит ракию)*. Ну, за все хорошее. *(Пьют)*. Сколько Аце лет?

БЛАГОЯ. Александру? Семнадцать.

АНГЕЛЕ. Трудный возраст. *(Обращаясь к Свето)*. Помнишь Трайковского недоумка? *(Свето кивает)*. Учи, пока поперек лавки лежит. Ракия своя?

БЛАГОЯ. Своя.

АНГЕЛЕ. Отличная. *(Пауза. Протягивает ему техпаспорт. Благоя берет его. Пауза)*. Аце вам сказал?

БЛАГОЯ. Уладим.

АНГЕЛЕ. Что уладим? *(Пауза)*. Некоторые дела не так просто уладить. Я тридцать один год за рулем. В двенадцать лет тайком от отца брал его машину. Форд Эскорт. Земля ему пухом. Права еще в школе получил. Раньше всех. До этого ни царапины. Как новая. Была. Лучше новой. Пылинки с нее сдувал. Свето знает, в ремонте ни разу не была. Свечи, масло, фильтры, тормозные накладки. Сам жиклеры тарировал. Три раза растачивал цилиндры. Спидометр пятый круг наматывает. А все почему? Шесть комплектов амортизаторов сменил. Триста пять свечей. Одиннадцать полуосей. Двадцать шаровых. Тринадцать подшипников. Четыре карбюратора. Прок-

ладки. Сальники. Ремни. Глушитель. Диски. Скажи, Свето? Руль. Передок менял... *(Пауза)*. И так далее.

БЛАГОЯ. Все уладим.

АНГЕЛЕ. Что уладим?

БЛАГОЯ. Сильно разбил? *(Пауза)*.

АНГЕЛЕ. Так Аце выйдет или нет? Аце!!

СВЕТО. Ангеле!

АНГЕЛЕ. Аце!! *(Входит Аце)*. Прячешься? Что сбежал?

БЛАГОЯ. Ты зачем убежал?

АЦЕ. Испугался.

АНГЕЛЕ. Меня?

АЦЕ. Он на меня набросился и стал орать, что убьет. Я заперся. Он стучал по капоту. Раскачивал машину. Залез на крышу, стал на ней прыгать. Народ собрался. Он хотел монтировкой двери открыть. Я чуть не обделался.

АНГЕЛЕ. Ты видел Форд?

АЦЕ. Все можно выстучать.

АНГЕЛЕ. Что там можно выстучать, Аце? Смотри, я тебя сейчас прямо здесь выстучу!

СВЕТО. Ангеле!

БЛАГОЯ. Не надо было убегать. Надо было вызвать полицию. Чтобы протокол составили.

АЦЕ. Потом пришел полицейский. Я ему просунул паспорт через окно. А этот говорит, вытаскивай его оттуда, а не то я его сам вытащу. Они принялись вдвоем по лобовому стеклу колотить. Куртки сняли, всю машину разбили. Еще какие-то люди пришли, все стали орать на меня. Один кричит, надо лобовое стекло разбить, чтобы меня через него вытащить. Другой орет, что надо слезоточивый газ пустить, тогда, мол, сам вылезет. Этот вот камень взял. Я не знал, что делать, вот и сбежал.

АНГЕЛЕ. Сбежал, как последний трус. Ну, ладно, у тебя прав нет, но глаза-то у тебя есть? Ты смотришь, куда едешь? У тебя что, не все дома? Чуть не погibli.

Ты знаки-то видишь, мать твою? Или только на газ жать умеешь? Форд, как птица, летал. Я его пуще глаза берег. Сто шестьдесят по трассе. Что ты на меня уставился? Что теперь делать будем?

Встает. Бьет монтировкой по стеклянной вазе.

БЛАГОЯ (*встает*). Ладно, он виноват, договоримся.

АНГЕЛЕ. Не ладно.

АЦЕ. Видишь, почему я сбежал?

АНГЕЛЕ. Куда ты, Аце?

Аце убегает, Ангеле за ним.

СВЕТО. Ангеле!

АНГЕЛЕ. Куда ты теперь убежишь?

Ангеле толкает Аце на землю. Благоя пытается его удержать.

Падает. Ангеле сильно бьет Аце монтировкой между ног.

Свето хватается Ангеле сзади и оттаскивает его.

Аце теряет сознание. Благоя держит его на руках.

СВЕТО. Ангеле, ты что, Ангеле...

АНГЕЛЕ. Что Ангеле, что Ангеле...

Сцена 3: Система

Стол. На нем бутылка вина. За столом Свето и Симон.

СИМОН. Были два друга. Не разлей вода. Одного забрали в армию. Он взял с другого клятву, что тот присмотрит за его невестой. Дни шли. И он влюбился в нее. А она в него. Они смотрели друг на друга. Она разделась. А друг отвернулся и сказал, я люблю вас больше своей жизни, но меньше своей чести, встал и пошел записыв-

ваться в армию. *(Пауза)*. Я обещал тебе, что буду смотреть за Анной, пока ты в армии. А я не только смотрел. Я ее трахал.

СВЕТО. Ты? *(Пауза)*.

СИМОН. Еще вина?

СВЕТО. Хватит.

СИМОН. Чего вдруг хватит, мы только начали. *(Наливает вина)*. Что-то меня давило. Будто камень какой на душе. Я должен был тебе рассказать. Потому и пришел. Ты на меня сердишься?

СВЕТО. На тебя? Мы сколько друг друга знаем?

СИМОН. С детства.

СВЕТО. У тебя есть друг лучше меня?

СИМОН. Нет.

СВЕТО. Так хрен с ней, с этой Анной? *(Пауза)*. Кто тебя научил играть в карты?

СИМОН. А кто тебя познакомил с твоей первой?

СВЕТО. Кто тебе купил первую пластинку?

СИМОН. А кто тебе каждый выходной увольнение устраивал?

СВЕТО. А кто тебе в бензобак сахару насыпал?

СИМОН. Кто?

СВЕТО. Я. *(Пауза)*. А кто на тебя настучал?

СИМОН. Кто?

СВЕТО. Я. *(Пауза)*. А кто Джека отравил?

СИМОН. Как это Джека отравил?

СВЕТО. Так, ядом.

СИМОН. Я имею в виду, как ты мог отравить Джека? Мы же его вместе покупали. Ты и выбирал. Из Москвы везли. Ты его учил палку приносить.

СВЕТО. Ну и хрен с ним.

СИМОН. Хрен с ним?

СВЕТО. А кто сказал твоей жене про Марию? *(Пауза)*.

СИМОН. Ты же сам познакомил меня с Марией, мать твою.

СВЕТО. Ну и черт с ней.
СИМОН. Черт с ней?
СВЕТО. Вот именно.
СИМОН. Как же так, Свето?
СВЕТО. Вот так. *(Пауза)*. Еще вина?
СИМОН. Наливай. *(Пьют)*.
СВЕТО. Когда у тебя валюту украли, это я сделал.
СИМОН. Как ты мог?
СВЕТО. Как? Легко.
СИМОН. Если бы ты попросил, я бы тебе и так дал.
СВЕТО. Я знаю.
СИМОН *(встает)*. Знаешь?
СВЕТО. Садись.
СИМОН. Я лучше постою.
СВЕТО. Лучше посиди. *(Симон садится)*. Мне нелегко тебе это сказать. *(Отпивает вина)*. У твоей жены есть любовник. *(Пауза)*.
СИМОН. Откуда ты знаешь?
СВЕТО. Это я.
СИМОН. Ты трахаешь Алтану?
СВЕТО. Есть немного. *(Пауза)*. Сейчас уже нет.
СИМОН. Поругались?
СВЕТО. Да.
СИМОН. И?
СВЕТО. Ударь меня. Ударь, проломи голову!
СИМОН. Тебя?!
СВЕТО. Я бы тебя ударил.
СИМОН. Ударил бы?! Меня?! *(Встает)*. Помнишь, как мы дали друг другу слово, что у нас все будет общее?
СВЕТО. Было, да быльем поросло. Сядь.
СИМОН. Что, еще что-то?
СВЕТО. Твой сын.
СИМОН. Не похож на меня?
СВЕТО. Да.
СИМОН. Что я могу сказать?

СВЕТО. Ничего. Ударь меня.

СИМОН *(встает. Берет бутылку. Они смотрят друг на друга).* Не могу. Тебя не могу. *(Ставит бутылку на стол. Хочет уйти).*

СВЕТО. Я знал про Анну.

СИМОН *(останавливается).* С самого начала знал?

СВЕТО. С самого начала. И знал, что ты мне все расскажешь.

СИМОН. И не сердился?

СВЕТО. На тебя?

Симон возвращается. Берет бутылку.

Со всей силы бьет Свето

по голове. Свето падает. Вся голова у него в крови.

Симон уходит.

Сцена 4: Случайная система

Поезд. Купе. Ночь. В купе сидит Анна. Смотрит в окно.

Напротив, растянувшись на двух сиденьях и сняв ботинки,

спит Андреа. Он храпит. В купе входит Симон. На нем плащ.

Багажа у него нет. Садится напротив Анны.

Смотрит на нее.

СИМОН. Поезд опаздывает на час сорок. Все, что в мире из ряда вон, у нас – система. Замерз. И промок до нитки. Здесь тепло. *(Вынимает сигареты).* Вы не будете против, если я закурю?

АННА. Нет.

СИМОН *(протягивает пачку ей).* Вы курите?

АННА. Нет.

СИМОН. Мы не знакомы?

АННА. Нет.

СИМОН. Не узнаете меня?

АННА. Нет.

СИМОН. Может, мы когда-то ехали вместе? В поезде, например.

АННА. Нет.

СИМОН *(вынимает из кармана плаща бутылку водки)*. Хотите водки?

АННА. Нет.

СИМОН. Не пьете?

АННА. Нет.

СИМОН *(наливает ей водки. Протягивает ей стакан)*. Сегодня выпьете.

АННА. Есть особый повод?

СИМОН. Да. Я сразу решил, как только увидел вас на перроне.

АННА. Что решили?

СИМОН. Что сяду рядом с вами и что мы выпьем водки.

Андреа поворачивается. Чешет одну ногу о другую. Храпит.

АННА. Вы куда едете?

СИМОН. Еще не решил.

АННА. Как это?

СИМОН. Я в бегах.

АННА. А чего бежите?

СИМОН. Вы меня не заложите, если я вам скажу?

АННА. Рискните.

СИМОН. Не заплатил за парковку.

АННА. Неправда.

СИМОН. Неправда. Я убил лучшего друга. Ну, что, заложите?

АННА. Может быть.

СИМОН. Я верю во всякие штуки с первого взгляда. Вы не носите нижнего белья?

АННА. Почему вы думаете, что я не ношу нижнего белья?

СИМОН. А что, носите?

АННА. Не ваше дело.

Дверь купе открывается. Входит полицейский.

Некоторое время смотрит на троих пассажиров. Выходит.

СИМОН. Вы могли ему сказать про меня.

АННА. Но не сказала.

СИМОН. Почему?

АННА. У вас глаза добрые.

СИМОН. Рядом с нами пустое купе.

АННА. Хотите, чтобы мы перешли туда?

СИМОН. Да.

АННА. Нет.

СИМОН. Нет?

АННА. Я не верю людям с добрыми глазами, которые верят во всякие штуки с первого взгляда.

СИМОН. Я сразу понял, еще когда увидел вас на перроне и когда сел рядом, и когда мы выпили водки.

АННА. Что поняли?

СИМОН. Что по-легкому не получится.

АННА. Так вы решили, куда едете?

СИМОН. А куда едете вы?

АННА. В Секешфехервар.

СИМОН. Я решил. В Секеш...

АННА. Фехервар. А вам зачем в Секешфехервар?

СИМОН. А вам?

АННА. Это тоже не ваше дело.

СИМОН. Что вы теряете?

АННА. А что я получаю?

СИМОН. Рискните.

АННА. Ни малейшего желания.

СИМОН. Можно спросить, почему?

АННА. Нет. *(Пауза)*.

СИМОН. Обычно я не спрашиваю, я так беру.

АННА. Не хочу показаться грубой, но разговор становится бессмысленным.

СИМОН. Будь вы на моем месте, что бы вы сказали? Что на вас может подействовать?

АННА. Ничего.

СИМОН. А все же?

АННА. Оставьте меня в покое.

СИМОН. Ни малейшего желания.

АННА. Если будете продолжать в том же духе, придется попросить вас покинуть купе.

СИМОН. Ну, так что будем делать?

АННА. Что вам от меня надо?

СИМОН. В конце концов, все равно будет, как я хочу.

АННА. Прошу вас покинуть купе.

СИМОН. Ни малейшего желания. Я если вцеплюсь, так легко не отпущу. Как пиранья.

Андреа внезапно просыпается. Встает. Потягивается.
Сонно глядит на Симона. Показывает на бутылку водки.

АНДРЕА. Можно?

СИМОН. Давай.

Андреа берет бутылку. Бьет ею Симона по голове.
Симон падает на Анну. Кровь.

АНДРЕА. Ни малейшего желания, а? Я тебе, гнида, покажу пиранью, твою мать! Не отпустит он так легко! Я таких тварей много повидал. Больше не сунется!

Опять ложится спать.

Сцена 5: Последний автобус в...

Автобус, стоящий на конечной остановке. Водителя нет. В автобусе сидят пожилая женщина, мужчина и Светле, красивая девушка в мини. Входит Андреа. Садится рядом с женщиной.

АНДРЕА. Это последний?

ЖЕНЩИНА. Последний.

АНДРЕА. Когда уходит?

ЖЕНЩИНА. Должен был пять минут назад.

АНДРЕА. А где водитель?

ЖЕНЩИНА. Сейчас придет.

АНДРЕА. Что значит сейчас придет? Понятно, когда-нибудь придет, только у меня времени нет. Что он там делает? Кофе пьет?

ЖЕНЩИНА. Не знаю, что он делает.

АНДРЕА. Наверняка кофе пьет. Вот люди! Мы только и делаем, что ждем. У меня вся молодость пройдет, пока они кофе напьются. А им наплевать. Если бы я опоздал, стал бы он меня ждать? Черта с два! Сегодня платить не буду. Ясно? Ты билет брала?

ЖЕНЩИНА. Брала.

АНДРЕА. А зачем? Водителя нет. Хочешь, я вас отвезу? Прокачу с ветерком. Кто мне что сделает? Сейчас чуток отъеду, сразу примчится. Кофе он пьет. Здесь всем все до фени. Что, не так? Под турками разве так было?

ЖЕНЩИНА. Откуда я знаю, как было под турками.

АНДРЕА. Не помнишь? А войну помнишь?

ЖЕНЩИНА. Нет.

АНДРЕА. Вот в этом-то все и дело. Никто не помнит. Новую надо.

ЖЕНЩИНА. Окстись, парень, язык прикуси.

АНДРЕА. Язык прикусить? Я раз прикусил. Пол-языка одной откусил. Достала меня. Тебе сколько лет? Лет сто?

Может, тебе уже на тот свет потихоньку собираться пора?

ЖЕНЩИНА. Тьфу, чтоб у тебя язык отсох!

АНДРЕА. Так откусить или чтоб отсох? В этой стране никто не знает, чего хочет.

ЖЕНЩИНА. Чтоб тебе пусто было!

АНДРЕА. Мне кажется, ты малость не в себе. Случаем не больна? Бледная что-то.

ЖЕНЩИНА. Типун тебе на язык!

АНДРЕА. Может, у тебя рак?

Женщина встает. Пересаживается на другое место.
Андреа садится рядом с ней.

МУЖЧИНА. Отстань от женщины!

Андреа смотрит на него. Идет к кабине водителя.
Закрывает дверь. Садится рядом с мужчиной.

АНДРЕА. Добрый вечер. Что-нибудь не так?

МУЖЧИНА. Как тебе не стыдно?

АНДРЕА. Куртка теплая?

МУЖЧИНА. Теплая.

АНДРЕА. Ветер пропускает?

МУЖЧИНА. Не пропускает.

АНДРЕА. А нож? *(Вытаскивает нож).* Пропускает?

МУЖЧИНА. Пропускает.

АНДРЕА. Пропускает. *(Пауза).* У тебя встает, когда ты на ту девчонку смотришь?

МУЖЧИНА. Тебе чего надо? Денег?

АНДРЕА. А ты что, богатый?

МУЖЧИНА. Нет.

АНДРЕА. Так что деньгами разбрасываешься? Я тебя про другое спросил.

МУЖЧИНА. Ты за это заплатишь.

АНДРЕА. Я заплачу? Ты что, ненормальный? Что за народ, твою мать. Никто по-человечески не понимает. Никто не слушает, о чем его спрашивают. Все отвечают на какие-то другие вопросы. Да я всех тут вас порешу и глазом не моргну, понял? И этот не слышит, о чем его спрашивают. О чем-то своем лепечет. Я тебя спрашиваю простую вещь. Попробуй сосредоточиться, для своего же блага. Не выделяйся. У тебя встает, когда ты на ту девчонку смотришь?

МУЖЧИНА. Нет.

АНДРЕА. Ну вот, родил, наконец. Только я тебе не верю. Хочешь пол здесь полизать?

МУЖЧИНА. Нет.

АНДРЕА. Вот в это я верю. Это понятно. Пол тут грязноват. А я раз целую общественную уборную языком вылизал. И меня не спрашивали, хочу ли я. Борче не спрашивает. Борче говорит – лижи, и ты лижешь. *(Садится рядом с девушкой. Быстрым движением отрезает у нее с блузки пуговицу. Светле испугана).* Добрый вечер.

СВЕТЛЕ. Добрый вечер.

АНДРЕА. Добрый вечер. Сколько лет такую пуговицу искал. Тебя как звать?

СВЕТЛЕ. Светле.

АНДРЕА. Красивое имя. Светле, ты меня боишься?

СВЕТЛЕ. Чуть-чуть.

АНДРЕА. На твоём месте я бы сильно боялся. У тебя парень есть?

СВЕТЛЕ. Есть.

АНДРЕА. Любишь его?

СВЕТЛЕ. Люблю.

АНДРЕА. Ревнивый?

СВЕТЛЕ. Нет.

АНДРЕА. Небось, с другими по углам тискаешься?

СВЕТЛЕ. Нет.

АНДРЕА. Как это нет? Тебе же нравится, когда на тебя другие смотрят? Когда в ресторане сидишь нога на ногу?

СВЕТЛЕ. Нет, не нравится.

АНДРЕА *(обращаясь к мужчине)*. Ты ей веришь?

МУЖЧИНА. Верю. *(Пауза)*.

АНДРЕА. Вы что, меня за дурака держите? Иди сюда. Сядь напротив нее. *(Сажает мужчину напротив Светле)*. Светле, скрести ноги. Что ты на меня смотришь? Повернись к нему. Вот так. Давай теперь, раздвинь их немножко. Еще немножко. Вот так. А ты смотри. Смотри хорошенько. *(Пауза)*. Встает? Не хочешь, можешь не отвечать, только не ври.

МУЖЧИНА. Не хочу отвечать.

АНДРЕА. Нет проблем. Тебе понравилось?

МУЖЧИНА. Не хочу отвечать.

АНДРЕА. Нет проблем. Можешь мне как-нибудь позвонить. Позвони мне, договорились? Теперь давайте сюда свои деньги. *(Все отдают деньги. Андреа берет их, пересчитывает, добавляет свои. Делит все деньги на четыре части. Раздает обратно)*. Я дал больше всех. Но это неважно. Очень приятно было познакомиться. До свидания и всего хорошего.

Спускает штаны. Стоит так некоторое время. Одевает штаны. Открывает двери. Выходит наружу. Водитель автобуса бьет его разводным ключом по голове, и он вваливается обратно в автобус. Андреа с окровавленной головой долетает почти до водительского сиденья. Падает без сознания.

ВОДИТЕЛЬ. Кто тебя, сучонок, просил двери закрывать?!

Сцена 6: Скройся, скройся, солнце ясное

Поздняя ночь. Улица. Скамейка. На скамейке сидят Светле и Георгий. На них падает слабый свет от уличного фонаря.

СВЕТЛЕ. Ты ревнуешь.

ГЕОРГИЙ. Дело не в этом.

СВЕТЛЕ. А в чем тогда?

ГЕОРГИЙ. Дело в другом. Подожди. Мне кое-что не ясно. Ты на него не смотрела?

СВЕТЛЕ. Нет.

ГЕОРГИЙ. И не знаешь, чего он смотрел весь вечер только на тебя?

СВЕТЛЕ. Не знаю.

ГЕОРГИЙ. А почему он смотрел только на тебя, а не на меня, например? Без повода, так что ли?

СВЕТЛЕ. Так.

ГЕОРГИЙ. Значит, ты дала ему повод?

СВЕТЛЕ. Какой повод я ему дала?

ГЕОРГИЙ. Какой повод ты ему дала?

СВЕТЛЕ. Не было у него повода на меня смотреть.

ГЕОРГИЙ. Он на тебя смотрел или не смотрел?

СВЕТЛЕ. Не знаю, смотрел или не смотрел.

ГЕОРГИЙ. Говорю тебе, смотрел.

СВЕТЛЕ. Ты говоришь, что смотрел.

ГЕОРГИЙ. А ты не знаешь, смотрел или не смотрел? Я тебе вот что скажу. Ты врать начинаешь еще до того, как рот откроешь. Считаешь меня идиотом. Строишь мне прямо в глаза и врешь. Наверняка вы с ним по телефону разговариваете. Скажи, разговариваете?

СВЕТЛЕ. Зачем ты так со мной?

ГЕОРГИЙ. Вы встречаетесь? Вместе музыку слушаете? Бегаєте голышом под луной? Поэтому этот долбак все время лыбился? Вы прямо как два голубочка. Нет, как две крысы. Когда на меня какая-нибудь так смотрит,

значит, готова, надо только пойти и трахнуть. Ясное дело. А я еще удивлялся, почему весь кабак на нее смотрит. Ты их всех одним взглядом подманиваешь. Даешь повод. И сама от этого тащишься.

СВЕТЛЕ. Знаешь что?

ГЕОРГИЙ. Что?

СВЕТЛЕ. Пошел ты, знаешь куда!

ГЕОРГИЙ. Ну, это тебе привычнее.

СВЕТЛЕ. Проводи меня домой.

ГЕОРГИЙ. Сначала мы кое-что выясним.

СВЕТЛЕ. Ничего мы выяснять не будем. Проводи меня домой.

ГЕОРГИЙ. Ничего, я его малость окоротил.

СВЕТЛЕ. Ничего?

ГЕОРГИЙ. Начала его защищать?

СВЕТЛЕ. Ты подрался с человеком, а он ни сном ни духом.

ГЕОРГИЙ. Может, пойти перед ним извиниться? Пригласить выпить кофе? Ни сном ни духом. Он не виноват? Значит, я виноват?

Откуда-то появляются Гёре и Гела.

Оба выглядят довольно крутыми.

ГЕЛА. Что не так, братишка?

ГЕОРГИЙ. Чего надо?

ГЕЛА. Провинился?

ГЕОРГИЙ. В чем проблема?

ГЕЛА. А ты хочешь проблем?

ГЕОРГИЙ. Нет.

ГЁРЕ. Ну, тогда и нечего пыжиться. Ты чего тут ошиваешься?

ГЕОРГИЙ. А что, запрещено?

ГЁРЕ. Если хочешь строить из себя крутого, нет проблем. Так ты чего тут?

ГЕОРГИЙ. Ее домой провожаю.
ГЁРЕ. Ты про Гёре Чокнутого слышал?
ГЕОРГИЙ. Нет.
ГЁРЕ. Это я.
ГЕЛА. Знаешь, чья это скамейка?
ГЕОРГИЙ. Чья?
ГЕЛА. Гёре Чокнутого. Знаешь, от кого у меня вот этот шрам?
ГЕОРГИЙ. От Гёре Чокнутого?
ГЕЛА. От Гёре Чокнутого.
ГЕОРГИЙ. Очень рад знакомству.
ГЕЛА. Знаешь, что должен сделать каждый, кому выпала честь познакомиться с Гёре?
ГЕОРГИЙ. Что?
ГЕЛА. Что-нибудь спеть.
ГЕОРГИЙ. Я петь не умею.
ГЁРЕ. А ты попробуй, вдруг получится.
ГЕЛА. Лучше спой, пусть даже плохо. Мой тебе совет. Чтобы насовсем слух не потерять.
ГЁРЕ. Знаешь «Скройся, скройся, солнце ясное»?
ГЕОРГИЙ. Знаю.
ГЁРЕ. Ну, давай, слушаем.
ГЕОРГИЙ (*поет*).
Скройся, скройся, солнце ясное,
Больше не свети.
Вслед за ним, луна прекрасная,
Навсегда уйди.
Ты тоскуешь, лес мой, брат мой,
По своей листве.
Я тоскую, лес мой, брат мой,
По былой весне.
Снова зелень, лес мой, брат мой,
На ветвях пробьется.
Молодость моя обратно
Больше не вернется.

ГЁРЕ. Ты всегда так поешь или просто сегодня не в голосе?

ГЕЛА. Я бы и то получше спел.

ГЁРЕ. А знаешь «Эх вы, годы мои юные»?

ГЕОРГИЙ. Знаю.

ГЁРЕ. Ну, давай, послушаем.

Георгий поет.

ГЕЛА. Хватит. Блеешь, как педик.

ГЁРЕ. Гела голубых прямо ненавидит.

ГЕЛА. Пусть чего-нибудь оперное сбациает.

ГЁРЕ. Знаешь «Фигаро»?

ГЕОРГИЙ. Знаю.

ГЁРЕ. Послушаем.

ГЕОРГИЙ. Нет, не послушаем.

ГЁРЕ. Ты чего, петь расхотел?

ГЕОРГИЙ. Хватит, напелся. Теперь я вас мочить буду.
(Бьет их. Они убегают. Обращаясь к Светле). Ну, чего на меня уставилась?

Сцена 7: Балканский блюз

Тюремная камера. Каблук и Борис. Борис выцарапывает что-то камешком на стене камеры. Каблук лежит на кровати.

КАБЛУК. У тебя сигареты есть?

БОРИС. Все тебе отдал.

КАБЛУК. А зачем ты мне все отдал?

БОРИС. Ты сказал, дай мне все.

КАБЛУК. Борис? Видать, мало я тебя бью. Сказал же, не давать мне все сигареты. Не все сразу. Сказал, оставлай про запас.

БОРИС. Я оставлял. Не давал тебе. Сказал, что ты мне приказывал не давать тебе все сразу, оставлять про за-

пас, а ты сказал, Борис, видать, мало я тебя бью. Ты уж выбери что-нибудь одно.

КАБЛУК. Уже выбрал. Замочу тебя. И ничего не потеряю. Правильно?

БОРИС. Правильно.

КАБЛУК. Нет, не правильно. Я потеряю тебя. Ты чего там царапаешь?

БОРИС. Отметки делаю.

КАБЛУК. Отметки?

БОРИС. Сколько осталось. Еще сто одиннадцать. Знаешь, что я сделаю, когда выберусь отсюда? Поеду на море. Широкое, огромное море. Чтобы душа наполнилась воздухом. А глаза – простором. Куда-нибудь на край света. Где нет никаких углов. *(Пауза)*.

КАБЛУК. К черту эти отметки. *(Пауза)*. Какой сегодня день?

БОРИС. Пятница.

КАБЛУК. Пятница. *(Пауза)*. Пятница. Конец недели, время повеселиться. Как насчет получить удовольствие?

БОРИС. Нет.

КАБЛУК. А мне хочется поразвлечься.

БОРИС. Развлекайся.

КАБЛУК. Сам с собой? Так, что ли? Мать твою. Ты что, рехнулся? Не ценишь того, что имеешь! Ну, так что, кто сосать будет?

Дверь открывается. Входит тюремный надзиратель.

С ним Гела. Каблук встает.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Как дела, Каблук?

КАБЛУК. Хорошо, спасибо. А как у вас?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Смотри мне, Каблук.

Выходит. Запирает дверь. Гела стоит с одеялом и подушкой в руках. Идет к кровати.

КАБЛУК. Еще попадешь Каблуку под каблук!

Окошко в двери открывается.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Что, Каблук, дерьмо горлом пошло? Смотри, захлебнешься!

Окошко закрывается.

КАБЛУК. Как он услышал, мать его? Здесь и у стен есть уши. (*Обращаясь к Геле*). Курить хочется, хоть плачь. Есть сигареты?

ГЕЛА. Нет.

КАБЛУК. С сегодняшнего дня, когда тебе будут передавать сигареты, будешь оставлять мне на хранение. Я буду давать тебе столько, сколько захочешь. Я курю много. Как турок в турецкой тюрьме. Шутка. (*Пауза*). Я пошутил. И никто не смеется. Перед тем, как мы познакомимся, я хочу кое-что разъяснить. Я здесь пожизненно. Не знаю, какие чувства ты испытываешь к этому месту, но для меня – это дом родной. И вот еще, если я хоть раз увижу, что ты льешь мимо параша, на куски порву. За что ты сел?

ГЕЛА. Несчастный случай.

БОРИС. Что нового на воле?

ГЕЛА. Те же песни, что и всегда.

КАБЛУК. И чтоб к Борису не лез.

ГЕЛА. Мне не до этого.

КАБЛУК. Да ну? А до чего тебе?

БОРИС. Оставь его в покое.

КАБЛУК. У Бориса нежная душа. А у меня нет. Была тут одна до тебя. Очень о себе много понимала. Яйцами трясла. Наконец она меня достала, и я откусил ей ухо. Целиком. Как Ван Гог. Визжал, будто его убивают. Значит, несчастный случай. Думаешь, оно того стоило? Есть свое мнение по этому поводу? (*Пауза*). Появится. Со временем.

Все будет. Впервые сел? *(Пауза)*. Ничего, привыкнешь. С течением времени. Слышал, как оно тут? *(Пауза)*. На самом деле гораздо хуже. Я тебе расскажу. Ты ведь никуда не торопишься, правда? Тебе будет лучше, если ты убьешь на это немного времени, чем если я, например, убью тебя. В общем, ты, сестренка, очутилась в неподходящем месте в неподходящее время. Обладая некоторыми знаниями в определенных областях, я пришел к выводу, что это место довольно специфическое. Вот, скажем, сигареты! На воле тоже несладко, так ведь? Все хотят куда-нибудь свалить, да ведь? Балканы, пороховая бочка, верно? И так далее. Короче говоря, задница мира. Так вот: сейчас ты в месте, которое я предварительно окрестил геморроем задницы мира. Рабочее название: достаточно кровавая каша. Вывод: я и такие, как я, будут дрочить тебя по полной. С этой точки зрения задница мира тебе покажется привлекательнее, чем Пальма де Майорка. Понял? Мой тебе совет: береги свою задницу. Чтобы ее потом ошибочно не приняли за место культурного отдыха. Можешь по этому вопросу проконсультироваться с Борисом. Теперь понятнее? *(Пауза)*. В этой связи будет целесообразно, если ты проявишь определенную склонность к сотрудничеству. Для начала, не вздумай тут мне вякать.

ГЕЛА. Это все?

КАБЛУК. На сегодня.

ГЕЛА. Ты здесь за такое дерьмо?

КАБЛУК. Я здесь из-за таких, как ты.

ГЕЛА. Не трогай меня, и я тебя не трону.

КАБЛУК *(вынимает из-под кровати нож)*. Только попробуй, и тебе конец.

ГЕЛА. Мне проблем не надо.

КАБЛУК. А мне до лампочки, чего тебе надо, а чего не надо.

ГЕЛА. А чего надо тебе?

КАБЛУК. Немного уважения. *(Пауза)*.

БОРИС. Откуда у тебя этот шрам?

ГЕЛА. Ты про Гёре слышал?

КАБЛУК. Про Гёре Чокнутого?

БОРИС. Брата Черного?

КАБЛУК. А ты к нему каким боком?

ГЕЛА. Я его замочил. *(Пауза).*

КАБЛУК. Хочешь сигарету?

Вынимает пачку сигарет. Пауза. Гела берет одну.

КАБЛУК. Бери две. Одну на потом.

ГЕЛА. Слышь, Каблук. Снимай штаны!

Сцена 8: На край света

Ночь. Океан. Корабль. Тихо слышится аргентинское танго.

Светло от полной луны. В большой спасательной шлюпке

лежит Борис. Рядом с ним, завернувшись в брезент,

сидит Кирилл. Борис все время курит.

БОРИС. Не могу больше.

КИРИЛЛ. Потерпи.

БОРИС. Пить хочу. Долго еще?

КИРИЛЛ. Не знаю.

БОРИС. Чувствуешь запах блевотины? *(Пауза).*

КИРИЛЛ. Брось сигарету.

БОРИС. Я сейчас сам отсюда брошусь. Хочешь закурить?

КИРИЛЛ. Не хочу.

БОРИС. Бери.

КИРИЛЛ. Не хочу. *(Пауза).*

БОРИС. Ну, и хрен с тобой. *(Пауза).*

КИРИЛЛ. У нас луна поменьше.

БОРИС. Почему бы не сказать, что здесь побольше.

КИРИЛЛ. Чего я ни скажу, тебе ничего не нравится.

БОРИС. А ты скажи так, чтобы понравилось.

КИРИЛЛ. Сейчас бы какой-нибудь бабе вдуть.

БОРИС. Знаешь что? Ты просто озабочен выше крыши. У тебя гормоны уже из ушей текут.

КИРИЛЛ. А тебе чего тут надо?

БОРИС. Тут углов нет.

КИРИЛЛ. Каких еще углов? (Пауза).

БОРИС. Дурак ты! (Пауза). От этой луны светло, как днем. К черту свободу без углов. Блевотиной несет невозможно. Они нас по запаху найдут. Никто не знает, что мы здесь?

КИРИЛЛ. Никто.

БОРИС. А если нас поймают, нас что, в море бросят?

КИРИЛЛ. Передадут властям в Аргентине.

БОРИС. Пусть лучше бросят. Вроде идет кто-то.

КИРИЛЛ. Никто тут не ходит. Тебе лучше?

БОРИС. Сдохнуть легче.

КИРИЛЛ. Не болтай глупости. У тебя просто морская болезнь. Пройдет.

БОРИС (вынимает нож). Возьми.

КИРИЛЛ. На что он мне? (Пауза).

БОРИС. Дурак ты. (Пауза).

КИРИЛЛ. Ты только ругаться можешь. Скажи что-нибудь хорошее.

БОРИС. В Аргентине проститутки есть?

КИРИЛЛ. Не знаю.

БОРИС. А у нас?

КИРИЛЛ. Самые лучшие.

БОРИС. Какого тебя в Аргентину понесло?

КИРИЛЛ. А я в Аргентине не останусь. Поеду в Австралию. Из Австралии – в Канаду. Из Канады – в Америку. В Америке у меня тетка. Богатая. Она мне не совсем тетка, но другой родни у меня нет.

БОРИС. А чего не прямо в Америку?

КИРИЛЛ. Визы нет.

БОРИС. А что будешь делать у тетки в Америке?

КИРИЛЛ. Сначала найду ее. Ей уже помирать пора. Я ее очень люблю. Буду ей покупать молоко и булочки. Выносить за ней горшки. Начну новую жизнь. Америка – это страна для меня. У всех чистые волосы и белые зубы. Все улыбаются. Яркие краски. Лимузины и виски. Чтобы чего-то добиться, нужно рискнуть. Вообще-то я сбежал, чтобы от армии закосить. А ты зачем?

БОРИС. На море никогда не был.

КИРИЛЛ. И?

БОРИС (*пауза*). Дурак ты. (*Пауза*).

КИРИЛЛ. Ты чего-нибудь другое можешь сказать? Чего я тебе сделал? Я же хочу помочь.

БОРИС. Поможешь, поддержишь, когда я до ветру пойду. Если я тебе разрешу. (*Пауза*). Где, интересно, сейчас Каблук?

КИРИЛЛ. Кто такой Каблук? (*Пауза*). Так где сейчас Каблук?

БОРИС. Однажды утром его нашли с полным ртом дерьма. Он заткнул толчок. Заполнил его водой и утопился. Пять лет. Не надо было, Каблук! Не надо было! Чтоб тебе пусто было! Чтобы всем пусто было! (*Пауза*). Чего меня ждет там, в этой Аргентине?

КИРИЛЛ. Никто не знает.

БОРИС. Это-то меня и мучает. А там, внизу, дым ко-ромыслом.

КИРИЛЛ. Какой еще дым?

БОРИС. Не слышишь? Люди радуются. Им весело. Как это так происходит, что все хорошее случается с другими людьми? В других местах. Мы-то в чем сплеховали? Давай, пойдем вниз и тоже повеселимся. Ты аргентинское танго танцевать умеешь?

КИРИЛЛ. Даже вальс.

БОРИС. Знаешь «Скройся, скройся, солнце ясное»?

КИРИЛЛ. Слышал. Не вставай. Тебя опять вырвет.

БОРИС. Пить хочу.

КИРИЛЛ. Воды больше нет.

БОРИС. Принеси. *(Пауза. Кирилл сбрасывает с себя брезент. Встает).* Подожди.

КИРИЛЛ. Ты чего?

БОРИС. Спасибо за все.

КИРИЛЛ. Да ладно тебе. Мы в одном дерьме сидим.
И ты бы мне помог.

БОРИС. Это неизвестно. *(Пауза).*

КИРИЛЛ. Чего-нибудь еще хочешь?

БОРИС. Нет, только пить.

Кирилл уходит. Борис смотрит ему вслед. С трудом, шатаясь, встает. Его рвет. Он подходит к ограждению. Вынимает из кармана нож. Оставляет его на палубе. Бросается в океан. Пауза. Входит Кирилл с бутылкой воды. Видит, что Бориса нет. Подходит к борту. Поднимает нож. Смотрит на воду.

КИРИЛЛ. Твою мать.

Сцена 9: Комната с видом

Америка. Дешевая гостиница. Через окно проникает свет от реклам. На столе стоят пустые и начатые бутылки виски, бутылка ракий, пустые банки от кока-колы, пустые сигаретные пачки и коробки из-под гамбургеров. Включен телевизор. На двух кроватях, стоящих так, чтобы с них был виден телевизор, лежат Кирилл и Мане. Кирилл тасует колоду карт. Мане с пультом в руках переключает каналы. Оба пестро одеты, на головах бейсболки с повернутыми назад козырьками. Кирилл встает. Берет бутылку.

КИРИЛЛ. Где мой нож?

МАНЕ. Задолбал ты уже своим ножом. Купи открывалку.

КИРИЛЛ. Найди чего-нибудь по другой программе.

МАНЕ. Нет там ничего.

КИРИЛЛ. Включи бейсбол.

МАНЕ. В гробу я видал этот бейсбол. Только бегают.

КИРИЛЛ. Мане?

МАНЕ. Чего?

КИРИЛЛ. Америка.

МАНЕ. Ну, да.

КИРИЛЛ. Хочешь виски?

МАНЕ. Целый день виски дую.

КИРИЛЛ. Тогда кока-колы.

МАНЕ. Скоро лопну от этой кока-колы. Сейчас бы самогонки домашней. (*Смотрит в окно*). Как светло, охренеть. Знаешь, чего мне хочется?

КИРИЛЛ. Чего?

МАНЕ. Послать кого-нибудь по матери.

Нажимает на кнопку вызова обслуживающего персонала.

КИРИЛЛ. Хватит тебе уже над Джимми измываться.

Джимми стучит в дверь. Мане открывает.
Оба приветливо улыбаются.

ДЖИММИ. Good evening, Sir.

МАНЕ. Джимми? Как дела? Мудак ты, Джимми. Послушай, что я тебе скажу. Хочешь, я твою сестру трахну? И тебя самого трахну? Что ты лыбишься? Значит, хочешь? Я всех твоих перетрахаю, прямо по списку. Окей? Йес? Йес. Тенк ю. Бай.

ДЖИММИ. Have a nice day, Sir.

МАНЕ (*закрывая дверь*). Он мне на нервы действует. Все время только лыбится.

КИРИЛЛ. Что ты его материшь?

МАНЕ. Может, и он меня материт. Откуда я знаю?

Опять ложится.

КИРИЛЛ. Мане!

МАНЕ. Чего?

КИРИЛЛ. Зря мы деньги с собой таскаем. Здесь вон сколько негров.

МАНЕ. Кирилл!

КИРИЛЛ. Чего?

МАНЕ. У меня от этого света память отшибает. *(Пауза).* Кирилл!

КИРИЛЛ. Чего?

МАНЕ. Задолбали. Дай сюда бутылку. *(Кирилл дает ему бутылку. Мане берет ее и швыряет в окно в сторону горящей рекламы. Свет гаснет).* Так-то лучше.

КИРИЛЛ. Ты сам хуже негра. На хрена ты так?

МАНЕ. А чего они мне сделают?

КИРИЛЛ. Кидай пустые, мать твою. *(Пауза).* А у нас только лампадки в церквях светят. Люди друг другу глотки рвут, чтобы только сюда добраться, а тебе свет мешает. Виски ему, видите ли, не нравится. Самогонки ему хочется. В гробу я видал этот самогон. Я полмира на пузе прополз, чтобы эту рекламу увидеть. Чего только не потерпелся. И, слава Богу, все получилось. Теперь вот я здесь, на вершине мира, лежу себе, наливаюсь виски, денег куча, и плевал я на все. И на балканскую трагедию, и на вековую борьбу македонского народа. И мне все равно, если кому-то там не все равно. Где мой нож?

МАНЕ. Достал ты со своим ножом.

КИРИЛЛ. Дома и представить себе не могут, чем мы тут занимаемся.

МАНЕ. Спускаем деньги твоей тетки. *(Пауза).* Здесь люди не знают, что такое настоящая жизнь. Знаешь, чего мне хочется?

КИРИЛЛ. Послать меня куда подальше?

МАНЕ. Нет.

КИРИЛЛ. Сто долларов?

МАНЕ. Нет.

КИРИЛЛ. Двести тысяч долларов?

МАНЕ. Нет.

КИРИЛЛ. Не хочешь двести тысяч долларов?

МАНЕ. Хочу похлебки из потрохов. Хочу пойти в кафе, разгромить там все, потом пойти в другое и наесться похлебки из потрохов. Хочу постных голубцов в пятницу, а скоромных – в субботу. Хочу часами сидеть на табуретке около дома и смотреть, как заходит солнце. И чтобы пальцем не шевелить и всех посылатъ. Чтобы пахло жратвой. Купить Зоре орешков и залезть ей в трусы. Чтобы все у меня было схвачено. Хочу слышать, как сосед рыгает, выходя из дома. Хочу увидеть Евдокию. (Пауза). И чтобы балалайки играли.

КИРИЛЛ. А балалайки-то тут при чем?

МАНЕ. Не придирайся к словам.

КИРИЛЛ. Выйди, пройдишь немного.

МАНЕ. Я уже везде, где можно, прошелся. От нечего делать даже в музей заходил.

КИРИЛЛ. Сходи в кино.

МАНЕ. Не пойму ни черта.

КИРИЛЛ. Я тоже не понимаю, но я хоть стараюсь. Fuck me. My name is Kirill. My aunt leave me... Как будет наследство? Bullshit! (Открывает банку кока-колы). Мой отец думает, что у нас здесь большой бизнес.

МАНЕ. Опять моргает. Достала эта реклама.

КИРИЛЛ. Поставь бутылку на место!

МАНЕ (берет пустую бутылку. Кидает ее в окно). Не понимаю, как ты можешь быть таким спокойным. (Опять ложится. Переключает каналы). Зачем ты меня сюда вызвал? От меня никакого толку. Я тебе только деньги просаживать помогаю.

КИРИЛЛ. Ты мне приносишь удачу. Оставь этот.

МАНЕ. А что это?

КИРИЛЛ. Канал на испанском.

МАНЕ. Знаешь испанский?

КИРИЛЛ. Нет.

МАНЕ. Так какого хрена? *(Пауза)*. Кирилл! Опять она светит. *(Пауза)*. Хоть бы луна была, не так было бы видно эту рекламу. Вконец достала. Еще, что ли, одну бросить?

КИРИЛЛ. Мане! Ну, что ты, как негр.

МАНЕ. Ты в Лас-Вегасе был?

КИРИЛЛ. Нет.

МАНЕ. Там круто.

КИРИЛЛ. А ты что, был?

МАНЕ. Откуда?

КИРИЛЛ. Да, вот она, Америка!

МАНЕ. А это далеко отсюда?

КИРИЛЛ. Здесь все близко. *(Встает. Смотрит в окно)*. Америка. Сегодня здесь, завтра в Лас-Вегасе. А послезавтра, ладно, к чертовой матери послезавтра. Здесь своей судьбы не угадаешь. Здесь ты сам – своя судьба. То черное, то белое. То нашел, то потерял.

МАНЕ. А если все потеряем?

КИРИЛЛ. Значит, судьба. *(Высовывается из окна. Разводит руки в стороны)*. Смотри, вот она, Америка. Море света. Неон. Звуки. Воздух. Жизнь.

В окно влетает бутылка. Попадает Кириллу в голову. Он падает замертво.

МАНЕ. Кирилл?! Кирилл, что с тобой?! *(Подбегает к нему. Поднимает бутылку. Выглядывает в окно)*. Негры, твари!

Сцена 10: Соломенная луна

Ночь. Парк. Пруд. На скамейке у воды сидят Евдокия и Коста. Издалека слышатся балалайки. Появляется Мане.

За ним идет оркестр. Он дает знак музыкантам остановиться. Подходит к Евдокии и Косте. В руке у него бутылка вина.

ЕВДОКИЯ. Чего тебе надо?

МАНЕ. Украсть для тебя луну с неба.

ЕВДОКИЯ. Сказала же, не хочу тебя видеть.

МАНЕ. Ты ошиблась. Я тебе мешаю?

ЕВДОКИЯ. Мешаешь!

МАНЕ. Эта обезьяна тебе кто?

ЕВДОКИЯ. Не твое дело.

МАНЕ. Скажи ему, чтобы пошел погулял.

ЕВДОКИЯ. Коста сегодня вечером со мной и останется здесь. Тебе чего надо?

МАНЕ. Поговорить хочу.

ЕВДОКИЯ. Не о чем нам с тобой разговаривать.

МАНЕ. Как это не о чем разговаривать?

КОСТА. Ты что, не слышал? Она не хочет иметь с тобой никаких дел.

МАНЕ. Это ты, Коста?

ЕВДОКИЯ. Только давай без сцен!

МАНЕ. Ты чего тут, Коста?

ЕВДОКИЯ. Ты его не трогай! Он-то тут при чем? Ты во всем виноват.

КОСТА. Может, пойдем?

ЕВДОКИЯ. Тебе не стыдно мне на глаза появляться?

МАНЕ. Стыдно. Каюсь. Я ошибся. Хочу извиниться.

ЕВДОКИЯ. А мне-то что?

МАНЕ. Давай начнем все сначала.

ЕВДОКИЯ. Сколько раз уже начинали.

КОСТА. Евдокия!

МАНЕ. На этот раз все будет совсем по-другому. Я кое-что понял.

ЕВДОКИЯ. Все это впустую, Мане. Ни одному твоему слову не верю. Ни в чем тебе не верю. Те же подходы, то же дерьмо. Сыта этим уже по горло. Понял? Ты для меня – пустое место. Чем быстрее тебя забуду, тем лучше. Ты никогда не изменишься.

МАНЕ. Дай мне шанс.

ЕВДОКИЯ. Мало у тебя шансов было?

КОСТА. Евдокия!

ЕВДОКИЯ. Как ты мог?

МАНЕ. Я не хотел.

ЕВДОКИЯ. А чего ты хотел, чтобы оно получилось?

МАНЕ. Я хотел тебя забрать туда. Хотел, чтобы ты улыбалась.

ЕВДОКИЯ. Улыбалась? Найди себе другую, Мане. Которая тебе поверит. Ей и ври.

МАНЕ. Или ты, или никто.

ЕВДОКИЯ. Знаешь, каково мне здесь было? Ты обо мне хоть раз подумал?

МАНЕ. Скажи я тебе раньше, ты была бы против.

ЕВДОКИЯ. Мог хоть записку оставить, письмо написать, открытку. Что угодно.

МАНЕ. Ты знаешь, что я терпеть не могу прощаний.

ЕВДОКИЯ. Терпеть не можешь прощаний? Ты просто ненормальный! Я уже не девочка, Мане! Я не могу ждать. Ты любишь только себя. А до всех остальных тебе дела нет. Ты не можешь никого полюбить!

МАНЕ. Не заставляй меня просить!

КОСТА. Евдокия!

ЕВДОКИЯ. Хватит, Мане. Все впустую.

МАНЕ. Хорошо, я прошу тебя.

КОСТА. Евдокия! Я пошел.

ЕВДОКИЯ (*обращаясь к Косте, спокойно*). Подожди немного, Коста. (*Обращаясь к Мане, горячо*). Знаешь, что мне

осталось на память о тебе? Я разучилась улыбаться. Только поэтому тебя и вспоминаю. А теперь я счастлива. Мне только жаль времени, которое я на тебя потратила.

МАНЕ. Ты не знаешь, что со мной было. Лас-Вегас! У меня есть деньги! Я стал богатым. И все только ради тебя!

ЕВДОКИЯ. Мне этого не надо!

МАНЕ. А чего тебе надо?

ЕВДОКИЯ. Чтоб тебя не было! Знаешь, кто ты? Обычный бабник, картежник и пьянчуга!

МАНЕ. Я пьянчуга? Я пьянчуга?

ЕВДОКИЯ. Хватит, Мане! Прощай, считай, что мы незнакомы!

МАНЕ. Я готов на все!

ЕВДОКИЯ. Надолго?

МАНЕ. Навсегда!

ЕВДОКИЯ. Прощай, Мане!

МАНЕ. Смотри! Твое имя! Из Америки! Негр делал!

Задирает рубашку. Он весь в наколках.

Луна понемногу начинает скрываться.

ЕВДОКИЯ. Как ты мог?

МАНЕ. Я готов и на что-нибудь похуже!

ЕВДОКИЯ. Все зазря, Мане. Слишком поздно. Ты ничего для меня не значишь. Я тебя не люблю. Неужели ты не понимаешь?

МАНЕ. Потом пожалеешь.

ЕВДОКИЯ. Никогда.

МАНЕ. Когда меня не будет.

ЕВДОКИЯ. Прощай, Мане. Коста, пошли! *(Уходят).*

МАНЕ. Не говори потом, что я сам виноват! *(Музыкантам).* Давайте ту самую!

Музыканты играют. Мане медленно заходит в пруд. Не останавливаясь, идет на глубину. Евдокия останавливается. Смотрит на луну. Ее не видно.

ЕВДОКИЯ. Украл! Украл для меня луну с неба!

КОСТА. Кого украл?

ЕВДОКИЯ. Он сказал, что украдет для меня луну с неба. *(Возвращается к берегу. Мане медленно скрывается под водой).* Мане! Мане!!

КОСТА. Это обычное затмение! Он просто знал заранее! Ты слышишь?

ЕВДОКИЯ. Его нет! Утонул! Утопился из-за меня!

КОСТА. Вот идиот!

Мане не появляется. Музыканты перестают играть. Все смотрят на спокойную гладь воды. Появляется краешек луны.

ЕВДОКИЯ *(забегает в воду).* Мане!!!

Сцена 11: Пороховая бочка или органическая химия

Ночь. Дмитрий и Ангеле.

Дмитрий держит в руках зеленое яблоко.

АНГЕЛЕ. Как ты, дядя Дмитрий?

ДМИТРИЙ. Слава Богу.

АНГЕЛЕ. Помнишь меня? *(Пауза).*

ДМИТРИЙ *(смотрят друг на друга).* Послушай, что тебе скажет дядя Дмитрий... *(Пауза).* Ничего не помню. Мне сон снился. Проснулся весь в поту. Помню только, что хотел яблоко откусить. А оно распалось, прежде чем я его ко рту поднес. И я понял, что это конец. Всему конец. Мое время вышло. А ничего не помню. Перед смертью вся жизнь перед тобой проходит, так ведь? А тут ничего. Пустота. Ничего нет. Все зазря. Так же, как

и в начале. Глупость? Конец? Старость? *(Пауза)*. И молодежь за нами. Их Бог ведет... Послушай, что тебе скажет дядя Дмитрий... *(Пауза)*. Хотел тебе что-то сказать, да забыл.

Берет яблоко, пытается откусить кусок.
Умирает. Ангеле закрывает ему глаза. Берет яблоко.

КОНЕЦ

Содержание

Димитар Пандев.	
Приглашение к путешествию	5

СТИХОТВОРЕНИЯ

Славко Яневский

Мефа	9
Глухие команды	9
Зеленая ночь в апреле	10

Блаже Конеский

Вышивальщица	12
Тоска	13
Урна	14
Одиночество	14
Ангел Святой Софии	14
Пословица	15
Ars poetica	15
Молитва зауспокойная	16

Ацо Шопов

Озеро	17
Рождение слова	18

Матей Матевский

Закат	19
Звон	20
Плавание	20
Скала	21
Одиночество	22

<i>Камыш</i>	23
<i>Буря</i>	23
<i>Дюны</i>	24
<i>Черные корабли</i>	25
<i>Черный лебедь</i>	25

Гане Тодоровский

<i>Ночь без пунктуации</i>	27
<i>Семь возвращений к мотиву осины</i>	28
<i>Любовное</i>	29
<i>О пользе зрелого возраста</i>	29
<i>Самозниффия</i>	30

Влада Урошевич

<i>Что поэт хочет сказать этим стихотворением</i> . . .	31
<i>Всадники</i>	32
<i>Южная звезда</i>	33
<i>Небесный сад</i>	33
<i>Астрономы</i>	34
<i>Спящая женщина</i>	36
<i>Темные авантюры</i>	36
<i>Марк Шагал</i>	37
<i>Поэтика</i>	38
<i>Непрочитанная книга</i>	38
<i>Абланатаналба</i>	40

Чедо Якимовский

<i>Нарцисса</i>	42
<i>Лживое море</i>	42
<i>Лесновские колокола</i>	43
<i>De profundis</i>	44

Веле Смилевский

<i>Поэту нужен компас</i>	45
<i>Рифмованная книга</i>	46
<i>Мифическая книга</i>	47

Иван Джепароский

<i>Дискобол</i>	49
<i>Красный концерт</i>	49
<i>Любовная песня Александра Дж. Пароского</i>	50

РАССКАЗЫ

Блаже Конеский

Прощеное воскресенье 55

Димитар Солев

Ни дня без строчки 62

Влада Урошевич

Сабля 79

Манекен 88

Живко Чинго

Мыши всемогущего Бога 95

Сын 104

Зоран Ковачевский

Аристотель из Ресена 111

Бриллиантин 119

Трайче Крстеский

Охота на зайца 126

Драги Михайловский

Почталъон 139

Александар Прокопиев

Гомункул 146

Эрмис Лафазановский

Палица 164

Когда в Скопье появились зонтики 169

Блаже Миневский

Окно верхней комнаты с балконом 177

Венко Андоновский

Комната для души 182

Димитрие Дурацовский

На автовокзале, Мирьяна... 189

ПЬЕСЫ

Горан Стефановский

Чернодринский возвращается домой 199

Деян Дуковский

Пороховая бочка 263

Рождение слова
Македонские переводы
Ольги Панькиной

Младший редактор
Е.В. Неледва

Художественный редактор
Т.Н. Костерина

Оператор компьютерной верстки
Л.Г. Иванова

Оператор компьютерной верстки
переплета
В.М. Драновский

Технолог
М.С. Кырбаш

ООО «Центр книги Рудомино»
109189, Москва, ул. Никольямская, д. 1
Отдел реализации издательства: (495) 915-31-00
e-mail: synkova@libfl.ru, amin@libfl.ru
<http://www.facebook.com/CentreBook>

Допечатная подготовка ООО «Бослен»
(499) 270-09-59, (495) 971-89-09
<http://www.boslen.ru>

Подписано в печать 15.03.2019
Формат 84×108/32
Тираж 1000 экз.
Заказ № 2368.

Отпечатано
в АО «Первая Образцовая типография»,
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru,
E-mail: sales@chpd.ru,
т/ф. 8(496) 726-54-10

